

Д. П. АНУЧИНЪ.

КЪ ИСТОРИИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНИЕ

„О ЧЛВКВЪЦТХЪ ПЕРВЫХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ“.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 14-Ю РИСУНКАМИ ВЪ ТЕРСТЪ.

Изд. АН   *Изд. 1900*

МОСКВА.

Типо: Ян и Сзводковскіи О. О. Гербскіи.

1900.

Д. Н. АНУЧИНЪ.

КЪ ИСТОРИИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНИЕ

„О ЧЕТВЕРЦЕХЪ НЕЗНАСНЫХЪ КЪ ВОСТОЧНОЙ СТРАНЕ“.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 14-Ю РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.

Типографія и Словоитня О. О. Гербекъ.

1890.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

КЪ ИСТОРИИ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ СИБИРЬЮ ДО ЕРМАКА.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СКАЗАНИЕ

„О ЧЕЛОВѢЦѢХЪ НЕЗНАЕМЫХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СТРАНѢ“.

Въ старинныхъ русскихъ Сборникахъ XV—XVIII вв. встрѣчается статья, подъ заглавіемъ: «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ»; иногда съ добавочнымъ заголовкомъ: «о языцѣхъ разныхъ и яновидныхъ». Въ статьѣ этой сообщаются разные рассказы или слухи о народахъ Сибири, которая, впрочемъ, не носитъ въ статьѣ еще такого имени, а называется просто «восточной страной». Определеніе этихъ рассказовъ, какъ слуховъ, будетъ наиболѣе подходящимъ, такъ какъ сама статья называетъ описываемые въ ней народы — «незнаемыми» и сообщаетъ о нихъ многія такія невѣроятныя свѣдѣнія, которыя были бы немислимыми, если бы народы эти были дѣйствительно извѣстны. Вообще, большая часть сказанія отличается, на первый взглядъ, такимъ сказочнымъ, мифическимъ характеромъ, что невольно вызываетъ предположеніе о происхожденіи его въ эпоху, когда Русскіе еще не проникли далеко въ Сибирь, когда самое нынѣшнее названіе ея не было извѣстно, когда все знаніе объ этой «восточной странѣ» ограничивалось лишь немногими свѣдѣніями Новгородскихъ торговыхъ людей, ходившихъ въ Югру и къ ближайшей Самоѣди. Въ пользу древности сказанія говоритъ также то, что нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній мы встрѣчаемъ у Герберштейна, Дженкинсона и на многихъ картахъ конца XVI и XVII-го вѣка, а въ особенности — тотъ фактъ, что лучшіе списки его находятся въ Новгородскихъ рукописяхъ XVI-го и даже, по свидѣтельству знатоковъ, конца XV вѣка.

Впервые я ознакомился съ указанною статьею, благодаря любезности проф. Н. С. Тихонравова, который далъ мнѣ списать, сдѣланную имъ собственноручно, копію статьи изъ одной Новгородской рукописи, по его определенію XV—XVI в., нынѣ находящейся въ библиотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Софійская, № 1642, л. 84). Позже я получилъ другой, болѣе полный списокъ того же сказанія отъ проф. А. С. Павлова,

который нашел его, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ одномъ рукописномъ сборникѣ Соловецкой библиотеки (№ 844, лл. 303 — 307 нынѣ — въ библиотекѣ Казанской Духовной Академіи), относящемуся (согласно опредѣленію проф. Павлова и извѣстнаго слависта, бывшаго профессора Григоровича) къ концу XV в. Затѣмъ я имѣлъ возможность сравнить еще четыре списка той же статьи, находящіяся въ слѣдующихъ рукописяхъ: а) въ одномъ Сборникѣ Синодальной Библиотеки (№ 272, лл. 340 — 343) половины XVII в., писанномъ скорописью и начинающемся Стоглавомъ, но за которымъ слѣдуютъ другія статьи, въ томъ числѣ и «о челоуѣцѣхъ незнаемыхъ». На первыхъ листахъ рукописи имѣется вкладная записка объ отдачѣ книги патріархомъ Никономъ въ 7166 г. (1657), 3-го октября, въ Воскресенскій монастырь; б) въ сборникѣ Библиотеки Румянцовскаго музея изъ собранія Бѣляева (№ 45 [1550], л. 66 слѣд.), XVII в., начинающемся Люсидаріемъ, но заключающемся въ себѣ и другія статьи, въ томъ числѣ «Слово о челоуѣцѣхъ незнаемыхъ»; в) въ Сборникѣ той же Библиотеки, изъ собранія Ундольскаго (№ 761), XVIII вѣка, л. 85. Сборникъ этотъ начинается «Путешествіемъ Т. Коробейникова», затѣмъ слѣдуютъ: посольство въ Царьградъ Шейна и Бѣлогуза, 1570 г.; посольство въ Китай казака Петлина 1618 г. и наконецъ — «О челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ»; г) въ «Матеріалахъ для исторіи Сибири», списанныхъ изъ разныхъ рукописей П. М. Строевымъ и подаренныхъ имъ въ 1840 г. въ библиотечку Н. Н. Царскаго, а нынѣ находящихся въ библиотекѣ графа А. С. Уварова (Цар. № 245, гр. Увар. № 312). По всей вѣроятности, имѣются и другіе списки, но лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ, повидимому, признать — найденный А. С. Павловымъ въ Сборникѣ Соловецкой Библиотеки. Списокъ Софійской рукописи также хорошъ, но въ немъ недостаетъ одного (второго) разсказа, а одинъ изъ слѣдующихъ спутанъ. Поише списокъ Синодальной Библиотеки, который, вообще, довольно вѣренъ и заключаетъ въ себѣ одно пояснительное мѣсто, не находящееся ни въ одномъ изъ прочихъ списковъ. Въ списокѣ Бѣляевскаго собранія одно собственное имя испорчено, а также есть добавки и замѣны нѣкоторыхъ сѣверныхъ словъ другими, болѣе общепотребительными, хотя часто далеко не тождественными (напр. вмѣсто «песць» — «лисиць» и т. п.). Въ сборникѣ Унковскаго заглавіе статьи написаны вязью и отдѣльные разсказы имѣютъ обозначенія (первое второе, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, осьмое, девятое, десятое); встрѣчаются описки, добавки и два собственныхъ имени искажены. Подобныя же добавки и описки, хотя въ меньшей степени, имѣются и въ списокѣ Строева, въ остальномъ, впрочемъ, довольно вѣрномъ. Такимъ образомъ, лучшимъ (и древнѣйшимъ) спискомъ оказывается Соловецкій, что уже одно доказываетъ древность сказанія и происхожденіе его въ Новгородской землѣ. Многія подробности статьи указываютъ на то, что составителемъ ея было лицо, хорошо знакомое съ сѣверной природой, съ мѣстными названіями и что онъ былъ челоуѣкъ торговый, интересовавшійся по преимуществу тѣмъ, у какого народа есть какой товаръ.

Сказаніе столь древняго происхожденія, заключающее въ себѣ первыя ко времени русскія свѣдѣнія о Сибирскихъ народахъ, представляетъ несомнѣнно значительный интересъ и заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Какъ бы ни казались баснословными многіе изъ сообщаемыхъ въ немъ слуховъ, ихъ все-таки нельзя выкинуть изъ исторіи земельвѣдѣнія и этнографіи Сибири. Эти свѣдѣнія и слухи были результатомъ перваго ознакомленія русскихъ людей съ Сибирью, — ознакомленія, правда, крайне недостаточнаго и неточнаго, основаннаго, повиднмому, большей частью на разспросахъ, на невѣрныхъ, непонятыхъ или преувеличенныхъ разсказахъ, но въ которомъ все-таки была извѣстная доля истины, и которое, во всякомъ случаѣ, является характернымъ для соотвѣтственной эпохи въ исторіи русской образованности и спеціально — въ исторіи расширенія русскихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, до настоящаго времени указанная статья оставалась почти неизвѣстною или по крайней мѣрѣ обращала на себя весьма мало вниманія. Она была, правда, напечатана, но въ мало извѣстномъ изданіи и притомъ съ ошибками; что же касается до ея анализа, до необходимаго комментарія, то онъ не былъ сдѣланъ никѣмъ, и всѣ, говорившіе о ней, ограничивались только указаніемъ на баснословный характеръ приводимыхъ въ ней извѣстій, которыя, по мнѣнію однихъ «говорятъ о направленіи фантазій общества, среди котораго пользуются кредитомъ», а по другимъ — свидѣтельствуютъ о томъ, что «люди, побывавшіе за Камнемъ (Ураломъ) склонны были къ преувеличеніямъ, что «торговцы старались наскзать разныхъ ужасовъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли, ... люди воинскіе любил похвастать, ... а третьи не обладали способностью относиться критически къ разнымъ слухамъ... и также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Но, не говоря уже о томъ, что въ сказаніи нѣтъ никакихъ такихъ ужасовъ которые бы могли испугать бывалыхъ торговцевъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ хвастовства «воинскихъ людей», нельзя не замѣтить, что статья вовсе не носитъ характера фантастической выдумки или разсчета отвести другихъ отъ проникновенія въ отдаленную страну за выгоднымъ торгомъ. Напротивъ, есть даже основаніе думать, что статья была составлена съ цѣлью дать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о неизвѣстной странѣ и указать, гдѣ и какой можно получить тамъ товаръ, то-есть служить чѣмъ-то въ родѣ краткаго путеводителя, основаннаго отчасти на извѣстномъ, большею же частью — на добытомъ путемъ разспросовъ, по всей вѣроятности — отъ Зырянъ и отъ Югры (Вогуловъ).

Прежде однако, чѣмъ входить въ подробности, приведемъ подлинный текстъ сказанія, по списку Соловецкой рукописи и укажемъ его главнѣйшіе варианты, встрѣченные нами въ другихъ спискахъ. При этомъ, для сокращенія, будемъ обозначать: списокъ Софійской рукописи черезъ *Соф.*; Сянодальный чрезъ *Син.*; Московскій, изъ собранія Бѣляева — *Бѣл.*; — изъ собранія Унковскаго — *Унк.* и Строевскій (изъ собр. гр. Уварова). *Стр.*

РУКОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ СОЛОВЕЦКОЙ БИБЛИОТЕКИ

(Казан. Дух. Академіи; № 844, in 8°, лл. 303 — 307).

О ЧЛЦѢ^х НЕЗНА
 ЕМЫ^х ВЪ ВОСТОДНѢИ СТРАНѢ^х 1).
 На ВОСТОДНѢИ СТРАНѢ, ЗА^н
 ГОРЬСКОЮ ЗЕЛЕЮ²⁾. НА МОРЕ³⁾
 ЖИТЬ⁴⁾ ЛЮ^д, САМОѢДЬ. ЗОВО^м
 МЫ, МОГОНЗѢИ⁵⁾. А АДЬ⁶⁾ НХЗ
 МАЛО ШЛЕЕ^н ДА РЫБА. ДА МЕС^н
 СОВОЮ ДРУ^д ДРУГА АДЬ. А ГОСТЬ
 КНИ^м ШКЪДЫ ПРИИДЕ. И ОНИ
 ДѢТИ СВОИ ЗАКАЛАЮ НАГО
 СТИ, ДА ЧѢ^м КОРМА. А КОТО
 РОИ ГОСТЬ ШН^н ШМРЕ. И ОНИ
 ТОГО СНѢДАЮ. А ВЗЕМЛЮ НЕ
 ХОРОНЬ. А СВОИ ЧАКЪ. ОНЪ
 ЛЮ^д НЕВЕЛНКИ ВЪЗРАСТОМЪ.
 ПЛОСКОВИДЫ. НОСЫ МАЛЫ.

1) До сихъ поръ киноварью. Въ сборникѣ Унк. — вязью, и постѣ, вязью же, «перво». Въ Сил. и Стр. прибавлено: «и о азыцѣхъ розныхъ». Въ Соф. «о члцѣ незнаннымъ въ восточнѣй странѣ. О члцѣхъ ризныи и иноудныи». Въ Бил. — «свои о члцѣхъхъ незнаннымъ».

2) Унк.: «ма нгорскою землю».

3) Сил.: «наде морякъ шланомъ».

4) Соф.: «живля».

5) Соф.: «самочѣхъ зовома могозѣи»; Сил.: «могонзѣи»; Бил. «самочѣхъ зовомаи могозѣи»; Унк.: «самднхъ самоу зовома могозѣи».

6) Соф. «ѣствл», Унк. «а адъ онъ».

Но рѣзвы вѣми, и стрѣлцы
 скоры и горазды. а мзда⁷⁾
 на оленѣ и на собакаѣ. а пла
 тѣе носм⁸⁾ соволие. и олее. ⁹⁾
 а товаръ нх¹⁰⁾ соволи.
 вт¹¹⁾ой странѣ. инаа само
 ѣдъ чяковѣ. диннаа словѣ.
 дѣтѣ мѣць живѣ вморн.
 а на сѣсѣ не живѣ того радн.¹⁰⁾
 за нѣ тѣло на нх¹¹⁾ трѣсклѣса.
 и они тѣ мѣць вводитѣ лежѣ.
 а на верѣ несмѣю вылѣстн.¹²⁾
 вт¹³⁾ой странѣ. инаа само
 мдѣ. по пѣ лю¹⁴⁾ мохнатты.
 до долѣ. а ш¹⁵⁾ пѣпа вверхъ
 мкѣ¹²⁾ и прочіи члци. а мдѣ н¹⁶⁾
 рыбы и мдсо.¹⁴⁾ а торгъ нхъ
 соволи и псцы и пыжи.
 и оленіи кожн.¹⁵⁾
 вт¹⁷⁾ой странѣ. инаа само
 ѣдѣ. вверхѣ рѣты на тѣ

7) Соф. «а пдѣ носѣ соволи и оленя, а мзда на оленя и на собака».

8) Въ Соф. слѣдующаго извѣстія о «линей самоѣда» нѣтъ, также въ Бял., но въ Сил., Унк. и въ Стр.— есть. Въ Унк.— передъ вторымъ извѣстіемъ стоитъ «второю» передъ третьимъ «третья» и т. д.

9) Стр.— прибавлено: «за тѣми людьми, надъ моремъ живутъ»; Эта прибавка (кроме, только слова «живутъ») слѣдуетъ вездѣ послѣ словъ «въ той же странѣ».

10) Стр.— «того дѣля того мѣсяца».

11) Стр.— «не могутъ»; Сил.— «не выдедѣтъ».

12) Стр.—указанная выше прибавка; Бял.— вставлено: «за тѣми же мѣсяци»; Соф.— «за тѣми людьми и тѣми моря».

13) Соф. и Стр.— «мкѣ».

14) Соф. «а чѣ и рыба да мдсо».

15) Соф. «да псци да пыжи да оленьи кожн, а пдѣ носѣ въ тѣмъ шмѣ». Бял.— «своли и лянцы».

МЕНИ, А НЕ ГОВОРѢ. А ОВРѢ
 В ПОЛНИИ ЧЛЪ. ¹⁶⁾ А КОЛИ АДѢ,
 И ОНИ КРОШѢ МАСО, ИЛИ
 РЫБЪ. ДА КЛАДѢ ПО КОЛПѢ. ¹⁷⁾ ИЛИ
 ПО ШАПКѢ. И КѢ ПОЧНѢ АСТН,
 І ОНИ ПЛЕЧИМА ДВИЖѢ БЪЕ
 РУХЪ И ВНѢ. ВЪ ТОИ СТѢРАНИ ¹⁸⁾
 Ё ИНАА САМОТЪДЪ. ШКО И ПРО
 ЧІИ ЧЛЪИ. НО ЗНИИ ШМИРАЮ
 НА ДВА ЛІЦА. ШМИРАЮЖЕ ТАКО,
 КѢ ГЕ ¹⁹⁾ КОТГОРѢ ЗАСТАНѢ ВЪ ТѢ
 ЛІЦИ. ТѢ ТѢ И СЛАДѢ. ²⁰⁾ А Ш НЕ
 ИЗНОСА ВОДА ИЗОНДѢ. КѢ ШПО
 ТОКА. ДА ПРИМЕРЗНѢ КЪ ЗЕМ. ²¹⁾
 НИКТО ЧЛЪИ ИНЫЕ ЗЕМ, НЕ
 ВИДѢНИИ ²²⁾ ПОТѢ ТОИ ШРАЗИ
 Ш НЕГО, И СОПЪХНѢ СМѢСТА, И
 Ѣ ОУМРѢ, ТО ШЖЕ НЕ ОЖИВѢ.
 А НЕСОПЪХНѢ СМѢСТА, ТОИ
 ОЖИВѢ, И ПОЗНАѢ И РЕЧѢ ЕМѢ,
 ОЧѢ МА ЕСИ ДРЪЖЕ ПОДРОВА. ²³⁾

¹⁶⁾ Соф. «Въ той странѣ за тѣми лѣми на тѣшии мирѣ і инаа самоудѣ талова. вверху рты. рѣ на тѣмѣи шѣѣ. і не гораѣ. а видѣніе изъ пошаниѣ члѣи». Стр. «сверху рту ротъ на тѣмени, а не говорить, а видѣніе въ пошинуи человѣци». Сил. «видѣніе изъ пошаниѣ члѣи», Уик. «а омуза изъ пошаниѣ члѣи».

¹⁷⁾ Соф. — Слово «подъ колпакъ или» нѣтъ.

¹⁸⁾ Раньше этого знака в не было. (Прил. А. С. Павлова).

¹⁹⁾ Соф. — слова «гѣ» нѣтъ.

²⁰⁾ Соф. «то тѣто и гдѣ».

²¹⁾ Соф. «да вмерзніе въ земли». Стр. «да вымерзнуть къ земли».

²²⁾ Соф. не «вѣніи», Стр. «невѣданіемъ», Уик. «невѣданіемъ».

²³⁾ Въ Соф. сокращено и извращено: «кто члѣ... сопхнѣ его с мѣста тон омиѣи и познѣи и рѣчи о чѣ ми еси дрѣже подрова». Въ Стр. тоже переврано.

а иные оживлю²⁴⁾ къ сѣнце
 на лѣто вернѣса. тако на
 всакын го²⁵⁾ оживлю и ѡми
 раю. Итои странѣ вверху²⁶⁾
 овн рѣкы великыа. ѿ земли
 бандж именѣса. 24) лѣса на нѣ
 нѣт. а лю²⁷⁾ къ и прочиѣ члци.
 живѣ вземли. а едѣ²⁸⁾ мало
 соволиѣ. а много ѡ нѣ никто
 рога звѣра нѣт опрочѣ соволи.
 а носѣ плаѣ все соволиѣ. и рѣ
 кавицы и ногавицы. а инѣ
 плаѣ ѡ нѣ нѣт. ни товарѣ
 никтоѣ. а соволи ѡ нихъ
 черны вѣли ѿбелкы. шеръ
 стъ живѣ соволи по земли са
 волочи. Итои странѣ и
 на самоѣдѣ. По обычаю
 члци, но вѣглѣ. 29) рѣты ѡ нѣ
 межн плѣни. а ѡчи вз грѣ
 дѣ. а адѣ ѿ головы оленѣи
 сырыѣ, и колн ѿ лѣти. ѿ они
 головы оленѣи возметыва
 ю³⁰⁾ себѣ вѣрѣ на плечи. и на рѣ
 гын днѣ кости измещѣть.

24) Соф. «и на оживлю», Стр. «в они оживляютъ».

25) Соф. «ѿ такоа земля еѣ именовѣса, Стр. — «земля Сидѣя. Син. — «вверху ѿи рѣки великѣа, поимѣтъ са чхоты дѣни лѣтѣни»; Унк. «ѿ именовѣца».

26) Соф. «а члѣ и».

27) Соф. «ѿ тои аз стрѣтъ ѿ такоа самоѣдѣ, аз пошаниѣ къ члци по еѣ голо».

28) Соф., Син., Стр. — «взметываютъ»; Унк. — «возметыва».

нѣ себѣ тѣдѣ, а не говорѣ. а
 стрѣблѣже нѣ²⁰⁾ трѣба же
 лѣзна вѣрѣцѣ. а кѣ дръгон
 рѣцѣ стрѣлка желѣзна.
 да стрѣкѣ²¹⁾ вѣкладѣ вѣ трѣ
 вкѣ²²⁾. да вѣтѣ молѣкѣ вѣ стрѣ
 кѣ. ²³⁾ а товарѣ оу нѣ нѣкоторѣ
 нѣтѣ. вѣврѣхѣ тоѣ рѣккѣ вѣ
 ликѣм оу нѣ ѣ лиѣ ходѣ попо
 зѣленю иноу рѣккою дѣнь да ноуѣ,
 сѣ огни. ²⁴⁾ и вѣходѣ на озерѣ.
 и на тѣтѣ озерѣ свѣтѣ прѣчюдѣ.
 и грѣ велѣ²⁵⁾, а посады нѣтѣ ѣ нѣ.
 ѣкто поѣдѣ²⁶⁾ кѣ градѣ томѣ.
 ѣтогоѣ слышнѣти шѣмѣ велѣ
 вѣ градѣ тѣ. каѣ и вѣ прочѣи
 градѣ²⁷⁾. и каѣ прѣидѣ вѣнего
 и²⁸⁾ людѣм вѣнѣ нѣтѣ и шѣмѣ
 не слышнѣти нѣкоторѣго. ²⁹⁾
 ни иноѣ чѣго жнѣкѣна. но ³⁰⁾ вѣ
 всѣкѣ дѣворѣ³¹⁾ кѣсти и пи

²⁰⁾ Соф. Сил. Стр.— прибавлено «тѣнолѣ».

²¹⁾ Соф. «да стрѣлка тѣ вѣкладѣмѣ вѣ трѣбѣ тѣ». Стр. «да стрѣлку ту вѣкладѣмѣ вѣ
 рѣкѣ».

²²⁾ Соф. «ѣ стрѣлкѣ тѣ», Стр. «вѣ трубку ту».

²³⁾ Соф. «вѣ вѣрѣхѣ тоѣ рѣккѣ бѣи велѣнна, и тоѣ стрѣлкѣ ѣ ѣмѣ салѣдѣ. ходѣ по нѣ зѣ-
 мѣли иноу рѣккою дѣнь да ноуѣ сѣ огни. Стр. «Вѣврѣхѣ тоѣ же рѣккѣ Оби велѣнна вѣ тоѣ ихѣ
 странѣ естѣ нѣная салѣдѣ... и вѣходѣмѣ на озерѣ».

²⁴⁾ Соф.— прибавлено: «стой нѣ нѣ», Стр. «стоятѣ надѣ тѣмѣ же озерѣмѣ».

²⁵⁾ Соф., Стр. «и коли поѣдѣтѣ кто»

²⁶⁾ Соф. прибавлено: «жнѣвѣщѣи».

²⁷⁾ Соф. Стр. «ино».

²⁸⁾ Соф. «ни шѣмѣ не слышнѣти ни которѣго».

²⁹⁾ Соф., Стр. «тоѣмѣко».

тн все много ³⁹⁾ и товарѹ
 всакѹ. комѹ что надобѣ.
 и ѿ положивѹ цѣны протн-
 вѹ того, да возмѣ что ко
 мѹ надобѣ. ⁴⁰⁾ и прѹ шхѹдѹ.
 а кто что весцѣны возмѣ,
 и прѹ шндѣ. и това ѹ него
 погывнѣ ⁴¹⁾ ꙗ оврацѣса па
 кы кѹ свое мѣстѣ. и ка
 прѹ шхѹдѹ ⁴²⁾ ш града тѹ. и
 шю паку слышѣти ка
 и вѹ прочѣ градѣхъ ⁴³⁾
 вѹостѹнѣи же странѣ ѣ
 ннаа самоѹдѣ камѣскаа. ⁴⁴⁾
 овлежѣ около югорскѣе
 зѣли. а живѹ по гораѹ высо
 кы. а ѣздѹ на оленѣ и на со
 бакѹ. а пладѣ носѹ соволѣ.
 и оленѣ. а ладѹ масѹ олеѣ
 да и собачинѹ. и вобровинѹ
 сырѹ ладѹ. а кровь пью члчу
 и всакѹю. да ѣ ѹ нѣ ⁴⁵⁾ лѣкарн.
 ѹ которого члка вѣдрн не зѣра
 во. и они брюхо рѣжѹ. да
 нѣтрѹ вынимаю и очицаю

³⁹⁾ Соф., Стр. «много всего».

⁴⁰⁾ Въ Стр. пропущено со словъ «и ога» до слова «надобѣ» включительно.

⁴¹⁾ Соф. «а кто что еѣ цѣны взамѣ и ка прочѣ шндѣ и товара ѹгывнѣ ѹ нѣ».

⁴²⁾ Соф. «пошдѣ».

⁴³⁾ Соф. «нѣ ꙗ впрочѣ градѣ вѣдрн».

⁴⁴⁾ Соф. «ѣнаа самоѹдѣ зовомѣ камѣскаа».

⁴⁵⁾ Соф., Стр. вставлено — чановы ладн».

и паки *зжнваляю*.⁴⁶⁾ Да вѣто
ниже самоеди.⁴⁷⁾ видали ска
жю самоедъ старые люди
згоры подлѣ море, мртвѣ
своѣ идѣтъ⁴⁸⁾ плачущи мно
жество ихъ. а за ними идетъ⁴⁹⁾
белѣ члкъ, погоняа ихъ
палицею желѣзною.

Въ первый разъ только что приведенная статья была напечатана г. *Оирсовымъ*, въ его сочиненіи (диссертаци): «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ Государствѣ». (Казань. Изданіе редакціи «Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета»). 1866. Въ этомъ сочиненіи, въ отдѣлѣ А, посвященномъ «Обзору жизни инородцевъ передъ временемъ вступленія ихъ въ составъ Московскаго Государства», въ раздѣлѣ II, озаглавленномъ: «Инородцы на сѣверѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири», авторъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 29 — 30): «Обо всѣхъ, впрочемъ, народностяхъ, какъ къ сѣверу Великой Перми и Югорской земли, такъ и къ востоку и югу Русскіе почти ничего не знали ранѣе XVI и XVII стол. Югорская земля была крайнимъ предѣломъ, до котораго простирались болѣе или менѣе положительныя географическія свѣдѣнія. Походы Русскихъ въ эту страну, во второй половинѣ XV столѣтія, какъ кажется, не совсѣмъ разсѣяли тѣ баснословныя толки, предметомъ которыхъ долгое время былъ Югорскій край, и которыя, представляя его землею мрака и обитателей нѣмыми существами, умнравшими на зиму, возникли и разнообразились, вѣроятно, вслѣдствіе хвастовства людей, бывавшихъ тамъ, и легковѣрія общества. По крайней мѣрѣ во времена Герберштейна не переставали ходить въ Москвѣ подобныя толки относительно Югорской земли. Тѣмъ крѣпче они могли держаться въ публикѣ, что земля Вогуличей, послѣ опустошительнаго похода на нее въ 1499 г. кн. Семена Курбскаго, не была окончательно покорена власти Московской и, какъ кажется, господство послѣдней надъ ней, въ теченіе XVI в., было болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Что же касается до другихъ странъ и народовъ, лежавшихъ

---

⁴⁶⁾ Соф. «идѣтъ вышнимъ и очницю и на ѡнвляю».

⁴⁷⁾ Соф. «да въ сѣи самоеди».

⁴⁸⁾ Унѣ. «мртвѣхъ своихъ несть а идѣтъ».

⁴⁹⁾ Соф. «идѣтъ послѣ ихъ».

къ сѣверу и востоку отъ этой земли, то объ нихъ рассказывались часто сказочныя вещи и этимъ рассказамъ, какъ видно, вѣрили до тѣхъ поръ, пока Русскіе не стали крѣпкою ногою въ Сибири и не дали знать міру, что тутъ живутъ тоже люди, со всѣми принадлежностями человѣческой породы, отличающіеся отъ другихъ только языкомъ и образомъ жизни». Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе (47), въ которомъ авторъ говоритъ: «Такъ какъ во всякой сказкѣ есть доля правды и такъ какъ, съ другой стороны, сказка говоритъ о направленіи фантазіи общества, среди котораго пользуется кредитомъ, то привожу здѣсь отрывокъ въ этомъ родѣ, заимствованный изъ сборника Соловецкой бібліотеки (при Духовной Казанской Академіи, № 844, л. 303 — 308) и доставленный мнѣ А. С. Павловымъ», — и затѣмъ приводитъ (петитомъ) помѣщенную выше статью, очевидно съ той же копіи, которою пользовались и мы. Слѣдуетъ замѣтить однако, что несмотря на крупный и отчетливый почеркъ копіи сдѣланной А. С. Павловымъ, въ печатный текстъ сказанія (у Фирсова), вкралась многія ошибки или опечатки; такъ напр. вмѣсто «Молгонзѣнъ» стоитъ «Монгонзѣнъ», вмѣсто «рукавицы» — «рукиводы» и т. п. Въ дальнѣйшемъ изложеніи у Фирсова ничего болѣе объ означенной статьѣ не говорится: въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ того, никто, кажется, также не обратилъ на нее вниманія. О ней упоминаетъ, правда, проф. Е. Е. Замысловскій въ своемъ сочиненіи о Герберштейнѣ, но лишь мимоходомъ, въ примѣчаніяхъ, хотя нѣкоторыя баснословныя извѣстія, записанныя имперскимъ посломъ о далекомъ Сѣверѣ и давали поводъ сопоставить съ ними въ подробностяхъ Новгородское сказаніе, тѣмъ болѣе, что Герберштейнъ ссылается на какой-то «дорожникъ» (itinerarium), изъ котораго ояъ, по его словамъ, заимствовалъ приведенныя имъ свѣдѣнія⁴⁰⁾. Не приводитъ эту статью и А. Н. Поповъ — въ своемъ сочиненіи о Хронографахъ и въ составляющемъ прибавленіе къ нему «Изборникѣ», въ которомъ сопоставлены многія старинныя русскія извѣстія о Сибири и о тамошнихъ «звѣрообразныхъ людяхъ». Лишь мимоходомъ и иногда даже не указывая источника — заимствовали изъ нея нѣкоторыя данныя гг. Аристовъ, Поляковъ, Костомаровъ⁴¹⁾. Единственный изслѣдователь, остановившій въ большей степени свое вниманіе на упомянутомъ сказаніи, былъ Оксеновъ. Въ своемъ этюдѣ: «Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака», помѣщенномъ въ «Сибирскомъ Сборникѣ» 1887 г. (Приложеніе къ «Восточному Обзорнію». 1888. Кн. IV. 1887), г. Оксеновъ между прочимъ говоритъ (стр. 108): «Несмотря на то, что сѣверо-западная Азія посѣщалась Русскими съ древнѣйшихъ временъ, однако до времени покоренія Сибирскаго царства

⁴⁰⁾ Замысловскій, Герберштейнъ, стр. 84, прим. 3; стр. 419, прим. 8.

⁴¹⁾ Аристовъ, Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 209, прим. 754; Поляковъ, статья о Лукоморьѣ въ «Живописной Россіи» изд. Вольфомъ; Костомаровъ, Сѣверныя Народоправства.

русскіе люди не обладали положительными свѣдѣніями объ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, находились немногія отдѣльные лица, знавшія, до извѣстной степени, Зауральскій край, но ихъ географическія и этнографическія свѣдѣнія объ этой странѣ оставались ихъ личнымъ умственнымъ достояніемъ и не входили въ общее сознание. Для массы русскихъ людей сѣверо-западная Азія до эпохи Ермака была вполнѣ terra incognita, преисполненная разныхъ ужасовъ и невѣроятныхъ вещей. Авторъ приводитъ затѣмъ преданія о полуоцныхъ народахъ, записанныя въ лѣтописяхъ (Ннконовская, подъ 1006 г.; Ипатьевская, подъ 6622 г.), говоритъ о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую землю, о походѣ Московской рати за Уралъ въ 1483 г., и, нѣсколько противорѣчая сказанному имъ ранѣе, заключаетъ (стр. 110): «Можно сказать, что во второй половинѣ XIV в. и первой половинѣ XV Русскіе не лишены были хотя небольшихъ положительныхъ свѣдѣній о рѣкахъ и странахъ сѣверо-западной Азіи, а во второй половинѣ XV в., кромѣ того, знали довольно хорошо путь, по которому можно было перейти изъ древней Россіи за Уральскія горы, въ землю Сибирскую и Югорскую. Но эти немногія положительныя свѣдѣнія не мѣшали распространенію баснословныхъ разсказовъ»... Сказавъ послѣ того нѣсколько словъ о походѣ 1499 г. на Вогуловъ и въ Югру, и о сношеніяхъ во второй половинѣ XVI — стол. съ татарскими владѣтелями въ Сибири, г. Оксеновъ замѣчаетъ, что Русскіе того времени знали довольно хорошо только дорогу въ Сибирь (Искерть), а о странѣ къ сѣверу отъ нея имѣли лишь смутныя понятія. «Замѣтимъ вообще, говоритъ онъ, что всѣ до эпохи Ермака полученныя Русскими свѣдѣнія о земляхъ и народахъ сѣверо-запада Азіи, носятъ характеръ отрывочности, случайности и во многихъ отношеніяхъ преувеличенія и даже баснословности. Люди, побывавшіе въ это время за Уральскими горами, не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но въ большинствѣ случаевъ склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣдѣній. Одни, какъ, напримѣръ люди торговые, старались наказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ, и чтобы всецѣло оставить за собой выгоды отъ этихъ промысленныхъ предпріятій. Другіе, какъ напримѣръ люди воинскіе, любили похващать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверо-западную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнюю суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались ядѣлять разными чудовищными атрибутами. Третьи, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностью отнестись критически къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ». Въ доказательство, авторъ (на стр. 113) приводитъ извѣстную уже намъ статью, «рисующую, какъ онъ выражается, довольно хорошо, какіе невѣроятные слухи о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ, рядомъ съ немногими положительными свѣдѣніями о Зауральской сторонѣ, ходили между Рус-

скими еще въ XVI столѣтіи»,— заимствуя её изъ упомянутого сочиненія Ойрсова, съ тѣми же, какъ и тамъ, ошлбками. Приведа статью цѣликомъ, авторъ дѣлаетъ такое о ней заключеніе (стр. 114): «Это фантастическое описаніе, тракующее о такъ называемой «самоѣди», очевидно, имѣло въ виду, въ первыхъ, сѣверные предѣлы земли Югорской, на что можетъ указывать упоминаемое тутъ названіе народа «Каменская самоядь». Здѣсь идетъ рѣчь о Самоѣдахъ, жившихъ при Обской губѣ и по склонамъ сѣвернаго Урала, который въ древнія времена назывался просто Камнемъ, отчего и Самоѣды, тутъ обитавшіе, могли называться «каменскими». Затѣмъ, находящееся въ приведенномъ отрывкѣ названіе «монгонзѣи» и «самоѣдъ» относится, какъ можно догадываться, къ народу, обитавшему по р. Тазу. Самоѣды, занявшіе мѣста по р. Тазу, по мнѣнію однихъ, назывались въ древнія времена «мокасе», что, подъ влияніемъ русской этимологіи, могло обратиться въ «монгонзѣи». По мнѣнію другихъ, эти Самоѣды получили названіе отъ имени одного своего князя Маказея. Наконецъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь о какомъ то народѣ, жившемъ по верхнему теченію р. Оби. Однимъ словомъ, въ баснословныхъ разказахъ о «самоѣди» описываются отдаленные народы сѣверной Азіи, о которыхъ Русскіе до эпохи Ермака знали только по доходившимъ до нихъ, самымъ извращеннымъ слухамъ»⁴⁷⁾.

Этимъ и ограничиваются, насколько намъ извѣстно, всѣ комментаріи къ разбираемому нами Новгородскому сказанію, имѣющіеся въ литературѣ. Его не коснулся и А. Н. Пыпинъ, въ своихъ статьяхъ о Сибири («Сибирь и изслѣдованія ея»), помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г., а равно и г. Адриановъ въ своей «Исторіи Сибири».

Пробѣгая приведенное нами Новгородское сказаніе, мы можемъ различить въ немъ извѣстія о девяти родахъ людей (племенахъ или народностяхъ), которые всѣ вообще называются «самоѣды», хотя относительно двухъ изъ нихъ этого обозначенія и не употреблено. Эти девять племенъ называются или опредѣляются такъ: 1) Самоѣдъ — Молгонзѣи, людоеды; 2) Лняяя Самоѣдъ; 3) Самоѣдъ — «по пупъ мохнатая до долу»; 4) Самоѣдъ со ртомъ на темені; 4) Самоѣдъ умирающая (замерзающая) на зиму или на два мѣсяца; 6) Люди вверху Оби, живущіе въ землѣ; 7) Безголо-

---

⁴⁷⁾ Тьжновъ, въ статьѣ «Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-ой половны XVI в.» (въ «Сибирскомъ Сборникѣ», изд. подъ ред. Ядринцева, 1887 г.), говоря о Витзенѣ, также ссылается на разбираемую нами статью и отмѣчаетъ, что «въ то время, какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у конхъ рты на темені, а не говорятъ, а образъ въ пошлану человекъ“ и т. д., въ тоже самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія». Г. Тьжновъ, очевидно, не принялъ въ соображеніе, что между статьею Новгородскаго торговца и сочиненіемъ о Татаріи Витзена прошло почти два столѣтія. Съ другой стороны, въ сочиненіи Витзена, представляющемъ комплексъ изъ разныхъ источниковъ, научныя свѣдѣнія такоже смѣшаны съ разными небыллицами.

вая самоѣдъ — со ртомъ между плечами и съ глазами въ груди, стрѣляющая изъ желѣзныхъ трубокъ; 8) Люди, ходящіе «по подъ землею» около озера, на которомъ есть мертвый городъ, гдѣ происходитъ нѣмой торгъ; 9) Каменская самоѣдъ, которая «облежитъ около Югорскіе земли». Относительно всѣхъ этихъ народовъ разсказываются довольно невѣроятныя вещи, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ характеризуются все-таки возможными чертами; таковы: Молгонзен; люди живущіе въ землѣ; Каменская самоѣдъ; другіе же — явно баснословными: «линия» самоѣдъ; люди со ртомъ на теменя; умирающіе на зиму; безголовые. Было бы однако нерациональнымъ отбросить сразу всѣ эти невѣроятные разсказы, какъ баснословные, и признать ихъ просто досужими выдумками какого-то проходивца торговца. Такое обвиненіе въ сознательномъ измышленіи совершенно несуществующихъ вещей можно сдѣлать только послѣ обстоятельнаго разбора сказанія. Извѣстно, что многіе разсказы древнихъ писателей, на примѣръ Геродота, долго считались совершенно баснословными, покуда послѣдующія открытія и болѣе обстоятельная критика не доказали вѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «отцомъ исторіи» или не убѣдили, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ основаніи многихъ изъ нихъ лежало нѣчто достовѣрное. Всякое описаніе, если оно сдѣлано не очевидцемъ и основано на разспросахъ и разсказахъ, почти неизбѣжно должно заключать въ себѣ неточности, искаженія или преувеличенія, которыя могутъ особенно увеличиться, если разсказъ дошелъ до записавшаго его изъ вторыхъ и третьихъ устъ, если и первый разсказчикъ имѣлъ, можетъ быть, не вполне точныя свѣдѣнія, или если слышавшій разсказъ не умѣлъ надлежащимъ образомъ его понять. Тогда, путемъ искаженій, смѣшеній и преувеличеній дѣйствительныхъ фактовъ могутъ возникать совершенно невѣроятныя представленія, въ которыхъ иногда весьма трудно и даже положительно невозможно добраться до скрытаго въ нихъ зерна истины. Исторія многихъ средневѣковыхъ, географическихъ и этнографическихъ миеовъ, можетъ служить наглядной тому иллюстраціей; въ ней можно найти не мало примѣровъ тому, какъ извѣстный дѣйствительный фактъ, невѣрно понятый или бессознательно преувеличенный, давалъ поводъ къ возникновенію самыхъ фантастическихъ и баснословныхъ разсказовъ, державшихся въ обращеніи цѣлые вѣка.

Съ другой стороны, можно допустить предположеніе, что составитель разсматриваемаго нами сказанія ограничился не только тѣмъ, что ему было извѣстно въ дѣйствительности или что онъ слышалъ отъ людей бывалыхъ, но включилъ также кое что и изъ того, что онъ вычиталъ изъ книгъ или узналъ отъ людей болѣе начитанныхъ. Въ сказаніи упоминается, между прочимъ, о людяхъ безъ рта, людяхъ безголовыхъ, людяхъ временно умирающихъ, о нѣмомъ торгѣ и т. п., — разсказы, подобные которымъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ древнихъ источникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Возможно поэтому задать вопросъ, не пользовался ли составитель сказанія какими нибудь литературными свѣдѣніями, только приурочивъ ихъ къ описываемымъ имъ странамъ. Вопросъ

этотъ существенно важенъ для опредѣленія степени оригинальности сказанія, а потому на немъ слѣдуетъ остановиться ³³⁾.

Разсказы о баснословныхъ народахъ или, какъ ихъ называли старинные русскіе книжники «дивныхъ людяхъ», «дивовищахъ», встрѣчаются въ литературахъ почти всѣхъ культурныхъ народовъ, на извѣстныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Особенно процвѣтали они, повидимому, на Востокахъ, у Индусовъ, Персовъ, Арабовъ, но немногимъ уступали имъ и тѣ, которые ходили въ Европѣ, въ теченіи болѣе 2500 лѣтъ. У Гомера мы находимъ упоминаніе о Пигмеяхъ, живущихъ гдѣ то въ Ливіи и сражающихся тамъ съ журавлями; — о людодѣдахъ Лестригонахъ, — объ одноглазомъ великанѣ Подифемѣ. Съ теченіемъ времени цикль такихъ разсказовъ-миновъ не уменьшался, а увеличивался по мѣрѣ того, какъ расширялись границы извѣстнаго тогда міра. Рядъ подобныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ мы находимъ у Геродота; припомнимъ его разсказы о Макробіяхъ, Неврахъ, счастливыхъ Гипербореяхъ, одноглазыхъ Аримаспахъ, плѣшивыхъ Агриппеяхъ и т. д. Немалое число ихъ было внесено также въ греческую литературу Ктезіемъ, врачомъ, жившимъ въ V—IV стол. до Р. X. при Персидскомъ дворѣ и собравшимъ тамъ многія баснословныя свѣдѣнія объ Индіи. Ему мы обязаны, между прочимъ, разсказами о звѣрѣ — Мартинхорѣ, величиною съ льва, съ человѣческимъ лицомъ и ушами, съ тремя рядами зубовъ и съ хвостомъ, какъ у скорпіона; о людяхъ Пигмеяхъ; о Кінокефалахъ, живущихъ охотой, но имѣющихъ также стада овецъ, козъ и ословъ; о Кинамогахъ, держащихъ громаднхъ охотничьихъ собакъ; объ Индусахъ, живущихъ по 130—200 лѣтъ и т. п. Вѣроятность этихъ разсказовъ отрицалась впоследствии Аристотелемъ, Страбономъ и др., но они продолжали ходить въ обществѣ, и любопытно, что даже ближайшее ознакомленіе съ Индіей, благодаря походу Александра Македонскаго, не было въ состояніи ихъ разсѣять. Эліанъ, Деннахъ, Мегасеенъ (посоль Селевка къ Сандракоттѣ или Чандрагуптѣ, жившій долгое время въ столицѣ Индійскаго царя, Палимботрѣ) — повторяютъ многія изъ баснословныхъ извѣстій Ктезія или заимствуютъ ихъ другими, не болѣе достовѣрными. Въ эпоху Римской имперіи всѣ подобныя разсказы о чудовищныхъ звѣряхъ и людяхъ возбуждали, правда, только улыбки философовъ, но они продол-

---

³³⁾ Викторова, въ своемъ описаніи рукописей, поступившихъ въ бібліотеку Румянцевскаго музея изъ собранія Вѣльева, говоря о «словѣ о человѣцѣхъ незнаемыхъ» и приведя начало его, замѣчаетъ: «Далѣе — баснословныя разсказы о другихъ породахъ «самоиди», въ томъ числѣ о «дивныхъ» людяхъ, со ртами на темени, или между плечами, съ глазами на груди и т. п. См. подобныя разсказы въ иѣмецкомъ Луцидаріѣ «Elucidarius», Fr. am M. 1621, 4°. Когда я дѣлалъ настоящее сообщеніе въ засѣданіи Моск. Археологическаго Общества, М. А. Веневитиновъ также замѣтилъ мнѣ, что подобныя разсказы о дивныхъ людяхъ встрѣчаются въ Луцидаріяхъ, Александріи и другихъ иностраннхъ и русскхъ (переводныхъ) памятникахъ, откуда они и могли быть заимствованы. Далѣе я разбираю этотъ вопросъ.

³⁴⁾ См. *M. Crindle, Ancient India as described by Ktesias the Knidian. Calc.-Lond. 1882.*

жали обращаться въ обществѣ и были унаслѣдованы Средними вѣками⁵⁵⁾. Отцы церкви вѣрили не только въ библейскаго Гога и Магога, но и допускали существованіе почти исѣхъ «дивныхъ людей», принимавшихся классическою древностью. По словамъ Маринелли, «древнія представленія о Кентаврахъ, Циклопахъ, Кинокефалахъ, Амазонахъ, Астомахъ, Трѣхрукихъ, Гетероморфахъ, Лемнахъ (безъ головъ, съ глазами на груди), Скоподахъ, великанахъ въ 12 футовъ ростомъ — снова возродились къ жизни въ эпоху патристики рядомъ съ тысячами образовъ бѣса, которыми занималось новое богословское ученіе. Лишь немногіе изъ отцовъ церкви не приняли никакого участія въ возрожденіи этихъ созданий древней фантазіи»⁵⁶⁾. Извѣстія о такихъ баснословныхъ народахъ вошли въ средневѣковыя энциклопедіи: Исидора Севильскаго, Викентія де Бовэ (Vicentius Bellovacensis) и др., въ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ псевдо-Каллисена, въ Сказаніе или Посланіе пресвитера Іоанна объ Индійскомъ царствѣ (*Epistola de mirabilibus Indiae*) въ спеціальныя «Книги чудесъ» («*Livre de Merveilles*», рукопись Парижской бібліотеки) и трактаты о чудовищахъ («*De Monstris et Belluis*», рукопись, какъ полагають, VI вѣка)⁵⁷⁾, въ разныя апокрифическія сочиненія (напр. въ слово псевдо-Меводія Патарскаго «о царствіи языкъ послѣднихъ временъ») и др. Немногіе образованные путешественники того времени, проникавшіе въ отдаленныя страны (какъ напр. Плако Карпини, Марко Поло, нѣкоторые арабы и др.) приносили изъ своихъ странствій новыя рассказы въ томъ же родѣ, которые стали еще болѣе возрастать въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ открытія Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ проложили путь для заморской торговли съ отдаленными странами. Новыя свѣдѣнія, перемѣшанныя со старыми, нашли себѣ мѣсто въ Луцидаріяхъ, «Книгахъ Природы» («*Das Buch der Natur von*

⁵⁵⁾ Страбонъ видѣлъ въ Пигмеяхъ просто малорослыхъ Элоповъ; онъ смѣется надъ Мегаееномъ, Деимахомъ и др., сообщавшими объ Астомахъ (безротыхъ), Монофтальмахъ, Циклопахъ и т. п. Позже Лукреціи, Овидіи и Луканъ отрицають существованіе Кентавровъ и Циклоповъ. Къ числу писателей, не вѣрившихъ въ подобныхъ чудовищъ слѣдуетъ причислить еще Ксенофонта, Агатархида, Гераклита, Діодора, Цицерона, Сенеку, Плутарха, Галена и др.

⁵⁶⁾ *Marinelli*, Die Erdkunde bei den Kirchenvätern. Deutsch von Neumann. L. 1884. S. 33 — 34. «Der hl. Augustinus z. B. schliesst diese Dinge nicht aus; der hl. Isidor glaubt entschieden an die Existenz von Pygmäen und Cynocephalen; der hl. Hieronimus, der allein eine wenn nicht richtige, so doch bezüglich der Pygmäen vernünftige Erklärung giebt, ist sich unklar, ob er die Centauren für fabelhafte oder wirkliche Wesen erklären soll; auch der hl. Isidor, zusammen mit Paulus Orosius, dem später noch Beda der Ehrwürdige folgte, nimmt das Vorhandensein von Cyclophen als wahr hin. Und alle Patres und Doctores der Kirche, vom Papst Clemens bis zu Albertus Magnus, halten die Existenz des Phönix für unanfechtbar und wagen nur über die Lebensdauer und Heimath des himmlischen Vogels zu disputiren. Отцы церкви возстали только рѣшительно противъ Антиподовъ, существованіе которыхъ было однако несомнѣнно, хотя понятіе о нихъ извратилось, вслѣдствіе тогдашняго невѣжества и превратилось въ представленіе о людяхъ съ обратными владъ ступнями и съ восьмью пальцами на каждой рукѣ.

⁵⁷⁾ См. *Berger de Xivrey*, Traditions géologiques P. 1836.

Konrad von Megenberg), и космографіяхъ (напр. *Себастіана Мюнстера*). Нѣкоторые путешественники въ Египеть, Индію и другія тропическія и субтропическія страны особенно отличились собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о баснословныхъ народахъ; въ ряду ихъ едва ли не первое мѣсто занимаетъ Мандевиль, ^{англійскій} французскій путешественникъ XIV вѣка ⁴⁶). Многіе изъ подобныхъ разсказовъ пользовались кредитомъ весьма долгое время, и мы встрѣчаемъ ихъ (или подобные имъ) даже у образованныхъ писателей XVIII вѣка, напр. у Де-Майлье, de Paw и др. Самъ Линней вѣрилъ въ существованіе хвостатыхъ людей, принималъ «ночнаго человѣка» (что-то среднее между человѣкоподобной обезьяной и человѣкомъ—альбиносомъ) и не сомнѣвался въ существованіи «дикихъ» людей, волосатыхъ, ходящихъ на четверенькахъ и открываемыхъ по временамъ въ лѣсахъ. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, не далѣе какъ 15—20 лѣтъ тому назадъ, появлялись еще извѣстія объ открытіи людей съ хвостами въ тропическихъ странахъ, именно въ Африкѣ и въ юго-восточной Азіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій, разбросанныхъ въ древней, средневѣковой и позднѣйшей литературѣ Запада, проникли съ довольно отдаленнаго времени и въ литературу русскую. Болѣе образованные люди изъ нашего духовенства знакомились съ произведеніями отцовъ церкви и съ разными апокрифическими сочиненіями, а чрезъ посредство ихъ могли получить свѣдѣніе и о разныхъ дивныхъ людяхъ. Въ до-Петровскую эпоху у насъ были въ ходу и переводы «Александринъ», и «Сказаніе объ Индіи богатой», и «Луцидаринъ» и наконецъ— «Космографинъ». Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, также какъ въ Азбуковникахъ и въ собранной изъ нихъ статьѣ «о людяхъ дивныхъ» — русскіе люди познакомились и съ Пигмеями, и съ Монокулами, и съ Сатирами, и съ Псиголовцами и со многими другими подобными баснословными людьми — чудовищами. Но, во-первыхъ, большая часть этихъ переводныхъ сочиненій стала распространяться у насъ, сравнительно, поздно, не ранѣе, надо полагать, XVI вѣка, а съ другой стороны, сопоставляя данныя ихъ съ извѣстіями разсматриваемаго нами Новгородскаго сказанія, нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ явственнаго вліянія первыхъ на вторые. Все, что говорится о Молгонзѣяхъ, о линной самоѣди, о людяхъ мохнатыхъ отъ пула до долу, о людяхъ живущихъ въ землѣ, о людяхъ ходящихъ подъ землею съ огнемъ, о Каменской самоѣди,—все это совершенно оригинально; если же въ другихъ извѣстіяхъ и встрѣчается нѣчто, напоминающее разсказы въ древнихъ и западныхъ литературахъ, напримѣръ о людяхъ безъ головъ, о нѣмомъ торгѣ,—то и это немногое обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляетъ предполагать скорѣе совпаденіе или сходство, чѣмъ какое бы то ни было заимствованіе. По всѣмъ признакамъ,

---

⁴⁶) Видѣнная мною рукопись путешествія или «романа» Мандевилля украшена множествомъ миниатюръ съ изображеніями дивныхъ людей и чудовищныхъ звѣрей, живущихъ якобы въ Египтѣ или около него, въ Индіи и Персіи.

составитель «Сказанія» писалъ не мудрствуя лукаво, что зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой рассказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же рассказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какойнибудь авторитетъ, въ родѣ того, какъ лѣтописецъ, по поводу рассказа Новгородца Гюраты Роговича о людяхъ, просѣкавшихся чрезъ горы (камень) къ Югрѣ и просившихъ знаками желѣза, припомнилъ сказаніе Меѳодія Патарскаго о людяхъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ. Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполне характеръ простаго, безпритязательнаго рассказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею,—относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара.

Сдѣлавъ такой общій обзоръ сказанія, перейдемъ къ его подробному анализу и разберемъ послѣдовательно сообщаемыя имъ извѣстія. Обратимъ прежде всего вниманіе на заголовокъ статьи: «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ», къ которому, въ нѣкоторыхъ спискахъ, прибавлено для поясненія: «о языцѣхъ розныхъ или о языцѣхъ разныхъ и иновидныхъ». Это поясненіе имѣло, очевидно, цѣлью дать понять, что дѣло идетъ не о какихънибудь отдѣльныхъ людяхъ, а о народахъ, отличающихся отъ русскаго видомъ, языкомъ и нравами. Названіе «восточная страна», прилагаемое къ области Оби, можетъ, какъ мы думаемъ, служить доказательствомъ, что слово Сибирь, не было еще извѣстно составителю сказанія. Непозможно допустить, чтобы въ эпоху, когда названіе Сибирь вошло въ употребленіе и сдѣлалось общеизвѣстнымъ, чтобы въ это время пишущій о Сибири не зналъ этого названія и продолжалъ выражаться описательно: «восточная страна». Но названіе «Сибирь» встрѣчается уже подъ 1483 г. въ описаніи похода «на Асыку на вогульскаго князя, да и въ Югру, на Обь рѣку великую»⁸⁹⁾, а въ 1544 г. «Сибирь», какъ названіе города, появляется даже на иностранныхъ картахъ (на картѣ Себ. Мюнстера). Десять лѣтъ спустя, въ 1564 г. Иванъ Васильевичъ Грозный, въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI-му, уже называетъ себя

---

⁸⁹⁾ Лербергъ высказалъ, что впервые названіе Сибирской земли встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1407 г. по случаю указанія на то, что Тохтамышъ (въ княженіи Дмитрія Дояскаго, въ 1382 г., раззорившій Москву) былъ убитъ въ томъ же году ханомъ Шадибеккомъ—въ *Сибирской землѣ*, причемъ въ Архангельск. Лѣтописцѣ сказано даже, что Тохтамышъ убитъ въ *Сибирской землѣ, близъ Тюмени*. Однако есть основаніе полагать, что это опредѣленіе мѣстности составляетъ позднѣйшую вставку. Тюмень была основана только въ 1586 г., да и самое основаніе города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половинѣ XV вѣка.

«повелителемъ Сибири» и еще прежде, чѣмъ Ермакъ перешелъ Уралъ, «Сибирь» уже вошла, какъ названіе одного изъ русскихъ владѣній, въ царскій титулъ. Названіе это, по объясненію сибирскихъ лѣтописцевъ, произошло отъ названія города Сибири, находившагося на р. Иртышѣ, близъ впаденія въ него Тобола, недалеко отъ позднѣйшаго Тобольска (второго города, основаннаго русскими въ Сибири послѣ Тюмени)⁶⁰). Хотя толкованіе книжника-лѣтописца въ данномъ случаѣ и не можетъ быть особенно убѣдительнымъ, но, принимая во вниманіе, что городъ Сибирь дѣйствительно существовалъ и считался главнымъ въ странѣ, весьма возможно, что названіе его было распространено и на всю область, получившую именованіе «Сибирской страны», а позже и «Сибири». Впрочемъ названіе это не имѣло первоначально такого широкаго значенія, какъ теперь. Оно придавалось сначала только области по Иртышу и Тоболу, стоявшей въ непосредственной зависимости отъ г. Сибири, какъ то можно заключить изъ описанія похода 1483 г., князя Федора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка-Травина. Въ этомъ описаніи говорится, что воеводы великаго князя имѣли «бой съ вогуличами на устьѣ рѣки Пельнинн» (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и «оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю», «а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю». Такимъ образомъ Югорская земля отличалась отъ Сибирской, что доказываетъ и тѣмъ, что названіе «Югорскаго» вошло въ царскій титулъ отдѣльно, еще въ 1488 г. (въ грамотѣ Ивана III къ Чешскому королю Матеашу). Точно также отличались отъ Сибирской земли сѣверныя области: Обдорія и Кондія, названія коихъ вошли въ царскій титулъ также ранѣе, въ 1514

⁶⁰) Въ Лѣтописцѣ Саввы Есяпова, составленномъ въ 1636 г., есть глава: «О Сибири, чего ради Сибирь наречеса вся страна сія». Рассказавъ какъ «Алеровъ сынъ Маметь Казанскаго царя Унака уби и гради свой Чингидень (Чингитурь) разруши, и отыде оттуда внутрь Сибирскія земли, и постави себѣ градъ на рѣцѣ Иртышини и назва его градъ Сибирь, спрѣчь начальнымъ, и живяше въ немъ царь лѣта многа и умре, и оттолъ пресѣчесе царство на рѣцѣ Ишимѣ, лѣтописецъ начнаеть указанную главу такъ: «Да егда убо Маметь Казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ, сего ради, яко царя побѣди, храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его, оттолъ же и вся страна сія прозвася Сибирь; гради же Сибирстѣин именуемоу кійждо ихъ по смортѣию и по прилучю и по древнему именованію, обще же Сибирь именуется. Якоже и римская страна Италия нарицается отъ Италья нѣкоего, обладающаго странами нечернины, якоже свидѣльствуетъ Кроника Латинская; гради же всея Римскія страны разньство именъ имѣють, общеже Италия нарицается. Прежде же сего како сія нарицашся, не вѣмъ, понеже отиележе градъ Сибирь созданъ, много лѣтъ прейде и испытати не возмогохъ; прежде бо живяше Чюдъ по всеѣ Сибирстѣй земли, и како нарицашся, того въ память никому не видя, ни писанія обрѣтохъ». См. рукопись: «Матеріалы изъ Исторіи Сибири», собр. П. Н. Строевымъ 1840 (въ библ. гр. Уварова, № 313/266). Любопытно однако, что имя Sibir, какъ названіе какой-то области за Эдиклемъ (Волгой), въ Азіатской Сарматіи, встрѣчается уже на картѣ Fra Mauro 1459. См. уменьшенную копію ея въ сочиненіи S. Ruge, Geschichte d. Zeitalters der Entdeckungen.

или 1516 г., тогда какъ слово Сибирь появилось въ титулѣ лишь во второй половинѣ XVI вѣка ⁶¹⁾. На старинныхъ иностранныхъ картахъ конца XVI вѣка названія Сибири, какъ страны или области, не встрѣчается, но на картѣ Федора Борисовича, пополненной и изданной Герардомъ для царя Михаила Федоровича въ 1614 г., оно значится, какъ названіе области, лежащей между Югоріей и Обдоріей, съ городами Тюменью и Тобольскомъ. Шрифтъ, которымъ отпечатано это названіе (Sibiria), одинаковъ съ названіями: Condogo, Obdogo, Jugogia, Permia, Pega orda, Samoieda ⁶²⁾. Какъ бы то ни было, если бы даже составителю сказанія была извѣстна Сибирь, какъ названіе только указанной области или даже только какъ городъ, то онъ не могъ бы о ней не упомянуть. Отсутствие же этого названія можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что разбираемое нами сказаніе едва ли могло возникнуть позже конца XV-го или, самое позднее, начала XVI-го вѣка.

Первое извѣстіе сказанія посвящено Самоѣди-Молгонзѣямъ. «На восточнѣй странѣ, за югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди, самоѣды зовомы, молгонзѣи» (по другимъ спискамъ «молгонзѣи», «малгонзѣи», «молгозѣи», «монгазѣи»). Здѣсь прежде всего предстоитъ опредѣлить мѣстоположеніе указанной страны, а такъ какъ она помѣщается за Югорскою землею, то слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о положеніи послѣдней. Оставляя въ сторонѣ догадки первыхъ изслѣдователей, Татищева, Миллера, Шлецера, Георги, упоминаемъ лишь о мѣстѣ Лерберга, основанномъ на спеціальномъ изученіи источниковъ ⁶³⁾ и сводящемся

---

⁶¹⁾ См. *Щеглова*, Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутскъ. 1883 и *Адрияше*, Исторія Сибири. ч. I Спб. 1889. По Щеглову—подъ Сибирскою областю разумѣлась первоначально Тюменская, т. е. южная Югрія, въ отличіе отъ Югорской (сѣверной Югрія, по рр. Сысѣй и Сосѣй и около Березова) и Сургутской—по Оби. Въ 1554 и 1556 г. въ царскомъ титулѣ упоминается: «Обдорскій, Кондинскій и многихъ другихъ земель, Государь всѣхъ сѣверныхъ береговъ». По другой грамотѣ титулъ обозначенъ такъ: Обдорскій, Кондинскій и всѣхъ Сибирскихъ земель, повелитель Сѣверныхъ страны». Затѣмъ въ 1563 г., въ грамотѣ къ Сигизмунду, королю Польскому, прописано: «Удорскій, Кондинскій и всея Сибири». Герберштейнъ упоминаетъ уже о provincia Sibir, лежащей за Камою и о которой онъ говоритъ вслѣдъ за Югріей, но замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, есть ли тамъ какіе нибудь города.

⁶²⁾ Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumpta et . . . amplificata: ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michâeli Foedrowits omnium Russorum . . . dedicata ab *Hesselo Gerardo*, MDCXIV. Первоначально издана Устряловымъ въ «Сказаніяхъ о Самозванцахъ» изд. 3, а недавно перепечатана съ фототипіи Стебницкимъ въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общ.» 1889, вып. I. Впервые эта карта была найдена Мусинъ-Пушкинымъ, въ 1782 г., въ Москвѣ, и поднесена Екатериной II. Она была издана затѣмъ ДеРиеромъ, подъ заглавіемъ: «Карта древней Россіи, по повелѣнію царя Бориса Годунова Федоромъ Борисовичемъ начертанная. Умножена, выгравирована и поднесена Великому Государю Михаилу Федоровичу въ 1614 г.». Я видѣлъ экземпляръ этого изданія въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

⁶³⁾ *Лербергъ*. «Изслѣдованія» пер. Языковъ, Спб. 1819, I. О географ. положеніи Югорскія земли. Татищевъ и Болтинъ произвели названіе Югрія отъ Юга, притока

къ тому, что «древняя Югрія находилась не въ Европейской Россіи, но простиралась между 56° и 67° с. ш., отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ, чрезъ нижнюю Обь, до р. Над(р)ыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Аган(па), который выше Сургута впадаетъ въ Обь; къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею прежде бывшихъ Самоѣдовъ». Что Югра въ XVI—XVII вв. находилась на Оби и на ея притокахъ Сысвѣ и Сосвѣ, явствуетъ изъ «Книги Большому Чертежу», въ которой, во введеніи, сказано между прочимъ: «А отъ рѣки Таза и отъ рѣки Оби, вверхъ по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю, до Нарыма до Пѣгیا орды....» и въ другомъ мѣстѣ, при описаніи рѣки Оби Великія: «А по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя въ нее пали: отъ устья въ верхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирь....» «А по Сосвѣ и по Сысвѣ грады... Юль,.. Мункусъ,.. Ляпнѣт...» и проч., «а тѣ грады по Сысвѣ и по Сосвѣ—Югра». Далѣе же говорится: «рѣки же текутъ въ рѣку въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ Сибирскіе грады», причѣмъ указаны рѣки: Иртышъ, Тоболъ, Ишинъ, Тура, Ница, Тавда и др.⁶⁴⁾ Нахожденіе Югрии на Оби подтверждается и выше приведеннымъ извѣстіемъ о походѣ въ Югру 1483 г. и даже гораздо болѣе раннимъ свидѣтельствомъ отъ 1334 г., о походѣ Новгородцевъ, о которыхъ сказано, что они «зимою съ Югры прѣѣхаша,... воеваша по Оби рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша». Существуютъ, впрочемъ данныя, доказывающія, что ранѣе Югра жила и по сию сторону Урала. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ какъ многія хорографическія названія на сѣверѣ Европейской Россіи, объясняемая лишь изъ угорскихъ языковъ (Европеусъ), или заключающія въ себѣ корень *угра*, *югра* (напр. р. Угроньга, р. Угорма и др.), встрѣчающіяся особенно въ области соприкосновенія Югорскихъ поселеній съ поселеніями Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ, (Барсовъ)⁶⁵⁾, такъ и нѣкоторыя извѣстія о древнѣйшихъ сношеніяхъ съ Югрой Новгородцевъ,—извѣстія, объяснимыя только при допущеніи, что область Югры находилась не очень далеко отъ Новгорода и не за «Камнемъ». Это подтверждаетъ и рассказъ Гюряты Роговича, подъ 1096 г., изъ котораго видно, что Югра сосѣдила съ Самоѣдью и жила гдѣ-то около Печоры, по сию сторону горъ, до которыхъ путь «непроходимъ пропастью, снѣгомъ и лѣсомъ», отчего,—говорили Югричи—и «не доходимъ ихъ всегда». Карамзинъ видѣлъ въ этомъ извѣстіи доказательство того, что уже въ XI в. Русскіе ходили за Уралъ, но въ дѣйствительности

Сухоны; Миллеръ—полагая еѣ у Ледовитаго моря, у Пустозерска, по Печорѣ и Уралу; Шлегель—тоже, и признавалъ Вычегду за южную ея границу; Георгіи утверждали что Югрією назывался берегъ, простиравшійся отъ Вѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби.

⁶⁴⁾ Книга, глаголемая Большою Чертежъ, изд. Спасскимъ. М. 1846.

⁶⁵⁾ Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. Изд. 2-ое; *Европеусъ*. Обь Угорскомъ народѣ.

слѣдуетъ вывести обратное заключеніе, что не только Русскіе тогда не знали Урала, но даже и Югра не всегда до него доходила. Вообще, изслѣдованія Шёгрена⁶⁶⁾ и затѣмъ Барсова не оставляютъ, повидимому, сомнѣнія, что Югра жила нѣкогда по сю сторону Урала и только впоследствии отступила отсюда къ востоку. По мнѣнію Барсова, Югра, тѣснямая Новгородцами, «постепенно передвинулась за Ураль, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаётъ ихъ XV вѣкъ и гдѣ они были покорены уже московскими войсками». Если мы обратимся къ картамъ, то увидимъ, что положеніе Югріи полагалось разными писателями весьма различно, что впрочемъ свидѣтельствуется прежде всего о плохомъ знакомствѣ съ этою странюю. На первой картѣ Россіи, Баттиста Агнезе, 1525 г., (предназначавшейся къ «Книгѣ о Московіи», Павла Іонія) положеніе Югріи совершенно извращено: она помѣщена къ западу отъ Сѣверной Двинны, между нею и Печорою, которая показана еще далѣе на западъ, а за нею означены горы (Ураль?), надъ которыми надпись: «in istis montibus capiunt pobiles falcones» (въ этихъ горахъ ловятъ благородныхъ соколовъ). На картѣ Антона Вида 1555 г. «Juhgi» помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между рр. Мезеью и Печорою; на картѣ въ Космографіи Себ. Мюнстера, 1544 г. — тамъ же, или къ востоку отъ Печоры, между нею и страной Сбдогіа (Condoria)⁶⁷⁾. По Герберштейну:— «Угричи и Вогуличи сидятъ по р. Оби» (fl. Oby, qui oritur ex Kitaisko lacu...: Hunc quoque Vuogulici et Ugritzchi gentes accolunt), причѣмъ на картѣ къ его путешествію, очевидно ошибочно, область Juhга поставлена къ востоку отъ Оби, къ сѣверу отъ Кимбаллика (столицы Кнтя). На картѣ Федора Борисовича, дополненной Герардомъ, 1614 г., Jugogia показана на лѣвой сторонѣ Оби, между Обью и Иртышемъ; на картѣ Насіи 1750 г. она показана по р. Мезени, между нею и Печерой. Названіе «югра» объясняется изъ зырянскаго языка; *jögrajass* (*jass* = окончаніе множественнаго числа) прилагается Зырянами къ обозначенію своихъ сосѣдей, Вогуловъ и Остяковъ, причѣмъ *jögra* значитъ собственно: «грубый», «дикій», «дикарь»⁶⁸⁾. Относительно Вогуловъ (тождественныхъ по ихъ собственному названію — «Мяньзы») и по языку съ Обскими Остяками) извѣстно, что они ранѣе, въ XV—XVII вѣкахъ (даже еще въ XVIII), жили, отчасти, по сю сторону Урала, хотя теперь поселенія ихъ начинаются только по ту сторону, по рр. Сосвѣ и Лозвѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидимому, что уже въ XV вѣкѣ Югра распространялась до Оби и что выраженіе «за Югорскою землею, надъ моремъ» можетъ относиться только къ странѣ за Обью, прилегающей къ Ледовитому океану. Здѣсь и жила очевидно, та «самоѣдь», которая носила названіе «Молгонзѣвъ», причѣмъ изъ дальнѣйшаго видно, что тер-

⁶⁶⁾ *Sjögren*. Ueber die Wohnsitze d. Jemen. Mém. de l'Acad. Imp. S.-Pet. 1850, I, также «Gesammelte Schriften» Bd. I.

⁶⁷⁾ *Michow*, Die ältesten Karten von Russland. Mit 3 Karten.

⁶⁸⁾ См. *Sjögren*, I. с. и *Савельев*, Мухаметанская Нумизматика. 1857. Стр. CV, прим. 191 — Самоѣдовъ Зыряне называютъ также *Jögras*.

минь «самоѣды» употреблялся составителемъ сказанія въ родѣ нарицательнаго, почти равнозначительнаго термину — «инородцы», «дикари», для обозначенія вообще иновидныхъ, дикихъ народовъ сѣвера (за исключеніемъ Югры). Не подлежитъ сомнѣнію, что Новгородцы должны были ознакомиться прежде всего съ европейскими Самоѣдами (мезенскими, большеземельскими, пустозерскими и др.), жившими по сую сторону Урала, о которыхъ упоминается въ лѣтописи уже подъ 1096 г., какъ о сосѣдящихъ съ Югрой и Печерой (Зырянми). Регули, на основаніи хорографическихъ названій, вывелъ заключеніе, что долина р. Усы, впадающей въ Печеру съ правой стороны, и страна на сѣверъ отъ этой рѣки была населена Самоѣдами съ давнихъ временъ, тогда какъ мѣстности къ югу отъ р. Усы могутъ быть рассматриваемы, какъ исконная область Зыринъ⁶⁹⁾. По изслѣдованіямъ Кастрена, Самоѣды — родомъ съ Саяна, гдѣ еще теперь живутъ отатарившіяся племена (Сойоты, Карагассы и др.), у которыхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, Кастренъ встрѣтилъ нѣсколько стариковъ, помнявшихъ свой прежній языкъ, схожіи на самоѣдскій⁷⁰⁾. Чѣмъ было вызвано расселеніе первоначальныхъ Самоѣдовъ на сѣверъ — рѣшить трудно; по всей вѣроятности, оно произошло подъ напоромъ тюрко-монгольскихъ племенъ съ юга. Но дальнѣйшее движеніе ихъ въ низовья Оби обусловливалось, повидимому, отступаніемъ передъ Югрой, которая отрѣзала Самоѣдовъ отъ ихъ южныхъ сородичей и заставила расселиться въ прибрежной полосѣ Ледовитаго моря. О борьбѣ Самоѣдовъ съ Остяками и о подчиненіи отчасти первыхъ вторымъ свидѣлствуютъ многія преданія, сохранившіяся у обонихъ народовъ⁷¹⁾.

Самоѣды - Молгонзѣи, описанные въ разбираемой нами статьѣ, жили, очевидно, по ту сторону Оби, по р. Тазу и до Енисея. Это доказывается уже самымъ названіемъ ихъ, которое можетъ быть приурочено только къ указанной области. Название «Молгонзѣи» (Молгонзѣи *Син.*, Малгонзѣи *Стр.*, Монгазен *Инк.*) напоминаетъ «Мангазею», — городъ, существовавшій на р. Тазѣ, въ XVII — XVIII вв., и получившій свое наименованіе, какъ мы увидимъ далѣе, отъ названія страны или народа. Прежде однако чѣмъ, представить тому доказательства, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на исторіи этого города Мангазеи. Острогъ Мангазеи былъ заложенъ въ 1600 г. посланными изъ Тобольска письменными головами, княземъ Мирнономъ Шаховскимъ и Данилой Хрипуновымъ. Поводомъ къ его основанію послужили; повидимому, слухи о богатствѣ страны соболями и о томъ, что еще рѣдкѣ проникали туда, къ Самоѣдамъ, русскіе и зырянскіе промышленники, которые даже «дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не да-

⁶⁹⁾ Письмо *Регули*, въ «Зап. Геогр. Общ.» 1849, III.

⁷⁰⁾ *Castren*, Ethnol. Vorlesungen über die altaische Völker. 1857.

⁷¹⁾ Нѣкоторыя преданія объ этой борьбѣ приведены у Кушелевскаго (см. далѣе и у *Третьякова* — «Туруханскій край»).

вали, и обиды, и насильства, и продажки отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великіе⁷³⁾. Князь Мироя Шаховской и Данило Хрипуновъ пошли изъ Березова со ста казаками, на четырехъ кочахъ (плоскодонныхъ судахъ, сажень въ 12 длиною, съ палубой) и двухъ коломенкахъ. Судна эти, по выходѣ въ Обскую губу, отчасти разбились, отчасти стали течь, такъ что воеводы должны были высадиться на берегъ и пойти сухимъ путемъ, причемъ люди шли на лыжахъ, а для провіанта Самоѣды доставили оленей. Но на дальнѣйшемъ пути отрядъ подвергся нападенію другой шайки Самоѣдовъ, которая убила тридцать казаковъ (ранила самого кн. Шаховскаго), разграбила провіантъ и заставила остальныхъ Русскихъ искать спасенія въ бѣгствѣ на оленяхъ⁷⁴⁾. Въ Москву послано было извѣстіе о случившемся несчастіи, которое однако не заставило правительство отказаться отъ принятаго имъ намѣренія. Въ слѣдующемъ, 1601-мъ году, посланы были съ тою же цѣлью воеводы князь Василій Масальскій и Савлукъ Пушкинъ съ двумястами воинскихъ людей. Имъ данъ былъ подробный наказъ, начало котораго не уцѣлѣло, но изъ оставшейся части котораго видно, что они должны были взять съ собою изъ Тобольска, Сургута и Березова «литвы и казаковъ и стрѣльцовъ на обмѣну передъ прежнимъ (т. е. посланными съ кн. Шаховскимъ) вдвое», также определенное число воинскаго снаряда и провіанта (въ томъ числѣ четыре пушки), запастись проводниками (вожами) изъ «зырянъ торговыхъ людей и вымичъ, которые бы ходъ знали и талмачить умѣли», и идти на девяти кочахъ, двухъ лодкахъ морскихъ да двухъ дощанкахъ. Идти имъ велѣно было «на спѣхъ, днемъ и ночью, съ великимъ береженьемъ, чтобъ имъ... придти водянымъ путемъ до заморозовъ», а «идучи... развѣдывать про князя Мирона (Шаховскаго) и про Данила на крѣпко», гдѣ нынѣ они, поставленъ ли имъ острогъ и т. д., и если острогъ уже заложенъ, то смѣнить въ немъ ранѣ посланный отрядъ, а если нѣтъ, то заложить новый, привести къ присягѣ окрестную самоѣдъ, розыскать Мирона Шаховскаго съ товарищами, выручить ихъ, подать имъ помощь въ случаѣ надобности и т. п. Изъ послѣдующей грамоты 7111 года явствуетъ, что князь Масальскій и Савлукъ Пушкинъ въ Мангазѣи устроились, но видно также, что городъ существовалъ уже до нихъ, а изъ этого можно заключить, что основаніе ему

---

⁷³⁾ По словамъ Миллера, «въ спбирскихъ лѣтописяхъ упоминается, что еще въ 7106 г. изъ Москвы отправленъ былъ для провѣдыванія Мангазѣйской страны ѣздокъ Федоръ Дьяковъ, который съ двумя, изъ Тобольска съ нимъ отправленными, цѣловальниками въ тамошнихъ мѣстахъ былъ и первый тамъ ясакъ въ государеву казну собралъ, съ чѣмъ онъ въ 7108 г. въ Москву возвратился».

⁷⁴⁾ Нападеніе Самоѣдовъ объяснялось тѣмъ, что «самояды къ сему дѣлу подлущены были америкскими торговыми людьми, которые опасались, что торги ихъ съ самоядою чрезъ принестіе Россіи придутъ въ упадокъ» (Миллеръ).—Объ исторіи Мангазѣи приведены данныя у Миллера, «Описаніе Сибирскаго царства», Фишера—«Сибирская Исторія» и Шеллова—«Хронологическій Перечень».

было положено еще Шаховскимъ, что подтверждается и свидѣльствами сибирскихъ лѣтописей ⁷⁴⁾.

Первоначально острогъ предполагалось поставить на устьѣ р. Таза, но въ наказѣ предоставлено было воеводамъ право выбрать и другое подходящее мѣсто, причѣмъ указывалось на промышленные острожки и какой-то «Пантуевъ городокъ». Какъ бы то ни было, но городъ былъ заложенъ по среднему теченію Таза, верстахъ въ 200 отъ его устья, и сталъ извѣстенъ подъ же именемъ Мангазеи. Въ 1603 г. въ Мангазею была посланъ воевода Федоръ Булгаковъ, и ему была дана всякая церковная утварь, а также поручено было взять изъ Березова священника и построить въ Мангазеѣ гостинный дворъ (церковь была построена уже, по-видимому, при кн. Масальскомъ). Въ 1608 г. въ Мангазею доставлялся уже ясакъ не только Самоѣдамъ, жившими по р. Тазу, но и многими изъ Енисейскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ, а равно частью Тунгузовъ по р. Нижней Тунгузкѣ: Тогда же близъ устья р. Турухана было построено зимовье, переименованное впоследствии въ Новую Мангазею и затѣмъ въ Туруханскъ. — Отъ 1616 г. сохранилось извѣстіе, что Архангелогородцы, идя вдоль Мезенскихъ и Пустозерскихъ береговъ, чрезъ Вайгачскій проливъ, въ Карское море, дошли до р. Мутной (текущей поперекъ полуострова Ялмала), шли по ней 5 дней до озера и, переташивъ изъ него суда волокомъ въ другое озеро, Зеленое, спустились въ рѣчку Зеленую и вошли въ Обскую губу, а затѣмъ, повернувъ отсюда въ Тазовскую губу, пошли вверхъ по р. Тазу и прибыли въ Мангазею, проложивъ такимъ образомъ морской путь изъ Архангельска до этого города, — путь, торговля по которому была однако, изъ-за фискальныхъ цѣлей, запрещена въ 1620 г. ⁷⁵⁾. — Въ 1619 г. Мангазея выгорѣла и по одному извѣстію (у Щеглова) городъ тогда же былъ перенесенъ въ Туруханское зимовье, но по другимъ, болѣе достовернымъ свидѣльствамъ, оставленіе старой Мангазеи производило много позже, именно не прежде пожара 1642 г. Въ Сибирской исторіи Фишера (стр. 390) сказано, что «претерпѣнный въ 1642 г. Мангазеей пожаръ способствовалъ къ совершенному потомъ запустѣнію сего мѣста, которое кромѣ того, для непрестаннаго приращенія Туруханска, пришло уже въ нарочитый упадокъ. Натуральное положеніе послѣдняго мѣста было безъ сумнѣнія гораздо способнѣе и выгоднѣе перваго. Обысканія и завоеванія на востокъ изъ Мангазеи не могли чинены быть инако, какъ чрезъ Туруханскъ; соболя скорѣе перевелись у Таза, нежели у Енисея,

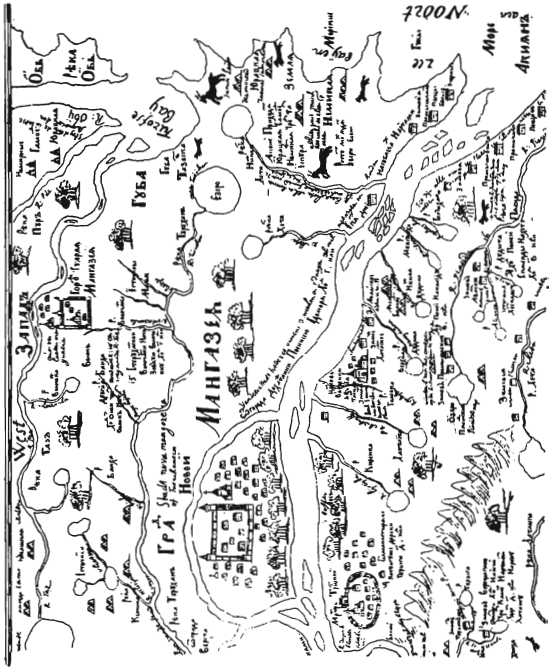
⁷⁴⁾ По словамъ Миллера, въ одной лѣтописи о мятежахъ значитси, что городъ Мангазѣй былъ поставленъ по приказу царя Бориса, «а ставляя городъ князь Василій Мосальскій Рубецъ», но это извѣстіе не подтверждается другими источниками.

⁷⁵⁾ По мнѣнію Третьякова, этимъ морскимъ путемъ могли приходить въ Мангазею и иностранцы. На колокольнѣ города Туруханска есть два колокола, похожіе на корабельные, съ надписями на голландскомъ чыркѣ; вѣроятно, они были завезены сначала въ Старую Мангазею. Послѣднее возможно, но колокола могли быть завезены изъ Архангельска и Русскими.

который для впадающихъ въ него съ востока рѣкъ безпрестанно подавалъ новые способы къ обогащенію. Ничто тягостнѣе не было, какъ возить съѣстные припасы изъ Тобольска Тазскимъ морскимъ заливомъ, на которомъ пути пропадали иногда суда съ людьми и съ товарами, или отъ самоѣды претерпѣвали нещастье, которые по разграбленіи судовъ убивали людей ⁷⁹⁾. Напротивъ того, Туруханскъ лежалъ посреди Мангазейскаго уѣзда, и туда можно было способно возить всякія нужныя потребности изъ Енисейска. Сія выгода и изобиліе въ хорошей мягкой рухляди побудили людей переселиться въ сіе мѣсто. Въ Туруханскѣ по наступленіи лѣта была почти всегда ярманка, помѣже тогда казаки съ собраннымъ съ лычниковъ ясакомъ, а промышленные съ своего промыслу туда приходили. Чего ради воеводы и таможенные надзиратели весною обыкновенно изъ Мангазеи туда отправлялись для сбора доходовъ, а осеяю назадъ возвращались; по времени нѣкоторые воеводы препровождали тамъ по цѣлому году, а таможенные надзиратели поступили еще далѣе и, оставя совсѣмъ Мангазею, утвердили свое постоянное жилище въ Туруханскѣ, несмотря что сіе послѣднее мѣсто называлось тожко зимовьемъ, а Мангазею напротивъ того и тогда имѣла еще названіе города.— Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно заключить что оставленіе Старой Мангазеи, послѣдовало еще позже, во второй половинѣ XVII в. Такъ, въ «Краткомъ показаніи о восходахъ», изд. въ 1791 г., сказано, что Мангазея была оставлена лишь въ 1662 г., а Г. Н. Спасскій нашелъ извѣстіе, что она была перенесена на мѣсто Туруханскаго зимовья лишь въ 1672 г., по указу царя Алексѣя Михайловича. Окончательное оставленіе Старой Мангазеи послѣдовало, повидимому, лишь въ 1677 году, когда въ новомъ городѣ были построены четыре башни, вооруженныя пушками и снабженныя камнями на случай осады, и когда въ него былъ переведенъ отрядъ изъ ста человекъ стрѣльцовъ. На Сибирскомъ Чертежѣ, Ремезова, 1701 г., показано положеніе какъ Старой, такъ и Новой Мангазеи, Старой — на р. Тазѣ, Новой — на Енисей, причемъ новый городъ представляеть въ два слишкомъ раза большимъ противъ стараго и расположеннымъ на дугообразной протоцѣ (шарѣ) въ 1—2 верстахъ отъ р. Турухана *). Оба города, какъ Старая, такъ и Новая Мангазея показаны также на картахъ Штраленберга 1730 г., *Nasii (Imperii Russici et*

⁷⁹⁾ Въ «Спискѣ съ Чертежа Сибирской земли», изд. Спасскимъ, въ 1849 г., сказано объ этомъ пути: «Л отъ Березовскаго въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейскаго моря ходитъ 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 3 сутки; а путь нуженъ и прискорбенъ и страшнень отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города въ верхъ по Тазу рѣкѣ добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нужнень».

^{*)} На слѣдующей страницѣ мы приводимъ копию части одной карты въ Атласѣ Ремезова. Она ориентирована такъ, что вверху приходится западъ, вправо — сѣверъ. Видно ниже теченіе рѣкъ Таза и Енисея, область «юрской самоѣды немирной» и города: Старая Мангазея — на р. Тазѣ и Новая Мангазея на Енисей, обтекаемая протокомъ съ находящимся на противоположномъ берегу Енисея, монастыремъ Тронцимъ. Русскія надписи мѣстами сопровождаются голландскимъ переводомъ.

Tatariae... tabula) 1720, Трускотта (въ Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ) и другихъ. Планъ Новой Мангазеи (прошлаго вѣка) находится въ бумагахъ Миллера, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; что же касается Старой Мангазеи, то нѣкоторое понятіе объ ея видѣ и оставленіи даютъ свѣдѣнія, приведенныя въ Сибирской Исторіи Миллера (стр.391), и преданіе, слышанное Третьяковымъ отъ одного юрацкаго старшины. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Миллеромъ, «городъ былъ четырехугольный деревянный, внутрь котораго стояла соборная церковь Живоначальной Троицы. А въ посадѣ, гдѣ обывательскихъ домовъ яenaloe число было, находились еще двѣ церкви, одна во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а другая Макарія Желтоводскаго чудотворца. Положеніе мѣста само собою было безопасно и весело. Мимо города текла немалая рѣчка, называемая Осетровка, а по самоѣдски Сулей-Яга, которая выше города въ Тазъ рѣку впаала. Ниже города въ нѣкоторомъ разстояніи была другая рѣчка, по русски Ратилха именуемая, а по самоѣдски Тирма. Отъ устья вверхъ по рѣкѣ на лодкахъ можно было къ городу поспѣвать въ 9 дней, а отъ города внизъ вешнею прибылою водою плыли до устья въ полтретья или три дни». По преданію, слышанному Третьяковымъ, въ Мангазеѣ было 4 улицы и до 200 домовъ, три церкви, пороховой и винный подвалы, два хлѣбныхъ магазина, острогъ, гостиный дворъ съ 20 лавками и два питейныхъ дома. Хлѣбъ доставлялся въ Мангазею изъ Березовскаго округа, по рр. Тазу и Пуру, на небольшихъ палубныхъ лодкахъ. Городъ былъ сожженъ и ограбленъ Юраками, раздраженными тѣмъ, что казакъ, усмиряя распрю между двумя юрацкими родами, перебили до 130 человекъ и захватили въ плѣнъ нѣсколько юрацкихъ князей. Юрки подкрались будто бы къ городу ночью, въ июнѣ мѣсяцѣ, подожгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и истребили вполнѣ со всѣми жителями. Третьяковъ однако не безъ основаній сомнѣвается въ полной справедливости этого разсказа, такъ какъ «не можетъ быть, чтобы столь важное событіе не было занесено въ лѣтописи». Нѣпѣ, по словамъ Третьякова, все мѣсто, гдѣ находился городъ, заросло березнякомъ и «только въ иной ямѣ высунувшійся гнилой конецъ бревна, да находимыя человѣческія и конскія кости свидѣтельствуя о прошломъ».

Мангазея продолжала сохранять свое названіе до восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., когда оно смѣнилось окончательно названіемъ Туруханскъ. Уже въ 1766 г. Мангазейскій уѣздъ (на картѣ Штраленберга — provincia Mangaseia) былъ самымъ скуднонаселеннымъ во всей Сибири: въ немъ числилось всего 625 душъ, тогда какъ въ Тобольскомъ — 17,200, въ Тюменскомъ — 9,850, даже въ Нарымскомъ — 1,098. Впослѣдствіи, съ постепеннымъ обьдѣніемъ края, значеніе его все болѣе и болѣе падало. Въ 1822 г. Туруханскъ былъ переименованъ изъ окружнаго въ заштатный городъ (при этомъ были сожжены всѣ старыя дѣла присутственныхъ мѣстъ). Съ тѣхъ поръ строенія города стали покидаться и разрушаться, народонаселеніе — уменьшаться, торговая дѣятельность почти прекратилась. Въ 1870 г. въ Туруханскѣ было всего 47 домовъ, изъ конхъ

большинство — жалкія лачужки, три бѣдныхъ церкви и нѣсколько лавокъ. Въ 40-хъ годахъ въ городѣ насчитывалось 270 жителей обоого пола, въ 1874 г. — 181, а по новѣйшимъ даннымъ (въ календарѣ Суворина) ихъ числилось только 119.

Что касается названія «Мангазея», то оно объяснялось различно. Въ «Сибирской Исторіи» Фишера (ст. 206) происхожденіе этого названія объясняется такъ. «Понеже при р. Тазѣ жилъ самоедскій родъ, Моказее называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое послѣ еще больше испорчено и переименовано въ Мангазею». Въ «Описаніи Сибирскаго царства» Миллера (стр. 372) преданіе это передается иначе. «И понеже при рѣкѣ Тазѣ нашли нѣкоторой родъ самоеди, называемой Мокасе, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію Мангазѣи. Сія страна наипаче была извѣстна обывателямъ около рѣкѣ Двины и Печеры живущимъ, какъ русскимъ, такъ и зырянамъ, потому что они за соболоннымъ промысломъ и для торговли туда часто хаживали». Позже Г. Н. Спасскій высказалъ мнѣніе, что «городъ Мангазея получилъ свое названіе отъ бытшаго тамъ, прежде его основанія (?), хлѣбнаго запаснаго магазина для вымѣна на хлѣбъ звѣринныхъ шкуръ, отъ кочующихъ въ тѣхъ мѣстахъ остяковъ и самоѣдовъ»⁷⁷⁾. Но тотъ же Спасскій, три года спустя, призналъ высказанное имъ ранѣе мнѣніе невѣрнымъ⁷⁸⁾. «Не справедливо думаютъ, писалъ онъ на этотъ разъ, что городъ Мангазея получилъ имя свое по поводу устроенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился. Кромѣ новизны этого слова въ нашемъ языкѣ, въ звѣрнѣ житницы, служатъ тому опроверженіемъ, во первыхъ, сибирскія лѣтописи, въ которыхъ упоминается еще въ 1597 г. о принимаемыхъ мѣрахъ для провѣданія Мангазейской страны до самаго Енисея и обложенія тамошнихъ инородцевъ ясакѣмъ; во вторыхъ, въ началѣ 1601 г. воеводамъ объ устроеніи Мангазейскаго острога съ двумя или тремя при немъ житницами для хлѣба, предписывается: «распроставати накрѣпко, сколько въ Мангазеѣ и въ Енисеѣ городковъ и волостей... и сколько по Оби и по всѣмъ Мангазейскимъ и Енисейскимъ рѣкамъ Мангазейскіе и Енисейскіе Самоеди живутъ». Спасскій склонился на этотъ разъ къ мнѣнію, высказанному Пестовымъ («Записки о Енисейской губ. М. 1833, стр. 197), что названіе Мангазея произошло отъ имени жившаго здѣсь самоѣдскаго князца Маказел, «вѣролтя, значительнаго, если его имя, передѣланное въ Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посѣщавшими тотъ край, распространилось на всю страну, а можетъ быть также и имя обитавшаго тамъ народа Мокасе, какъ утверждаетъ Миллеръ, неизвѣстно впрочемъ на какомъ основаніи».

Сопоставляя всѣ только что приведенныя толкованія, нельзя не признать, что производство названія Мангазеи отъ слова «магазинъ»

⁷⁷⁾ «Книга, глаголемая Большой Чертежъ», изд. Г. Н. Спасскаго. 1846, прим. 214.

⁷⁸⁾ Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли, изд. Спасскимъ въ «Временикѣ Моск. Общ. Ист. и Древностей». 1849, кн. III, прим. 32.

едва ли можетъ быть допущено. Въ концѣ XVI в. хлѣбные амбары назывались у насъ житницами, и слово «магазинъ» не вошло еще въ употребленіе; въ наказахъ Мангазейскимъ воеводамъ точно также о хлѣбныхъ магазинахъ нигдѣ не упоминается, а вмѣсто нихъ говорится о житницахъ⁷⁹). Кромѣ того, изъ грамотъ и наказовъ явственно видно, что названіе «Мангазея» было извѣстно еще за нѣсколько лѣтъ до основанія города того же имени и прилагалось первоначально къ обозначенію страны по р. Тазу. Въ грамотѣ царя Бориса Федоровича отъ 7109 г. Березовскому воеводѣ князю Ивану Боритинскому и головѣ Григорью Векентьелу, страна эта называется «Мунгазея». Въ наказѣ отъ того же года князю Вас. Мосальскому и Савлуку Пушкину говорится также о странахъ Мунгазеѣ и Енисѣѣ и о рѣкахъ: Мангазѣѣ и Енисей, а также — о Мангазейской и Енисѣйской Самояди и о Мангазѣйскихъ и Енисѣйскихъ рѣкахъ. Очевидно, подъ рѣкой Мангазѣемъ разумѣлся Тазъ, а подъ Мунгазѣей или Мангазѣей — страна по Тазу, подобно тому какъ подъ Енисѣей — страна по Енисѣю. Въ сказаніи «О Сибирскомъ царствѣ» (хроніографъ И. Публ. Библиотеки. Л. F. IV. № 165) говорится, что «межъ тѣми великими рѣками Обью и Енисѣемъ река рекомая Тазъ, сія исходитъ изъ Пѣгіа орды и шествующи къ сѣверной странѣ и своимъ устіемъ течеть въ морскую губу, на той же рекѣ Тазу градъ зовомый Тазовскій и пакн *Мангазѣя сирѣчь Самоядская земля*, по той рѣкѣ и во вся поморіе языкъ Самояцкой...⁸⁰). Изъ какого именно туземнаго слова образовалось русское Мунгазѣя или Мангазѣя — сказать въ точности трудно (дальше мы приводимъ впрочемъ догадку), но во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы отъ имени самоѣдскаго князца Маказея, какъ утверждалъ Пестовъ, или отъ названія народа Мокасе (по Миллеру) или Моказее (по Фишеру). Непонятно, какимъ образомъ изъ этихъ названій, вмѣсто Маказы или Макасы, могло образоваться «Мангазея» со вставочнымъ *н*, переходомъ *к* въ *г* и съ окончаніемъ на *я*. Притомъ невѣроятно, чтобы иля какого-то самоѣдскаго князца могло дать поводъ къ названію цѣлой страны и затѣмъ города. Вѣрнѣе предполагать, что названіе «Мангазея» произошло отъ названія страны или рѣки, какъ Енисейскъ отъ Енисея, Томскъ отъ Томи, Обдорскъ отъ Обдоріи и т. д. Что р. Тазъ еще въ началѣ XVIII вѣка назывался Мангазеемъ (Монгазеемъ) видно изъ сочиненія «Allerneuster Staat von Casan, Astracan, Siberien» etc., изд. въ 1720 — 1723 гг. и составленномъ, повидимому, плѣнными Шведами. Тамъ, при описаніи мамонтовой кости, упоминается между прочимъ, что ее находятъ по берегамъ Енисея, Тругана

⁷⁹) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири въ настоящее время употребляется однако слово «мангазея» вмѣсто «магазина». Но это, повидимому, уже позднѣйшее искаженіе.

⁸⁰) «Изборникъ» изд. А. Поповъ. М. 1869, стр. 403. На картѣ «Великой Татаріи» Штраленберга (J. v. Strahlenberg) 1730 года названіе Mangazea придано небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Тазовскую губу, и вмѣстѣ съ тѣмъ показана другая Mangazea, впадающая въ Тазъ съ правой стороны, недалеко отъ города Старой Мангазеи.

(Турухина), *Монгалзея*, Лены и у Якутска. Еще болѣе точное указаніе на происхожденіе имени «Мангазел» дастъ разсматриваемое нами сказаніе, именно названіе народа «Молгонзѣи». Въ статьѣ Фирсова оно уже передѣлано въ «Молгонзѣи», въ спискѣ изъ собр. Унковскаго даже въ «Монгазен», а отсюда до «Мангазен» очень недалеко, и передѣлка вполне соответствуетъ духу русской фонетики. Но что это за народъ «Молгонзѣи»

рис. II.

Часть карты къ третьему путешествію Баренца, опубликованной въ 1598 г. и перелачтанной, почти безъ измѣненій, Понтаномъ, въ 1611 г. На картѣ видны: *Nova Zemla* (восточный берегъ которой оставался еще неизслѣдованнымъ), страны *Condoga*, *Obdoga* и *Molgomzala*.

и существовалъ ли онъ въ дѣйствительности? Въ пользу дѣйствительнаго существованія такой страны и народа говорятъ многія иностранныя карты конца XVI и XVII вѣка, въ томъ числѣ карта голландскаго морехода *Баренца*, участвовавшаго въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и Новой земли и впервые нанесшаго ихъ маломальски; удолетвори-

тельно на карту ⁸¹⁾. На этой картѣ, опубликованной въ 1597 г., обозначенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, западный берегъ Новой земли, устье Печоры и указаны прилегающія страны. Къ западу отъ Печеры показана *Condoga*, къ востоку, по берегу Карскаго моря, до Оби — *Obdoga*, а за Обью помѣщена — *Molgomzaia*, область какъ разъ соответствующая странѣ «Молгомзѣевъ» Новгородскаго сказанія. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ этихъ «Молгомзѣевъ», на томъ же мѣстѣ, и на болѣе раннихъ картахъ, а именно на картѣ *Антоня Дженкинсона* (*A. Jenkinson*) 1562 г., приведенной въ атласѣ *Ортелиа* (*Theatrum Ortelii*), изд. 1573 года (*Molgomsaia*) и у *Меркатора*, въ изданіи 1587 г. (*Molgomzaia*).

Особенно интересна карта А. Дженкинсона какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней подробностямъ, такъ и потому, что Дженкинсонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ), именно въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годахъ, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью—въ Персію (Тавризь, Казбинь, Шемаху) ⁸²⁾. Карта его, судя по году ея составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, но многія данныя были собраны для нея Дженкинсономъ, повидимому, уже во вторую поѣздку. Такъ можно заключить потому, что къ отчету объ этой поѣздкѣ, представленному Дженкинсономъ Лондонской торговой (Московской) компаніи (*to the Merchants of London of the Moscouie Companie*), приложены: опредѣленія географическихъ широтъ двѣнадцати посѣщенныхъ имъ пунктовъ и «разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ), изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (*Cathaya*) и о разныхъ странныхъ народахъ». Эти разспросныя свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ: три маршрута татарскихъ торговцевъ отъ Астрахани чрезъ Бухару въ Китай, одно показаніе Пермскаго торговца, будто-бы ѣздившаго туда же другимъ путемъ, «ближе къ морскому берегу» (*another way neere the sea coast*), и наконецъ,—что для насъ особенно любопытно,—свѣдѣнія «о нѣкоторыхъ странахъ Самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго

⁸¹⁾ Голландскія экспедиціи по сѣвернымъ берегамъ Россіи имѣли цѣлью открыть сѣверовосточный морской путь въ Индію. Онѣ продолжались съ 1594 по 1597 годъ. Въ послѣднюю экспедицію Баренцъ (*Barendsz*) вынужденъ былъ зимовать на Новой Землѣ, гдѣ и скончался. Карта Баренца была перепечатана, почти безъ измѣненій, въ сочиненіи *Rontanus, Regum et urbis Amstelodamensium historia*, Amst. 1611, а отсюда заимствована Норденшильдомъ, приложившимъ ее къ описанію своей экспедиціи на «Вегѣ». Любопытно, что уже на картѣ *Fra Mauro*, 1459 г., за Перміей, въ «*region de tenebre*» означена какая-то страна «*Mescon*».

⁸²⁾ Антонъ Дженкинсонъ былъ въ Россіи сначала въ качествѣ агента Лондонской торговой компаніи, основанной Себ. Каботомъ, а затѣмъ—въ качествѣ посла королевы Елисаветы для улаженія торговли Россіи съ Англіей. Свѣдѣнія объ его поѣздкахъ и библиографическія данныя о нихъ приведены у Аделунга (*Adelung*, «*Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700*. Bd. I. 1846. S. 214—220).

языка». Страны эти,—говорится далѣе,—«были посѣщены однимъ Русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Федоромъ Товтыгинимъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ»⁸⁷). Очевидно, переведенныя Джонсономъ данныя были заимствованы имъ изъ какого-то русскаго источника, и повидному, судя по приведеннымъ извлеченіямъ, изъ той же самой статьи «о челоѣдѣхъ незнаемыхъ», которая служитъ предметомъ и нашего разбора. Такъ можно заключать по началу извѣстія: «Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ Самоѣды и страна ихъ называется *Молгомзей* (*Molgomsey*); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ а ѣдятъ ихъ, а далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ и ихъ торга соболями. Слѣдующія два извѣстія тоже соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени приводимымъ въ разбираемой, нами статьѣ, хотя они нѣсколько сокращены и именно (какъ увидимъ далѣе) въ нихъ пропущено то, что представляется болѣе невѣроятнымъ или преувеличеннымъ. Дальнѣйшія извѣстія однако не приведены, отчасти, можетъ быть вслѣдствіе ихъ еще большей невѣроятности, а отчасти и потому, что яныя изъ нихъ касаются уже странъ, лежащихъ вверху Оби, и слѣдовательно не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, о которыхъ сообщалъ

⁸⁷) Отчеты Дженкинсона приведены въ сборникѣ Гаклюйта (*Hakluyt's*, «Collection of the early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation», N. Ed. Vol I. 1809). Второе путешествіе озаглавлено: «The Voyage of Master A. Jenkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558; written by himselfe to the Merchants of the Moscouie Companie». Третье путешествіе описано подъ заголовкомъ: «A compendious and briefe Declaration of the Iourney of M. Anth. Jenkinson from the famous citie of London into the land of Persia, passing in this same iourney thorow Russia, Moscouia and Mare Caspium, alias Hircanum, sent and employed therein by the right worshipfull Societe of the Merchants Aduenturers for discouerie of Lands, Islands etc. Во второмъ путешествіи приведены, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о Ногайцахъ, Татаряхъ, Бухарѣ, Каспійскомъ морѣ и т. д. Спутникъ Дженкинсона (въ его поѣздкѣ въ Бухарію) Рич. Джонсонъ участвовалъ также (въ 1556 г.) вмѣстѣ съ Барро (*Steuca Burrowe*) въ экспедицію къ островамъ Вайгачу и Новой Землѣ, причемъ ознакомился тамъ съ Самоѣдами, какъ то видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ имъ Рич. Ченслеру (*Chancelor*) и помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ Гаклюйта, I, стр. 316—318. — Карта Дженкинсона, въ «*Theatrum Ortelii*» 1573, озаглавлена: «*Tartaren oder Grossen Chams Lender*»; та же карта, безъ измѣненій, въ 3-мъ изданіи 1684 года. По словамъ Аделунга, карта Дженкинсона была издана еще съ дополненіями въ атласѣ Ванъ-деръ-Ла: «*Carte du voyage par terre et par mer fait par A. Jenkinson d'Astracan vers la Tartarie et au retour jusques dans Moscou etc.* въ «*Atlas nouveau et curieux etc.*, Leyde, par Pierre Van-der-Aa». Упомянутыя въ текстѣ свѣдѣнія о Самоѣдахъ озаглавлены у Дженкинсона такъ: «Here follow certaine countrey of the Samoeds which dwell vpon the ruer Ob, and vpon the sea coasts beyond the same, taken out of the Russe tongue word by word ant traualled by a Russe born in Colmogro, whose name was Pheodor Towlgin, who by report, was slaine in one of the sad countreys».

Джонсонъ въ своемъ письмѣ къ Ченслеру. Какъ бы то ни было, есть серьезное основаніе думать, что Джонсонъ ознакомился, непосредственно или при помощи какого нибудь Русскаго, съ разбираемою нами статьей, и что упомянутый имъ житель Холмогоръ, Федоръ Товтыгинъ, былъ, можетъ быть, именно составителемъ статьи «о челоѡвѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»⁸⁴.

Что «Молгомзеи» были извѣстны по слухамъ Англичанамъ въ XVI вѣкѣ, доказываетъ еще инструкция, данная сэромъ Роулендомъ Гайвардомъ и Дж. Бэрномъ, директорами англійской купеческой компаніи для открытія новыхъ торговъ,—Артуру Пету и Чарльзу Джекману, отправленнымъ въ морскую экспедицію для открытія Китая въ 1580 г. Въ этой инструкціи говорится, между прочимъ, что если имъ придется зазимовать въ устьѣ Оби или около него и они встрѣтятся тамъ съ туземцами, «Самойдами, Юграми или Молгомзеями», то съ ними слѣдуетъ обращаться ласково, вывѣдать, кто ими владѣеть, доставить ему одну изъ королевскихъ грамотъ, вступить съ ними въ торговый обмѣнъ и т. д.⁸⁵. Тоже названіе «Molgomzaia» встрѣчается на многихъ картахъ XVII в., напр. у Blaeu (*Geographia Blaviana*), 1668, въ атласѣ Сансона 1683 г., у Витзена и др.⁸⁶). Въ «*Geographia Blaviana*» объ этихъ «Молгомзеяхъ» приводится даже одна черта изъ ихъ религіознаго быта, именно, что они поклоняются солнцу или развернутому красному знамени,—черта, которая, впрочемъ, на картѣ Дженкинсона приурочена, какъ увидимъ далѣе, не къ Молгомзеямъ, а къ народамъ, жившимъ далѣе за ними. Какъ бы то ни было,

⁸⁴ Указанное мѣсто, въ изложеніи Джонсона, читается такъ: «Upon the East part beyond the country of Vgori, the river Ob is the most Westernmost part thereof. Upon the sea coast dwell Samoeds, and their country is called Molgomsey, whose meate is flesh of Otens or Harts, and Fisch, and doe eat one another sometimes among themselves» и т. д. *Наскыут*. I, p. 377.

⁸⁵ Инструкция эта озаглавлена: «Commission given by sir Rowland Hayward knight and George Barne, Aldermen and Governours of the Company of English Merchants, for discovery of new Trades, vnto Ar. Pet, and Charles Jackman, for a voyage by them to be made for discovery of Cathay, 1580». Въ инструкціи говорится между прочимъ: «... We wish then that the same your wintering place may be in the river of Ob, or at neere the same river as you cannd finding in such wintering place people, be they Samoeds, Jowgorians, or Molgomzes etc. doe you gently entreat with them» и т. д. Подъ Китаемъ разумѣлся въ тѣ времена Китай, о городахъ котораго, Sambalu (или Кямбянъ—Пекинъ) и Quinsay, было извѣстно изъ путешествіи Марка Поло и другихъ.

⁸⁶ Ср. карты: *Меркатора*, 1587 г. (копія ея у Witsen'a), также—въ атласѣ изд. 1593 г. Атласъ Сансона я имѣлъ въ изданіи: «Geographishe en historische Beschryvingh der Werelds-Deelen etc. d'vor de Hr. Sanson d'Abbeville, verstaeld etc. door S. de Urdes, Utrecht. 1683 г. 4°. Здѣсь, на картѣ «La grande Tartarie», весьма впрочемъ невѣрно, показана страна Molgomzaia, но города Мангазеи нѣтъ. На другой картѣ Сансона, изданной Шенкомъ («*Russiae Albae sive Moscoviae Delinatio geographica*»), — наоборотъ, означенъ г. Мангазея (на р. Тазѣ), но страны Molgomzaia нѣтъ. Вмѣсто нея стоитъ названіе «Манато», а по сю сторону Тазы, между нѣмъ и Обью — «Насиаеде», по всей вѣроятности — Хазово, названіе Самойдовъ, которые впрочемъ показаны также по сю сторону Оби, какъ «Samoiedes».

не подлежит сомнѣнію, что страна по ту сторону Оби и населяющій её народъ были дѣйствительно извѣстны въ XVI—XVII вв. подъ именемъ: *Molgomsey, Molgomzaia, Molgomsai, Молгонзѣи, Малгонзѣи, Мангонзѣи*, — названіе, которое было перенесено и на прилегающую часть Ледовитаго океана (*Mare tartaricum olim Mare glaciale; Mangaseiche Zee; Мангазейское море*), а также и на основанный въ этой странѣ русскій городъ, только подвергшись передѣлкѣ въ Мангазею ⁸⁷⁾.

По своему происхожденію, слово «Молгонзѣи», повидному, самоѣдское, юрацкое. Названія Кондоріи, Обдорія объясняются изъ зырянскаго языка и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби. Но словъ «молгонзѣи», «молгонъ» или «малгон» въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ; по крайней мѣрѣ я ихъ не встрѣтилъ въ имѣющихся спискахъ зырянскихъ словъ Саввантова и Кастрена. Наоборотъ, окончаніе на *zei* или *zhi* встрѣчается въ названіяхъ самоѣдскихъ родовъ; такъ, среди Архангельскихъ, лѣсовыхъ родовъ есть родъ Хатанзеи или Хатанзей (по Иславину, изъ лѣсовыхъ — самый большой родъ) ⁸⁸⁾. Съ другой стороны, слово «молгонъ» или «малгонъ», повидному, соответствуетъ словамъ *mâl* — «конецъ», «*mâlhapaa*» — конечный, краевой, приводимымъ Кастреномъ въ его спискѣ юрацко-самоѣдскихъ словъ ⁸⁹⁾. Юраками называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ и отличаемое какъ ими самими, такъ и всѣми сосѣдними народами отъ остальныхъ Самоѣдовъ по типу, языку и характеру. Если указанное нами сопоставленіе возможно (а оно неволью напрашивается), то «молгонзѣи» будетъ значить: «конечные», «краевые», т. е. живущіе на краю земли, на краю свѣта, именно на окраинѣ прочихъ Самоѣдскихъ племенъ. Это и примѣнно къ Юракамъ, кочевья которыхъ простираются на сѣверъ до моря, а на востокъ соприкасаются съ кочевьями Тунгузовъ.

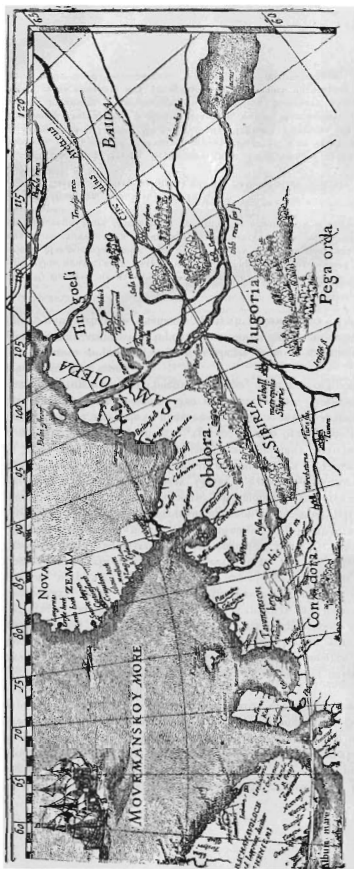
Такимъ образомъ, первое извѣстіе Новгородскаго сказанія оказывается справедливымъ. Народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ, и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ - Юраковъ ⁹⁰⁾. Обра-

⁸⁷⁾ Витазенъ производилъ даже названіе города Мангазеи отъ Мангазейскаго моря: «Обь впадаетъ въ Океанъ или въ Сибирское Мангазейское холодное море (*Siberische Mangaselsche Koude Zee*), откуда городъ Мангазеи получилъ свое названіе. Городъ этотъ стоитъ на р. Мангазеѣ, излиявающейся въ море...» На картѣ Штрахенберга названіе *Mare Mangazeysco* придано Тазовской губѣ и ближайшей части Карскаго моря.

⁸⁸⁾ *Иславине*, Самоѣды. Спб. 1847, стр. 135.

⁸⁹⁾ *Castren*. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, bearb. v. Schiefner. St.-Pet. 1855. S. 40.

⁹⁰⁾ На картѣ Федора Борисовича (изд. Герардомъ) — страна «*Molgomsaia*» не показана, но на ней не означенъ и городъ Мангазея, а на мѣстѣ его написано только: «Тазовскій городокъ». На Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, на которомъ обозначены какъ Старая, такъ и Новая Мангазея, вмѣсто Молгонзѣевъ стоитъ — «исмирная самоѣдъ юрацкая». Повидному, съ основаніемъ Мангазеи названіе народа Молгонзѣи стало выходить изъ употребленія и смѣнилось названіемъ Юраки. Юрацкое племя должно было «немирнымъ» и подверглось окончательному усмирению, сравни-

таб. III.

ЧАСТЬ КАРТЫ ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА

доп. и изд. Герардомъ въ 1614 г.,

въ дополненіи вставъ на карту Ресей отъ Елизаветы королевы Швецкіи.

тимся теперь къ характеристикѣ этого народа, приведенной въ сказаніи. «А ядь ихъ мясо оленья да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ откуда прїидеть, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ; а который гость у нихъ умереть, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такожь». Что самоѣды питаются оленьимъ мясомъ и рыбой, это извѣстно всѣмъ; но чтобы они были людоедами, это можетъ казаться сомнительнымъ. Новѣйшіе писатели (съ XVIII вѣка) большей частью даже категорически опровергаютъ, чтобы Самоѣды были людоедами и чтобы ихъ названіе было вызвано именно этимъ обстоятельствомъ. Лербергъ производилъ слово «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ». Бѣлявскій объяснялъ его, какъ русскій переводъ самоѣдскаго родоваго названія Хасово (отъ *хазъ*—самъ и *ово*—одинъ), т. е. «самъ-одинъ» или «самъ-единъ»; большинство однако, слѣдуя Фишеру, принимаютъ, что это названіе — финское и соответствуетъ лопарскому Same-jedne, прилагаемому Лопарями къ обозначенію своей земли (ср. Suomi, Häme, Сумь, Ямь). Полагаютъ, что Русскіе изъ этого слова слѣдали Самоядь, считая сперва Лопарей и Самоѣдовъ за одно племя или что «не зная обитателей сѣвернаго побережья подъ собственнымъ ихъ названіемъ, они назвали ихъ Самоѣдами отъ лопарскаго названія Самоянда», узаннаго ими, можетъ быть, отъ Кареловъ. Но нѣкоторые сомнѣваются и въ этомъ объясненіи, считая его мало вѣроятнымъ ²¹⁾. Какъ бы то ни было, названіе это было извѣстно уже Плано Карпини, который передаетъ его въ формѣ Samogeti и рассказываетъ со словъ Татаръ, что они живутъ только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлаютъ изъ звѣринныхъ шкуръ. Плано Карпини, впрочемъ, не упоминаетъ о людоедствѣ «Самогетовъ», но представленіе о существованіи гдѣ-то на сѣверѣ антропофаговъ идетъ со времени глу-

тельно недавно, въ XVIII в. Въмѣсто «юраки» на старинныхъ русскихъ картахъ (XVIII в.) встрѣчается также нѣрѣдко названіе «юраты». Такъ, въ «Атласѣ, сочиненномъ къ пользѣ и употребленію юношества и въсѣхъ читателей вѣдомостей и Историческихъ книгъ.» Спб. 1737, — за Обьскою губою показаны «Юраты»; на картѣ, представляющей часть сѣверной Росс. Имперіи отъ устьевъ р. Енисея, до начала Вѣл. моря», сост. Трускотомъ (въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ) — «Самоѣды юратская».

²¹⁾ Въ упомянутыхъ раніе свѣдѣніяхъ о самоѣдскихъ странахъ, заимствованныхъ изъ русскаго источника Рич. Джонсономъ (спутникомъ Дженкинсона), о людоедствѣ Самоѣдовъ говорится совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ разбираемой нами статьѣ. «And if any Marchants come vnto them, then they kill one of their children for their sakes to feast them withall. And if a Marchant chance to die with them, they burie him not, but eat him, and so doe they eate them of their owne countrey likewise». Производство Лербергомъ слова «самоѣдъ» отъ «семгоѣдъ» можетъ быть нѣсколько оправдано стариннымъ названіемъ самоѣдовъ у Плано Карпини и Герберштейна: «Samogeti», «Samogete». Джонсонъ (1556) и Флетчеръ (1558) пишутъ однако уже «Samoede» и «Samoites», Олеарій — «Samoieden». — Мнѣніе Бѣлявскаго см. въ его книгѣ: «Повѣдка къ Ледовитому морю» М. 1833, стр. 154. — О различныхъ толкованіяхъ имени «Самоѣды»: Огородниковъ, Прибрежья Ледовитаго и Вѣлаго морей съ ихъ притоками по Книгѣ Вольшаго Чертежа, въ «Зап. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи». Т. VII. 1877, также у Замословскаго, «Герберштейнъ», и т. д. На картѣ Штраленберга встрѣчаются и Samogetae и Samoiedae, а между Тазомъ и Енисеемъ—Samojedae montani.

бокой древности. Они упоминаются, какъ извѣстно, уже у Геродота въ числѣ народовъ, живущихъ гдѣ-то за Скиаами. Позже, съ расширеніемъ предѣловъ извѣстнаго міра, мѣстообитаніе ихъ (какъ и людей съ песьими головами) переносилось все далѣе—къ сѣверу и востоку; русскіе же люди, по видимому, съ давнихъ поръ, отождествили ихъ съ Самоѣдами. Извѣстіе о людоедствѣ Самоѣдовъ мы встрѣчаемъ уже у Герберштейна; упоминая о Samoged, онъ добавляетъ: «т. е. сами себя ядущіе»; «эти племена, говоритъ онъ, дики и избѣгаютъ сообществъ съ другими людьми». Р. Джонсонъ, познакомившійся въ 1556 г. съ Самоѣдами, жившими при устьѣ р. Печоры, замѣчаетъ, что эти Самоѣды находятся въ подданствѣ у русскаго государя, что они занимаются много колдовствомъ и хорошо стрѣляютъ изъ луковъ. Къ сѣверовостоку отъ Печоры, на о-вѣ Вайгачѣ, — продолжаетъ Джонсонъ, — живутъ «дикіе Самоѣды, которые не позволяютъ приставать къ острову Русскимъ, но убиваютъ и съѣдаютъ ихъ, какъ намъ рассказывали Русскіе». «Самонты (Samois) — говоритъ Флетчеръ, — носятъ такое названіе (по словамъ Русскихъ) отъ того, что они ѣдятъ самихъ себя, ибо въ прежнее время они жили какъ людоеды и ѣли другъ друга. Что это вѣроятно, можно заключить изъ того, что они и теперь еще ѣдятъ всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся въ ямахъ. Но сами Самоѣды производятъ свое названіе отъ «самые» (samois), считая себя коренными жителями своей страны, никогда не мѣнявшими своей родины». Петрей (1620) сообщаетъ, что за страной Печерой, миляхъ во ста къ сѣверу, къ Ледовитому морю, «живутъ народы, которыхъ Русскіе называютъ «Samiedi». Это — люди, пожирающіе самихъ себя». (Es ist ein solch Volck, das sich selber frist). Олеарій говоритъ, что Русскіе назвали Самоѣдовъ такъ потому, что «они (Самоѣды) дѣйствительно ѣли человѣческое мясо и даже тѣла своихъ умершихъ друзей, которыхъ они смѣшивали и ѣли съ дичиной». Мейербергъ тоже упоминаетъ о людоедствѣ Самоѣдовъ, ссылаясь при этомъ на Олеарія⁹²⁾. Въ русскіхъ описаніяхъ Сибири и ея «звѣрообразныхъ» людей, довольно многочисленныхъ въ космографіяхъ XVII вѣка, о людоедахъ однако не упоминается, а говорится только, что Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы и проч... «еще и подобни образомъ человѣкомъ, но нравомъ и житіемъ подобни звѣрямъ» или «живутъ въ лѣсахъ и въ земли яко звѣри, нравомъ же зѣло люти»⁹³⁾. Но преданія о людоедствѣ Самоѣдовъ въ прежнія времена еще сохранились у Вогуловъ и Остяковъ. Въ былінахъ ихъ разсказывается о борьбѣ ихъ прежнихъ богатырей съ самоѣдскими, причемъ богатыри эти, будто-бы, не только убивали другъ друга, но и ѣли

⁹²⁾ Herberstein, русск. пер. Анонимова, стр. 124; Джонсонъ и Флетчеръ—у Hakluyt, I, 317, 555; Olearius, Relation, 1679 p. 125; Petrejus, Von dem Großfürstenthum Muschkow; 1620, S. 85; Mayerberg, II, 99.—«Samogedi» показаны на картѣ Меркатора (1587—1595 гг.) съ надписью: «id est se mutuo comedentes», и въ «Geographia Blaviana», 1662, съ объясненіемъ: «Mecreti ac Samojedi, quos latine dicas semetipsos devorantes».

⁹³⁾ А. Поповъ «Изборникъ». Статья «О Сибирскомъ царствѣ», изъ хронографа И. Пуб. библ. (Л. F. IV. № 165); см. еще тамъ-же— стр. 528.

печень и пили кровь своихъ враговъ ⁸⁴⁾. Эти рассказы могутъ впрочемъ относиться къ временамъ стародавнимъ, мифическимъ, но у Остяковъ (и самихъ Самоѣдовъ) сохранились еще другіе, болѣе реальныя рассказы, относящіеся ко временамъ сравнительно недавнимъ, историческимъ, даже, можно сказать, новѣйшимъ. Вотъ что мы читаемъ у Кушелевскаго ⁸⁵⁾. «Остяки называютъ Самоѣдовъ — *орхой* (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ Самоѣдовъ и Остяковъ еще по настоящее время сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѣдскихъ предковъ. Удрученный лѣтами Самоѣдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ и ѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое съѣсть. Этотъ обрядъ отцеубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло съѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, назвали Самоѣдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда Остяки вѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали Самоѣдамъ, при встрѣчѣ съ собою, падать на колѣни, кланяться въ землю и не смотрѣть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволѣтъ. Входя въ самоѣдскіе чумы, приказывали постигать себѣ подъ ноги оленьи кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѣдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыя брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію Остяковъ, очищаетъ все отъ всѣхъ нечистотъ. Въ преданіяхъ Остяковъ сохранилась еще быль, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ Самоѣдамъ за сборомъ ясака, самоѣдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказавъ своей младшей дочери раздѣться, показалъ ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убилъ дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынулъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчивать Какаулина, но тотъ, испугавшись, убѣжалъ изъ чума и болѣе къ Самоѣдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остяцкому князю. — Изъ этихъ преданій можно заключить, что Самоѣды получили названіе свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ѣли и не удивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно былъ такой случай: лѣтъ 15-ть тому назадъ (т. е. въ началѣ 50-хъ годовъ), Самоѣдъ, руководясь убѣжденіями своихъ предковъ, съѣлъ свою мать,

⁸⁴⁾ Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богатыри ихъ (*лохатуръ* или *одырѣ*) отличались громадною силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали. . . Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. См. *Гондатти*. «Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири», стр. 360.

⁸⁵⁾ *Кушелевскій*. Сѣверный полюсъ и земля Ялалъ. Путевыя записки. СПб. 1868, стр. 52 слѣд.

старую и неспособную къ труду, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство.... Но еще недавно были случаи, что Самоѣдинъ, убѣдившись, что жена родила ему дитя, не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на съѣденіе собакамъ. Наконецъ, не лишнимъ считаю разсказать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что Самоѣды дѣйствительно сами себя съѣдали, и что поэтому и названіе имъ дано русскими казаками — «самоѣдъ» правильно. Остяки и Самоѣды долго между собою враждовали и ходили другъ на друга войною. Но когда Самоѣды убѣдились, что Остяковъ не въ состояніи были прогнать изъ своего отечества, то смирились передъ ними и въ клятву вѣчнаго мира и признаніе надъ собою владычества Остяковъ исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного Самоѣда, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчнаго между ними согласія, и эта лиственница еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска.

Если исключить догадку Кушелевскаго о томъ, что слово «самоѣдъ» было придумано казаками (слово это существовало задолго ранѣе казачества), то сообщаемые имъ факты нельзя не признать возможными и вѣроятными. Кушелевскій занимался (по порученію Сидорова) изслѣдованіемъ путей отъ Печоры до Енисея, жилъ подолгу въ тундрѣ и могъ ознакомиться довольно хорошо какъ съ Остяками, такъ и съ Самоѣдами. Фактъ убіенія Самоѣдами въ прежнее время дряхлыхъ стариковъ не можетъ считаться невѣроятнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что этотъ обычай существуетъ еще кое-гдѣ и теперь у дикарей, а въ древнія времена исполнялся даже предками многихъ культурныхъ народовъ⁹⁸). Но, если допустить даже, что всѣ эти разсказы были преувеличены и вымышлены Остяками, во всякомъ случаѣ остается фактъ, что они существуютъ и были въ обращеніи, а слѣдовательно могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія, который имѣлъ еще большія основанія имъ вѣрить, чѣмъ г. Кушелевскій. Такимъ образомъ и это извѣстіе сказанія оказывается вѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, основаннымъ на дѣйствительно ходившихъ разсказахъ.

Далѣе о тѣхъ же Молгонзѣяхъ говорится слѣдующее: «Сія же люди невелики возрастомъ, плосковиды, носы малы; но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды. А ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье. А товаръ ихъ соболи». Все это вполне соответствуетъ дѣйствительности. Малорослость сѣверныхъ народовъ, Лопарей и Самоѣдовъ

---

⁹⁸) *Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи, Спб. 1887. Гл. IV: «Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ»; *Andree*, Anthropophagie. 2 Luagabe. 1887; *Калааше*, Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, въ «Этнографическомъ Обзорѣніи». М. 1889, кн. 1, 2 и 3.

была известна давно; первые дали повод къ возникновенію германскихъ (готскихъ) и финскихъ (карельскихъ) преданій о карликахъ, съ которыми приходилось бороться предкамъ Германцевъ и Карель 97). Позже, когда пришлось убѣдиться, что Лопари, хоть и не велики ростомъ, но все-таки не пигмеи, настоящихъ пигмеевъ стали помѣщать за Лопарями, на самомъ крайнемъ сѣверѣ и наконецъ въ Гренландіи. (Павель Іовій, 1525; Olaus Magnus, 1567) 98). Что касается Самоѣдовъ, то они въ прежнее время представлялись часто тоже карликами, какъ то доказываютъ изображенія ихъ

рис. IV.
Старинное изображение Самоѣдовъ
(въ «Путешествіи» De la Martinière).

у старинныхъ путешественниковъ, напримѣръ у Мартиньера 99). Въ дѣйствительности, Самоѣды, хотя и не карлики, но все таки — малорослы. Средній ростъ 17-ти взрослыхъ Мезенскихъ Самоѣдовъ былъ найденъ Н. Ю. Зографомъ — равнымъ 159 сант., т. е. ниже средняго. Юраки, по Третьякову, также «болѣе низкаго, чѣмъ средняго роста» и притомъ ниже Самоѣдовъ, хотя и лучше сложены 100). Что касается «плосковидности» Самоѣдовъ, то она хорошо известна. Большинство Самоѣдовъ выказываетъ монгольскія черты лица, т. е. широкія, выдающіяся скулы, плоское

97) Пигмеи помѣщались классическими писателями въ тропическихъ странахъ Африки и Индіи; но въ Средніе вѣка ихъ стали искать въ Средней Азійи, на границахъ Китая (Каталонская карта, 1375), а арабы отождествляли ихъ съ Магогомъ (Медшудизъ) и помѣщали гдѣ-то сѣвернѣе, въ пустынь. — Преданія о карликахъ привнесены у Гримма, Нильсона и Кастрена.

98) *Pauli Jovii, Libellus de legatione Basilii Magni*: «Ultra Lapones in regione inter Corum et Aquilonem perpetua oppressa caligine, Pygmeos reperire... nostratis pueri denum annorum mensuram vix excedant, meticulosum genus hominum»... На картѣ Олая Великаго (у Норденшильда) на сѣверѣ Норвегіи, выше Lappia, показана Scriclinia и поставлена надпись: «Hic habitant Pygmei vulgo Screlinger dicti». — На этой картѣ, видно, что Олай къ сѣверу отъ Норвегіи, въ недалекомъ разстояніи черезъ море, представлялъ себѣ Гренландію, которая по норвежскимъ сагамъ и была отечествомъ Скриклинговъ.

99) *De la Martinière, Voyage des pays septentrionaux*. Sec. edit. 1676., p. 249, 279, Ср. также снимки со старинныхъ изображеній Самоѣдовъ у Норденшильда, I. S. 88, 90.

100) *Петрей* (I. с., стр. 89) рассказываетъ, что по ту сторону Гиперборейскихъ горъ (Урала) — по словамъ ходившихъ туда Русскихъ, живутъ *пигмеи*, ростомъ не выше трехлѣтняго мальчика. Они по природѣ очень боязливы и говорятъ особымъ языкомъ, непонятнымъ ни для кого.

(не вогнутое) переносе и малый носъ, что и дѣлаетъ ихъ лице болѣе плоскимъ, чѣмъ европейское¹⁰¹⁾. «Рѣзвость», т. е. проворство движеній точно также приписывалась издавна какъ

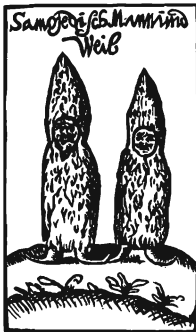

рис. V.

Старинное изображение Самоѣдовъ
(По Schlegelz, 1693 г.;
копія у Норденшмаде).

Лопарямъ, такъ и Самоѣдамъ, а равно и искусство стрѣлять быстро и ловко съ лука. Наконецъ, ѣзда на оленяхъ и на собакахъ и употребленіе собольнаго и олепяго платья — черты характерныя для сѣверныхъ инородцевъ. Собственно самоѣдскій способъ ѣзды — на оленяхъ, а ѣзду на собакахъ ввели, по-видимому, Остяки, но оба способа были съ давнихъ поръ въ употребленіи на сѣверѣ. Такъ, въ походъ 1499 года Русскіе встрѣтили югорскихъ князей на оленяхъ, и сами отъ Ляпина шли: «воеводы на оленяхъ, а рать на собакахъ»¹⁰²⁾. Что касается до соболей, то страна Молгоизѣвѣвъ была первоначально очень богата ими. Это явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что одна рѣка, впадающая въ море между Обью и Енисеемъ, была названа «Собольною», какъ-то можно видѣть на Сибирскомъ Чертежѣ Ремезова, гдѣ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ — показаны (нарисованы) соболи и песцы¹⁰³⁾.

Первое извѣстіе сказанія оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ или вѣроподобнымъ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Нельзя по-видимому, сказать того же о второмъ извѣстїи, о «длинной самоѣди». «Въ той

¹⁰¹⁾ Въ упомянутыхъ ранѣе свѣдѣніяхъ Джонсона разбираемое нами мѣсто статьи передано почти въ буквальный переводъ: «They be euill of sight, and haue small noses, but they be swift and shoote very well, and they trauelle on harts and on dogges, and their apparell is Sables and Harts skinnes, they haue no Marchandise but Sables onely». По Флетчеру «the Samoites... are thought to have taken their beginning from the Tartar kinde. And it may partly be gessed by the fashion of their countenance, having all broad and flat faces as the Tartars haue... They are all black haired, naturally beardlesse».

¹⁰²⁾ По (Спасскому Списокъ съ чертежа Сибирской земли, прим. 33)—въ Туруханскѣ Русскіе «ѣздить и перевозятъ тяжести на собакахъ; отчасти служатъ къ тому и оленя».

¹⁰³⁾ «Въ Туруханскомъ краѣ, по словамъ Третьякова, соболя еще въ 1812 — 1818 г. было столь много, что жители не разъ видали его въ дворахъ и близи палками; тогда добывалось этого звѣря отъ 6 до 9 тыс. штукъ въ годъ. Одинъ Тунгузы и Остяки вывозили изъ окрестностей Нижней Тунгузки до 4 тыс. соболей. Многие Тунгузы имѣли соболья парки». Но съ 1818 г. соболь началъ исчезать. Въ началѣ 70-хъ годовъ Третьяковъ опредѣляя годовой промыселъ (въ Туруханскомъ краѣ) въ 180 соболей. Другія животныя, водившіяся въ этомъ же краѣ, дали поводъ къ названіямъ: р. Моржовка, р. Китовка, Соколы Луды, Медвѣжій носъ.

же странѣ — нная самоѣдъ такова же: линияя словеть. Лѣтъ мѣсяцъ живутъ въ мори, а на сушѣ не живутъ того ради, занежъ тѣло на нихъ трескается. И они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылѣстися. Дѣло идетъ о той же странѣ и даже, какъ будто, о той же самоѣдн, но она отличается, какъ «линияя», т. е. подверженная линькѣ, смѣнѣ кожи, которая на нихъ трескается, вслѣдствіе чего они это время «живутъ въ мори». Можно подумать, что въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду не люди, а какія-нибудь морскія животныя, въ родѣ тюленей или моржей. Смѣшеніе морскихъ животныхъ съ людьми вовсе не такая невѣроятная вещь; ему обязаны своимъ возникновеніемъ многочисленныя мнѣя о спиренахъ, переидахъ, Мелузінѣ, «морскихъ людяхъ» и т. д., бывшіе распространеными не только въ древніе и средніе вѣка, но даже еще въ XVIII стол. ¹⁰⁹⁾. Большинство этихъ чудовищъ приручивалось, правда, къ тропическимъ морямъ, но нѣкоторыя помѣщались и въ сѣверныхъ. У Плаю Карпини встрѣчается извѣстіе, что Татары, во время своихъ походовъ, свѣдѣтели за Самогетами, въ странѣ у океана, какихъ-то чудовищъ, которыя имѣли во всемъ человѣческой видъ, только ноги у нихъ были бычьи, а лица собачьи; два слова произносили они по человѣчьи, а третье давали какъ собака, и такимъ образомъ, вставляя по временамъ лай, но возвращаясь затѣмъ къ своей природѣ, они позволяли себя поить ¹⁰⁹⁾. На

¹⁰⁹⁾ См. *Grässe*, Von den Meermännern und Meerfrauen, въ его «Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters». Dr. 1859. Также *Baring-Gould*, Curious Myths of the Middle Ages, 1874., глава XIX. Melusina.— Лютеръ рассказываетъ объ одной «морской дѣвицѣ», очень красивой, которая, будучи поймана, прижала съ однимъ матросомъ ребенка, но затѣмъ, когда корабль пришелъ снова на то мѣсто, гдѣ она была поймана, бросилась съ ребенкомъ въ воду и исчезла. Отъ 1618 г. сохранилось извѣстіе, что въ Ютландіи былъ пойманъ «Seemännchen» около 40 л., съ большой черной бородой, который, поживъ нѣкоторое время на соломѣ, отправился въ церковь и молился тамъ, а затѣмъ исчезъ въ лѣсу. Еще въ 1832 г. показывали въ Лондонѣ, въ стеклянномъ ящикѣ, «морскую дѣвицу», которая оказалась однако, при ближайшемъ изслѣдованіи, искусственной чучелой, сложенной изъ верхней части тѣла обезьяны и хвостовой части большой рыбы.— У *Baring-Gould* приведена любопытная переписка по поводу рисунка одной рыбы, пойманной будто бы около Молуккскихъ острововъ и помѣщенной въ сочиненіи *Fallours, Poissons, écrivisses et crabes extraordinaires, que l'on trouve autour des Isles Moluques*, Amst. 1717. Рыба эта, названная *See-wyf* (морская женщина) представляетъ родъ сирены, съ головою, руками и туловищемъ женщины и съ большимъ рыбьимъ хвостомъ. Рисунокъ этотъ, еще до выхода книги, былъ показанъ издателемъ ея, Ренаромъ (*Renard*) — «царю Московіи» (Петру), который заинтересовался рисункомъ и пожелалъ узнать подробности. Ренаръ обратился съ письмомъ по этому поводу къ пастору Валентину, жившему 30 лѣтъ въ Ост-индскихъ колоніяхъ Голландіи. Тотъ, не имѣя возможности сообщить что-либо о данномъ рисункѣ, доставилъ однако свѣдѣнія о другихъ подобныхъ спрено-образныхъ людяхъ, свѣдѣнныхъ въ индійскихъ моряхъ, и въ существованіи которыхъ онъ нисколько не сомнѣвался.

¹⁰⁹⁾ «Собраніе путешествій къ Татарамъ», изд. Языкова. Спб. 1825. *Плаю Карпини*, стр. 158—159: ... «venerunt ad quandam terram super Oceanum, ubi invenerunt quaedam monstra quae per omnia humanam habebant, sed pedes desinebant in pedes bovinos, et faciem per omnia habebant ut canis: duo verba loquebantur more humano

картъ Олая Великаго (1567), въ моряхъ, омывающихъ Норвегію и Англію, также представлены разныя чудовища то съ большими зубами, топящая корабли, то съ лошадиной головой, съ тѣломъ змѣи, съ рогомъ на лу и т. д. Герберштейнъ, со словъ какого-то русскаго дорожника, упоминаетъ о водящейся въ р. Тахнинѣ, гдѣ-то къ сѣверу отъ Лукоморья, рыбѣ, съ головою, глазомъ, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., по виду совершенномъ человѣкѣ, но безъ голоса. Сомнительно однако, чтобы составитель разбираемаго нами сказанія смѣшалъ въ данномъ случаѣ людей съ морскими звѣрями. Описываемые имъ люди представляются «такою же самоѣдью, которая живетъ въ морѣ только лѣтомъ, съ мѣсяцъ, а остальное время проводить «на сусѣ»¹⁰⁷⁾. Естественноѣе предположить, что данное извѣстіе основано на невѣрно понятомъ разсказѣ о лѣтнихъ перекочевкахъ Самоѣдовъ. Извѣстно, что Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь частью промысломъ на морскаго звѣря и рыбу. «Нельзя себѣ представить, говорить Иславинъ, того множества комаровъ, которое бываетъ въ лѣтнее время въ тундрѣ, въ особенности въ лѣсистой ея части... Комары и овода такъ беспокоятъ оленей, что стада ихъ съ крикомъ бѣгаютъ вокругъ чумовъ и вскорѣ превращаютъ моховыя мѣста въ грязь; въ предупрежденіе этого, на лѣто отгоняютъ стада къ морю: ибо чѣмъ далѣе отъ лѣсовъ, тѣмъ становится прохладнѣе и начинаютъ мало-по-малу исчезать несносные комары и оводы...» «Весною самоѣдскіе роды (въ Архангельской губ., Пустозерскіе и Устьцылемскіе) выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ Воркотѣ, Сіойдѣ и Хузьмору; къ Іюню и Іюлю приближаются къ рѣкамъ Карѣ и Коротвицѣ, а племя Яутыссін (отъ *иля* — море) для рыболовства и промысла морскихъ звѣрей переходить даже на островъ Вайгачъ; въ Августѣ и Сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ Балбанскомъ и Письемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса». Подобнымъ же образомъ поступаютъ Обдорскіе Самоѣды. По Кушелевскому, они «лѣтомъ бродятъ вблизи моря, на полуостровѣ Ялмалѣ и т. д.; съ приближеніемъ осени, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, подходятъ съ своими стадами къ южнымъ частямъ Обской и Тазовской губы и р. Оби, и, какъ только ставетъ ледъ въ Сен-

---

et tertio latrabant ut canis: et sic per intervalla temporum latratum interponebant; tum ad naturam suam redibant et sic intelligi poterat quod dicebant. — Лербергъ являлъ въ этихъ чудовищахъ моржей. — Петрей приводитъ слухи, что около страны Лукоморья живутъ разныя звѣрообразныя люди: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ головы, какъ у собакъ или волковъ».

¹⁰⁷⁾ У Джонсона разбираемое нами мѣсто передано такъ: «Item, on the same coast or quarter beyond those people, and by the sea side also doth dwell another kinde of Samoeds in like manner, hauing another language. One moneth in the yeere they lue in the sea, and doe not come or dwell on the dryland for that moneth». — Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія, напр. Софійскомъ, Бѣлиевскомъ, этотъ разсказъ опущенъ, можетъ быть, по его кажущейся невѣроятности.

тябрь, тотчасъ переходятъ на противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшіе перелѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣе стараются попасть въ густые лѣса и среди нихъ распространяютъ свои кочевья все южнѣе и южнѣе до предѣловъ Сургутскаго участка»¹⁰⁸).

Откочевывая на сѣверъ и доходя до моря, нѣкоторые самоѣдскіе роды занимаются, въ теченіе мѣсяца или двухъ, рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей. «Морской звѣрь, — говоритъ Иславинъ, — требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда Самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу, и вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно желанной добычи, зная, что она наконецъ должна же явиться»... Ловля рыбы также сопряжена съ немалыми трудами, и Кушелевскій говоритъ, что отработывая свои долги русскимъ промышленникамъ, Самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, «какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ» (ямамъ или старицамъ на меляхъ Обской губы). Этими откочевками къ морю (даже иногда переходомъ черезъ море на островъ Вайгачъ) для занятія тамъ рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей, вѣроятно, и объясняется извѣстіе о самоѣдн, живущей «лѣтъ мѣсяцъ въ морѣ»; толкованіе же такого обычая тѣмъ — «заве же тѣло на нихъ трескается», вызвано, можетъ быть, непонятными разсказами о страшныхъ комарахъ и оводахъ, кусающихъ до крови людей и оленей. Замѣтимъ еще, что въ сухомъ климатѣ полярныхъ странъ, въ которомъ табакъ разсыпается въ мелкую пыль, и въ которомъ лѣтомъ дѣйствиіе лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма рѣзко, солище способно значительно жечь и вызывать даже трещины кожи.

Третье извѣстіе касается людей, мохнатыхъ въ нижней половинѣ тѣла. «Въ той странѣ есть няня самоѣдъ: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ яко же и прочія челоѣци. А ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и пыжи, и оленіи кожи»¹⁰⁹). Мохнатость или волосистость, въ данномъ случаѣ, едва ли можетъ относиться къ тѣлу, которое у сѣверныхъ народовъ всегда прикрито, а по всей вѣроятности — къ одеждѣ, такъ что, подъ выраженіемъ «по пупъ мохнаты до долу» надо разумѣть — одѣтые въ костюмъ, нижняя половина котораго сдѣлана изъ длинношерстныхъ шкуръ, волосами кверху. Извѣстно, что сѣверные народы пользуются для одеждъ звѣриными (оленьими и др.) шкурами, которыя носятъ часто шерстью вверхъ. Но обыкновенно, шкурки эти (напр. оленьи, бѣличьи и др.) — съ короткимъ

---

¹⁰⁸) У Кушелевскаго приведена карта съ показаніемъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевъ Каменскихъ и Обдорскихъ Самоѣдовъ и Остяковъ.

¹⁰⁹) У Джонсона это мѣсто приведено въ сокращеніи: «Item beyond these people, on the sea coast, there is another kinde of Samoeds, their meate is flesh and fish, and their merchandise are Sables, white and black Foxes (which the Russes call Pselts) and Harts skines, and Fawnes skinness».

волосомъ, не производящимъ впечатлѣнія мохнатости, и только нѣкоторыя части одежды обшиваются длиннымъ мѣхомъ. Мохнатость отъ пупа до долу могла быть вызвана ношеніемъ штановъ изъ длиннаго, косматаго мѣха, но это мало вѣроятно, такъ какъ Самоѣды и другіе сѣверные ино-

рис. VI.

Женскій самоѣдскій костюмъ, сведи.

Съ рисунка Норденшильда.

мѣха, такъ что эта особенность костюма вызвала соответственное прозвище племени у его сосѣдей и вообще стала отличительною чертою его внѣшности по отношенію къ другимъ родственнымъ народностямъ, а этого было достаточно для того, чтобы свѣдѣніе о немъ могло дойти до Русскихъ и выразиться въ соответственной, хотя и не вполне точной и ясной, характеристикѣ его ¹¹²⁾.

¹¹²⁾ Енисейскіе Тунгузы обшиваютъ свои шубы по подолю бахромою изъ шкуры горнаго барана «майгуконъ». См. *Третьяковъ Турух. край*, стр. 164. Эта длинная бахрома яственно видна на тунгузскихъ костюмахъ. См. напр. изображеніе Тунгузовъ въ «Описаніи» *Георги* или у *Pauly, Les peuples de la Russie.*

¹¹³⁾ Любопытно, что Герберштейнъ, со словъ русскаго дорожника, тоже приводитъ извѣстіе о людяхъ на сѣверѣ Сибири, у которыхъ все тѣло поросло волосами. — Н. Л. Гондатти записалъ у Маньзовъ преданіе, что богъ Нуми задумалъ создать людей, сдѣлалъ сперва изъ лиственницы два бревна и оживилъ ихъ; явились манквы, лѣтніе. Увидялъ Нуми, что сдѣлалъ не хорошо и сталъ вторично создавать людей — изъ лиственной сердцевины. Эти первые люди были совершенно подобны теперешнимъ, только *мохнатыми*. Они поѣли запрещенныхъ ягодъ (голубики) и отъ того потеряли

Четвертое извѣстіе сказанія уже кажется менѣе поддающимся объясненію. «Въ той же странѣ — иная самоѣдь: въ верху рты на тѣмени, а не говорятъ. А образъ (видѣніе) въ пошлину (по обычаю) человекъ ¹¹²⁾. А коли ядять и они крошаютъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ или подъ шапку. И какъ почнутъ ясти, и они плечима движуть въ верхъ и внизъ». Дѣло идетъ тоже о Самоѣдахъ и притомъ имѣющихъ вполнѣ человеческій образъ, за исключеніемъ того, что ротъ у нихъ на темени, и они не говорятъ. Последнее слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть въ томъ смыслѣ, что у нихъ «языкъ нѣмъ», т. е. что они говорятъ на непонятномъ языкѣ. Но какимъ образомъ объяснить существованіе рта на темени? Очевидно — не инымъ чѣмъ, какъ тоже особенностью костюма. Извѣстно, что одежда Самоѣдовъ шьется въ родѣ мѣшка съ отверстіемъ вверху для просовыванія головы и съ рукавами, къ которымъ пришиты рукавицы. Къ отверстію пришивается обыкновенно «тріушокъ» (треухъ), родъ башлыка, для покрытія головы, при чемъ зтоя тріушокъ, на верхней одеждѣ, паркъ, дѣлается иногда изъ кожи головы оленя съ ушами. У Юраковъ отверстіе малницы, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова, имѣетъ воротникъ, а у верхняго платья, сокуя, къ отверстію пришита мѣховая шапка, плотно охватывающая голову. Въ томъ случаѣ, когда воротникъ кругомъ охватываетъ шею и стоячій, такъ что закрываетъ ротъ и даже часть носа, ѣсть въ такомъ костюмѣ не совсѣмъ удобно, и надо или отгибать воротникъ или поднимать ротъ кверху, чтобы класть въ него пищу. Можетъ быть подобный костюмъ съ жесткимъ воротникомъ, заставлявшимъ по необходимости загибать при ѣдѣ голову взадъ и класть пищу въ ротъ сверху, составлялъ особенно принадлежность одного какого-нибудь племени или рода, извѣстіе о которомъ, невѣрно понятое, и послужило поводомъ къ возникновенію, кажущагося невѣроятнымъ, разсказа ¹¹³⁾.

свои волосы и стали голыми. Богъ разсердился, думая на нихъ и они разсыпались. Послѣ того Нуми создалъ родоначальниковъ теперешнихъ людей — изъ тальника, обмазаннаго глиною.—Что касается до перечисленныхъ сортовъ товара, то всѣ они извѣстны и въ настоящее время. Пыжами называютъ шкурки съ маленькихъ оленятъ.

¹¹²⁾ Слово «пошлѣна» употреблено здѣсь въ значеніи обычая, обыкновенія, какъ это явствуетъ и изъ вариантовъ сказанія. Аналогичный смыслъ имѣетъ это слово въ слѣдующихъ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ древнихъ памятниковъ: «Ино то обшкано (найдено), что то было учинилося ново, не пошлѣнѣ, а нынѣча не надобѣ». (Акты Арх. Эксп. I, 5); «Докомчана (послы отъ Свѣйскаго короля) миръ вѣчный по старой пошлѣнѣ» (П. С. Р. Л. III, 73); «И онъ не пошлѣноу прѣхалъ въ Псковъ: священники противъ его (на встрѣчу) съ кресты не ходили». (Ист. Гос. Рос. VII, Прим. стр. 94). См. «Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз.», сост. II Отд. Ак. Н. 2-ое изд. 1867 и «Толковый словарь» Даля.

¹¹³⁾ Иславнѣи, описывая ѣду Самоѣдовъ, говорятъ, что они «берутъ куски сыраго оленьяго мяса, обмакиваютъ ихъ въ горячую кровь и около самаго рта вверхъ къ носу отрѣзываютъ куски ножемъ». (Пря зтомъ, очевидно, ротъ долженъ быть поднятъ кверху, иначе кровь будетъ стекать мямо). Гондатти записалъ преданіе Маньзовъ о мѣнкахъ, лѣшихъ, которые отличаются большимъ ростомъ, острою головою и тѣмъ, что у нихъ между грудью и шеей воткнуть гвоздь, подпирajućiю голову, такъ что они

Слѣдующее извѣстіе сказанія представляется еще болѣе баснословнымъ. «Въ той же страиѣ есть иная самоѣда, якоже и прочіи человѣци. Но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ гдѣ котораго застанеть въ тѣмъ мѣсяци, тотъ тамъ и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли; и кто человѣкъ иные земли невѣданіемъ потокъ той отразитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ, а не сопхнетъ съ мѣста, той оживетъ, и познаетъ и речетъ ему, о чемъ мя еси друже поуродовалъ. А иные (вар. И паки) оживаютъ, какъ солнце на мѣсто вернется; тако на всякій годъ оживаютъ и умирають». Дѣло идетъ о людяхъ, умирающихъ или засыпающихъ на зиму или на два мѣсяца. Разказы о подобныхъ людяхъ были распространены, повидимому, съ давнихъ поръ. Уже Геродотъ говоритъ о счастливыхъ Гипербореяхъ, живущихъ въ странѣ, гдѣ полгода царствуетъ ночь. Въ Россіи разказы о временно умирающихъ людяхъ на сѣверѣ извѣстны въ нѣсколькихъ вариантахъ отъ XVI и XVII вѣка. Герберштейнъ приводитъ одинъ изъ нихъ, заимствованный изъ какого-то русскаго дорожника (iteperarium). «Сказываютъ, говоритъ онъ, что съ людьми Лукоморья (по ту сторону Оби, въ горахъ) происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: по слухамъ, они каждый годъ умирають, именно 27 ноября, когда у Русскихъ празднуется память св. Георгія,— и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24 апрѣля». Подобные же разказы встрѣчаются въ русскихъ космографіяхъ XVII в. Поповъ напечаталъ одинъ изъ нихъ, помѣщенный въ статьѣ «о Сибирскомъ царствѣ», въ сокращенной «Космографіи», по списку хронографа 1696 г. Космографія эта «переведена съ римскаго языка», но въ ней имѣются вставки переводчика, къ числу которыхъ относится и вставка о Сибири. Между прочимъ, въ статьѣ говорится: «Въ зимнее жъ время въ странахъ Сибирскія земли во многихъ мѣстахъ мрза ради и тяжкихъ воздуховъ никто же обитати и жителствовати можетъ въ то время, но бывають пусты и бесчеловѣчны. Глаголють же нѣцыи, яко за тою рекою Обью великою подъ самой сѣверъ есть человѣци дикіе безгласни, точию рычатъ и шипятъ, зимою же, егда мразы настануть, человѣцы же (тѣ) пускають отъ ноздрей своихъ сморгъ или соплю, и егда сн замерзнутъ, тогда стоятъ ови яко о древесяхъ, къ веснѣ же сня соли раставиваютъ, человѣцы же паки оживаютъ, егда же кто сихъ сопли предложитъ, такови уже не оживаютъ, но невѣмъ о сихъ аще истинна суть»¹¹⁴). Въ концѣ XVII в. такіе разказы возбуждали, слѣдовательно, уже сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе все таки, по старой памяти, приводились въ описаніяхъ Сибирской земли. Что разказы о сибирской стужѣ могли

не могутъ смотрѣть внизъ, а только впередъ или вверхъ. Такія существа, если они ѣдятъ, должны, конечно, класть пищу въ ротъ сверху. — Въ «Сказаніи о Индѣйскомъ царствѣ» упоминаются, впрочемъ, также «иные люди вверхъ рты ихъ», см. «Лѣтописи Русск. Литературы», изд. Тихоновоымъ, 1859, кн. IV, стр. 101.

¹¹⁴) А. Поповъ. Изборникъ, стр. 529.

вызвать преувеличенный представлений объ ея влияніи на человѣка, это не удивительно, въ особенности если принять въ соображеніе, что на далекомъ сѣверѣ зима сопровождается еще ночью, продолжающеюся, смотря по географической широтѣ, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ ¹¹⁴⁾. Уже Олеарій, путешественникъ 1-й половины XVII в., пытался объяснить басню о сѣверныхъ жителяхъ, умирающихъ на зиму, особенностями ихъ жизни, именно тѣмъ, что зимою, во время долго продолжающихся сумерекъ и ночи, они скрываются, будто бы, въ своихъ «низкихъ, на половину скрытыхъ въ землѣ, но сверху округленныхъ и заостренныхъ жилищахъ», которыя заносятся тогда настолько снѣгомъ, вышиною въ ростъ двухъ человѣкъ и болѣе, что нельзя ни войти, ни выйти. Самоѣды сидятъ тогда въ своихъ жилищахъ, освѣщая ихъ рыбьимъ жиромъ, а для сообщенія между собою они продѣлываютъ подъ снѣгомъ ходы отъ одного жилища до другаго ¹¹⁵⁾. Толкованіе это, интересное какъ одна изъ первыхъ попытокъ объяснить реальными фактами баснословное извѣстіе, не можетъ, конечно, считаться удовлетворительнымъ, во-первыхъ потому, что подобное прокапываніе ходовъ подъ снѣгомъ не практикуется (притомъ трудно исполнимо, да и снѣгу за Ураломъ выпадаетъ меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи), а во вторыхъ — оно совершенно не объясняетъ другія подробности разсказа, въ которомъ говорится

¹¹⁴⁾ *Zamyslovskій*, I. c. стр. 420, замѣчаетъ по поводу вышеприведеннаго извѣстія Герберштейна: «можетъ быть, сложившаяся въ эпоху глубокой древности легенда объ умирающихъ на зимніе мѣсяцы людяхъ, обитателяхъ крайняго сѣвера, испытывавшихъ такую же странствованія, какъ и нѣкоторыя другія баснословныя преданія, переносилась съ юга на сѣверъ и на азіатскій востокъ все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ расширялась область міра извѣстнаго». — Олеарій полагалъ, что Самоѣды были извѣстны древнимъ подъ именемъ Гипербореевъ и *Abii Scythae* (Quint. Curtius, lib. 7) — можетъ быть отъ *Abi* или *Obi* (Обь). Все это однако — только сомнительныя догадки.

¹¹⁵⁾ *Olearius*, 1647. S. 188 «Sie (Samojedem) wohnen in kleinen niedrigen und halb in die Erde gebaweten Hütten, welche oben rund und spitz zulauffen, in derer mitten ist ein Loch, als in einem Schorstein hinaus zu heführet, durch welche Sie zur Winterzeit steigen; dann ihre Häuser werden gantz mit Schnee, welcher über 2 Mann und höher fallen sol, bedeckt, daz sonst niemand weder auss, noch ein kan. Sie haben aber unter den Schnee ihre Gänge gemacht, durch welche Sie ein zu dem andern gehen. Weil sie umb dieselbe Zeit fast ein halb Jahr keine Sonne und Tag, sondern continuirliche Nacht haben und ausser den Häusern nicht viel beginnen können, kömpts Ihnen desto erträglicher vor. Sie brennen in Lampen das Fett oder Thran von Fischen, darbey sie sehen, und sich so lange behelfen bis die Sonne sich über die Aequinoctial Linie in die mitternächtige Zeichen erhebt, und sich nach dem Tropico Cancrli machet, so gehet dann die Schnee auch hinweg, daz sie wieder hervor auff's Land kommen, wandeln und gegen den Winter wieder einsamlen können. Hieraus erkennet man nun was jener per errorem von den mitternächtigen Völckern geschrieben hat, daz nemblich unter denselben eine Nation gefunden wurde, welche nach art der Schwalben ein halb Jahr, nemblich zur Winterzeit todt lagen, den Sommer aber wieder auflebeten, und wandelten». — Хотя Олеарій и бесѣдовалъ въ Москвѣ съ двумя Самоѣдами, однако не зналъ, повидмому, что они живутъ въ чумахъ. Между тѣмъ Джонсонъ уже въ 1556 г. писалъ: «Their tents are rounde and are called Chome in their language».

РИС. VII.

ЧАСТЬ КАРТЫ

АНТОНЪ ВИДА (XVI в.).

Виды страны: Кандор, Абдор, Уилки Перин, городъ Сбир и Тумен и Обская губа. Карта ориентирована такъ, что сверху приходится море, а востокъ вверху. Между Обью и р. Двѣк (Анскомъ) плеваныи Калмыцкы хорда и Косары хорда; между Волгой и Анскомъ — хорда Нохай. Въ странѣ Абдори изображена Золотая Баба, съ ребенкомъ на рукахъ, и поклоняющіеся ей туземцы.

о людях засыпающих или умирающих на поверхности земли, «какъ гдѣ котораго застанеть» и которые (по объясненію русскаго космографа XVII в.) «стоятъ яко о дресвахъ». Можно полагать скорѣе, что возникновеніе такого представленія было вызвано видомъ челоѣкообразныхъ идоловъ, которые, по многимъ стариннымъ извѣстіямъ, существовали въ Самоѣдской землѣ.

Первое извѣстіе о такихъ идолахъ мы встрѣчаемъ у польскаго писателя Матвѣя Мѣховскаго (1517), который (въ своемъ сочиненіи о Сарматіяхъ), говоритъ, что за Вятской землей, въ Скиѣи, находится большой идолъ Золотая Баба, въ видѣ старухи, которая, при вопрошаніи ея, издаетъ звуки, и которой поклоняются окрестные народы, принося ей въ жертву мѣха убиваемыхъ ими звѣрей ¹¹⁷⁾. Позже эта же «Золотая Баба» является на картѣ Ант. Вида (Wied; изд. въ 1555, но составленной между 1537 и 1544 гг.), именно въ странѣ Abdori, въ видѣ статуи женщины, съ ребенкомъ на рукахъ, передъ которой изображены молящіеся и приносящіе ей въ жертву звѣринныя шкуры — четыре дикаря ¹¹⁸⁾. Далѣе, ту же «Золотую Бабу» мы находимъ на картѣ Герберштейна (1549), гдѣ она помѣщена около устья Оби и представлена въ видѣ женской фигуры, въ парадномъ (западномъ) костюмѣ того времени, съ копьемъ въ рукѣ, хотя въ текстѣ приводится разсказъ (подвергаемый впрочемъ, сомнѣнію), что эта золотая старуха изображена съ ребенкомъ, и даже съ двумя, однимъ побольше, котораго считаютъ ея сыномъ, и другимъ, младенцемъ, — ея внукомъ ¹¹⁹⁾. Такое изображеніе «Золотой Бабь», съ двумя дѣтьми,

¹¹⁷⁾ *Michow*. Die Altesten Karten von Russland. Hamb. 1884. S. 40 — 41. Здѣсь приведены всѣ извѣстія о Золотой Бабѣ западныхъ писателей. Матвѣй Мѣховскій сообщаетъ о ней такъ: «Accipiat (scil. lector) quod post terram Viathka nuncupatam in Scythiam penetrando, jacet magnum idolum Zlota baba, quod interpretatum sonat, aurea anus seu vetula, quod gentes vicinae colunt et venerant, nec aliquis prolatmo gradiens aut feras agitando et in venatione sectando vacuus et sine oblatione pertransit; quin imo si munus nobile deest, pellem aut saltem de veste extractum pilum in offertorium idolo projicit et inclinando se cum reverentia pertransit».

¹¹⁸⁾ На картѣ Вида Abdori помѣщены къ востоку отъ Печоры и Сосвы, близъ устья Оби. Надъ изображеніемъ статуи съ ребенкомъ стоитъ надпись: «Золотая Баба (русскими буквами), hoc est aurea vetula idolum quod hujus partis incolae adorant». — У П. Лосія (Libellus de legatione Basilii magni etc. 1537) объ этомъ идолѣ не упоминается а говорится только, что «Permii et Pecerri paulo ante aetatem nostram more gentillum Idolis sacrificabant». На картѣ Московіи въ Космографіи Себ. Мюнстера (1544), названіе Abdori также имѣется, къ сѣверу отъ города Sybir, но къ названію этому прибавлено «Abtgöters». Золотой бабы здѣсь однако не показано, а представленъ столбъ, со изображеніемъ какого-то рогатаго животнаго на верху и стоящій передъ этимъ столбомъ на козляныхъ челоѣвѣхъ.

¹¹⁹⁾ *Herberstein*: «Slatā Baba, id est Aurea anus, idolum est, ab Obi ostis, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm. Narrant, seu, ut verius dicam, fabulantur, hoc idolum Auream anum, statuam esse, in formam cujusdam anus, quae filium in gremio tenet; atque ibi jam denuo alterum cerni infantem, quem ejus nepotem esse ajunt. Praeterea instrumenta quaedam ibi posuisse, quae perpetuum sonum in modum tubarum edant. Quod si ita est, equidem ventorum vehementi et perpetuo in ea instru-

отрокомъ и младенцемъ и съ двумя, стоящими передъ ней на колѣнахъ людьми, находится на картѣ Дженкинсона (1562), гдѣ оно помѣщено между «Joughogia» и «Molgomzaia», причеиъ въ надписи къ этому мѣсту пояснено, что баба эта — старуха и почитается Обдорянами и Югричами, которые

Рис. VIII.

Часть карты Герберштейна (над. 1556 г.), съ изображеніемъ Урала (Montes dicti Cingulus Terrae) и рѣки Оби, вытекающей изъ Kithay lacus. Между Ураломъ и Обью, на сѣверѣ, показана Slata Baba, въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамы съ копьемъ въ рукѣ.

обращаются къ ней, чрезъ посредство жреца, за совѣтами, какъ къ оракулу¹²⁰⁾. Болѣе подробныя свѣдѣнія о «Золотой Бабѣ» приведены у Александра Гваньино (1580) и Петра де Эрлзунда (1620). Гваньино

menta flatu fieri ruto.— На картахъ къ различнымъ изданіямъ Комментаріи Герберштейна «Золотая баба» изображена неодинаково: различіе замѣчается въ костюмѣ и головномъ уборѣ, хотя костюмъ этотъ всегда западноевропейскій, и «баба» представляется всегда съ копьемъ. — Изображенія «бабы» нѣтъ только на картѣ, приложенной къ итальянскому переводу Герберштейна и составленной Giacomo Gastaldo, Piomontese, Cosmographo in Venezia, 1550. Карта эта, отличающаяся отъ прочихъ Герберштейновскихъ болѣею полнотою, замѣчательна еще и тѣмъ, что на ней нанесены градусы широты и долготы, чего на другихъ картахъ не имѣется. Facsimile ея привалено Норденшильдомъ (Die Umseglung, II, 162, № 10).

¹²⁰⁾ На картѣ Дженкинсона (у Ортелиа) изображеніе «Золотой бабы» имѣетъ слѣдующую надпись: «Zlata Baba, id est aurea vetula ab Obdorians et Iougorians religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consultit, quid ipsis faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa, certique eventus consequuntur».

рассказываетъ, что баба эта, съ двумя дѣтми, высѣчена изъ камня, что ей поклоняются Обдоряне, Югричи, Вогуличи и другіе сосѣдніе народы, которые приносятъ ей соболыныя и другіе мѣха, а также жертвуютъ отборныхъ оленей, причемъ мажутъ ей кровью лице и другія части тѣла ¹²¹⁾. Петрей сообщаетъ, что «Золотая Баба» имѣла внутри пустоту (ist holl und ausgegabelt), что она стояла на берегу Оби, и что она издавала звукъ, въ родѣ трубнаго, когда жрецы совершали передъ ней моленія, что ей приносили въ жертву черныхъ соболей и кунницъ, а также убивали дикихъ звѣрей и мазали кровью ихъ ея ротъ и глаза. Жрецы спрашивали ея о будущемъ и она давала отвѣты, подобно Дельфійскому оракулу ¹²²⁾. Но уже Флетчеръ признаетъ весь этотъ рассказъ о Золотой бабѣ баснею, хотя замѣчаетъ, что въ Обдоріи, на берегу моря, близъ устья Оби, есть одна скала, которая (при нѣкоторой помощи воображенія) можетъ казаться имѣющею видъ женщины въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ (какъ одна скала у Нордъ-капа форму Фрей). Мѣсто это, — продолжаетъ Флетчеръ, — часто посѣщается Обдорскими Самоѣдами изъ за удобствъ рыбной ловли, причемъ они (по ихъ обычаю) производятъ здѣсь иногда свои колдовства и гаданія — о перекочевкахъ, удачной охотѣ или рыбной ловлѣ и тому подобномъ ¹²³⁾.

О существованіи такихъ священныхъ скалъ у Самоѣдовъ говорятъ и новѣйшіе изслѣдователи; такъ, Иславинъ упоминаетъ о камнѣ *Нъве-хэге* т. е. «мать болвановъ» и *Ню-хэге* — «сынъ-истуканъ», маленький утесъ, оба на Вайгачѣ, — о *Минисель*, возвышеніи у Уральскаго хребта и др. Онъ же записалъ преданіе, что на Вайгачѣ, до пришествія Самоѣдовъ ничего не было, но что вскорѣ потомъ явился на берегу моря утесъ, который все болѣе и болѣе росъ и наконецъ образовался на подобіе человѣка. Пораженные такимъ чудомъ, Самоѣды стали вѣровать въ его содѣйствіе при болѣзняхъ и промыслахъ и приносятъ ему въ жертву оленей. Герберштейнъ, со словъ русскаго посла Гр. Истомы, сообщаетъ о священныхъ утесахъ на бере-

¹²¹⁾ Гваньинъ прибавляетъ еще: «Dicuntur etiam in montibus, vicinis huic Idolo, Cinnitus boatusque quidam audiri, qui perpetuam sonitum, in modum clangoris tubarum edunt. Hoc autem nihil aliud esse existimo, nisi instrumenta quaedam illic antiquitus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, ut ventorum perpetuo flatu, sonum boatumque et clangorem continuum efficiant».

¹²²⁾ P. Petrejus de *Erlésunda*, «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow» L. 1620 p. 87 — 88.

¹²³⁾ «As for the story of Slatá Baba, or the Golden hagge (which I have read in some mappes, and descriptions of these countries, to be an idole after the forme of an olde woman) trat being demanded by the Priest, giueth them certaine Oracles, concerning the successe, and euent of things, I found it to be a very fable. Onely in the prouince of Obdoria vpon the sea side, neare to the mouth of the great riuer Obba, there is a rocke, which naturally (being somewhat helped by imagination), may seeme to beare the shape of a ragged woman, with a child in her armes (as the rocke by the North Cape the shape of a Frier) where the Obdorians Samoites vse much to resort, by reason of the place for fishing; and their sometime (as their manner is) conelue, and practise their sorceries, and ominous coniecturings about the good or bad speede of their iourneies, fishings, huntings, and such like» *Fletcher*, въ *Hacluyt's Collection* I. 533.

гахъ Лапландіи, которымъ проѣзжавшіе

рис. IX.

Самобдскій идолъ на островѣ Вайгачѣ.
Копія съ рисунка Мартиньера,
въ изданіи 1676 г.

мимо нихъ моряки считали обязанностью принести въ которую жертву (щепотку муки и т. п.).— Что касается челоѣкообразныхъ идоловъ, то мы встрѣчаемъ описанія о нихъ у нѣсколькихъ иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка, которые не упоминаютъ, правда, о «Золотой Бабѣ», но говорятъ о многихъ деревянныхъ идолахъ, служившихъ предметомъ поклоненія и лица которыхъ вымазывались кровью ¹²⁴). Самое раннее извѣстіе имѣемъ мы, кажется, въ отчетѣ объ экспедиціи къ устью Оби Ст. Борро, (Burrough) 1556 года. «3-го августа, пишетъ онъ, высадились мы съ Лошекомъ (Loshak, можетъ

быть Ложкинъ, какой-то русскій промышленникъ, встрѣтившійся въ морѣ съ англійскимъ судномъ, и оказавшій содѣйствіе экспедиціи своими указаніями) — на одинъ островъ (повидямому — одинъ изъ небольшихъ остро-

¹²⁴) Въ пользу возможности существованія «Золотой бабы», т. е. идола съ позолоченнымъ лицомъ или съ какими нибудь золотыми украшениями, говоритъ тотъ фактъ, что уже древнія норвежскія саги упоминаютъ о богатствѣ Біармінъ золотомъ и о существованіи тамъ богато украшеннаго идола Юмалы. Позже, у Русскихъ Экамская сторона славилась своимъ серебромъ, которое было, повидямому, не мѣстное, а привозное. Такъ можно заключать, во-первыхъ, по малой культурѣ Приуральскихъ инородцевъ, которые едва ли могли искусно обдѣлывать металлы, а во вторыхъ — по находкамъ въ Приуральскомъ краѣ многихъ серебряныхъ издѣлій (особенно — блюды восточнаго происхожденія и Сассанидской впохи). Эти блюды, вѣроятно, приобригались въ обмѣнъ на цѣнные мѣха и служили для религіозныхъ цѣлей, судя по тому, что еще недавно, въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ особыхъ сараяхъ, посвященныхъ главнымъ богамъ, хранились у Остяковъ десятки пудовъ стараго серебра въ издѣльяхъ, при чемъ запасы эти можно было, въ крайнихъ случаяхъ, пользоваться замобразно. Подобныя серебряныя издѣлія для той же цѣли приобригаются инородцами иногда и теперь отъ Русскихъ. По словамъ Кунелевскаго, «были случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ серебряныя короны и, принося ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали инородцамъ за большія деньги». По его же словамъ, на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь, находится идолъ — Ортникъ; у него челоѣческая голова съ металлическимъ лицомъ. «При живыхъ жертвахъ у идола ставятся маленькія металлическія тарелочки въ 1 1/2 вершка въ діаметрѣ и на эти тарелочки наливаютъ кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено имъ въ жертву». По словамъ Гондатти, тарелочки эти бывають серебряныя и употребляются еще и для другой цѣли, именно ставятся передъ живящимъ, во время призванія ночью шаманомъ «Мірѣ-сусне-хума» (бога завѣдующаго людьми, младшаго сына главнаго бога «Нума торума») для того, чтобы конь этого бога могъ стоять не на голой землѣ или сѣгу. Приобригаются эти тарелочки, болѣею частью также отъ Русскихъ, напр. тарелочки, употребляемыя для просфоръ.

повъ около Вайгача), гдѣ Лошекъ показалъ мнѣ кучу самоѣдскихъ идоловъ, числомъ около 300. Они были самой грубой и плохой работы; у многихъ глаза и ротъ были вымазаны кровью. Они представляли мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и то, что у нихъ было выдѣлаю изъ другихъ частей тѣла, также было вымазано кровью. Нѣкоторые идолы имѣли видъ просто палокъ или кольевъ, съ двумя — тремя нарѣзками на нихъ, сдѣланными ножемъ... Здѣсь валялись также сломанныя саяи и оленья шкура, исклеванная птицами. Передъ нѣкоторыми идолами стояли деревянные обрубки, достигавшіе высоты ихъ рта и всѣ въ крови; я полагаю, что это были жертвенники, на которыхъ приносились жертвы. Я видѣлъ

Samoidarum, trabis a raniferis protractis in identinum;
Некоторые Идолы и въ абъѣдомъ алторумъ effigies

рис. X.

Самоѣда, ѣдущій на оленяхъ мимо священнаго мѣста, уставленнаго деревянными идолами и оленьими рогами. Со старинной голландской гравюры, приведенной въ «Путешествіе Норденшильда,

также приборъ, на которомъ жарили мясо, и, насколько я могъ понять, огонь рвзводился прямо подъ вертеломъ»¹³⁹). Норденшильдъ приводитъ копию съ одной старинной голландской гравюры, изображающей Самоѣда,

¹³⁹) «The navigation and discoverie toward the riuer of Ob, made by Master Steuen Burrough, Master of the Pinnesse called the Serchthrift, with diuers things worth the noting, passed in the yere 1556», въ *Hakluyt's Collection*, I. p. 313: «Munday we weyed and went roome with another Island... and there I met againe with Loshak, and went on shore with him, and hee brought me to a heap of the Samoeds idols, which were in number about 300», the worst and the most vnartificiall worke that euer I saw: the eyes and mouthe of sundrie of them were bloodie, they had the shape of men, women and children, very grosly wrought, and that which they had made for other parts, was also sprinkled with blood. Some of their idols were an olde sticke with two or three notches, made with a knife in it. Before certaine of their idols blocks were made as high as their mouthe, being all bloody. I thought that to be the table wheron they offered their sacrifice» etc. Даше Борро сообщаетъ, что по словамъ Лошека — эти Самоѣды не такъ дики какъ живущіе по Оби.

ѣдущаго въ запряженной оленями нартѣ, мимо десятковъ идоловъ, поставленныхъ на пригоркѣ и представляющихъ грубое подобіе человѣка. Мартиньеръ, путешествовавшій къ сѣвернымъ берегамъ Россіи въ 1647 г., рассказываетъ, что на Новой Землѣ (повидимому — Вайгачѣ) онъ видѣлъ «обрубленные древесные стволы, на которыхъ грубымъ рельефомъ была видѣла на фигура человѣка, и передъ которыми преклонялись дикари». Въ описаніи его путешествія приведено изображеніе такого идола съ двумя молящимися передъ нимъ дикарями, а въ текстѣ прибавлено еще, что, по словамъ Русскихъ, въ идоловъ этихъ входитъ дьяволъ и произноситъ свои предсказанія. ¹²⁶⁾

Изъ русскихъ писателей едвали не наиболѣе раннія извѣстія объ идолахъ Приобскихъ инородцевъ мы находимъ у Новицкаго, составившаго въ 1715 году «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ». Онъ говоритъ, что Остяки обвиваютъ своихъ идоловъ холстомъ, сукномъ, шкурами, отъ чего идолы эти «только сими странными рубицы утолстѣваютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бывають; древа же самага изсѣченнаго не вящше поларшина; весь же разшыренъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повивають». Новицкій самъ видѣлъ многихъ остяцкихъ идоловъ, помогая преосв. Фидовею въ ихъ истребленіи и въ крещеніи инородцевъ. «Такъ, — говоритъ онъ, — обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого; въ средѣ полѣнце отъ пятьдесятъ лѣтъ прикладными обвитое сукнами, а на верху съ жести изваянная личина, мало что бѣше подобіе человѣка». Подобные же идолы, одѣтые въ сукно или «холстины» изъ шелковой матеріи или изъ парчи съ позументомъ, встрѣчаются, по словамъ Кушелевскаго, еще и теперь у Обдорскихъ Самоѣдовъ, а равно мѣстами и у Остяковъ». Разъ, — говоритъ онъ, — случилось мнѣ видѣть у Остяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старыи засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идолы эти годъ отъ года становятся толще. «Въ Шорковыхъ юртахъ, — по словамъ Новицкаго, — бѣ кумиръ изсѣченъ отъ древа на подобіе человѣче, сребренъ, имѣющъ лице: сей дѣйствіемъ сатанинымъ пролагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителѣй и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отцу своихъ зловѣрью и крѣпко противостать проповѣди». Изъ этого извѣстія можно заключить, что у Остяковъ были идолы, которые говорили, въ родѣ того, какъ это передавалось ранѣе о Золотой бабѣ. Близъ Пелыма, читаемъ еще у Новицкаго, «бѣ кумиря, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ деревянныхъ, въ подобіе человѣческое изсѣченныхъ,

¹²⁶⁾ *De la Martinière, Voyage des pays septentrionaux.* 2-e edition. P. 1676, p. 251 — 253. «Nous rencontrâmes sur des butes des arbres coupez, entailliez en forme d'Homme, de sculpture en bosse, fort grossièrement faites, devant une desquelles statués, à environ une lieue nous aperçûmes deux de ces Sauvages à genoux... Dans pareille Idole le Diable se met, rendant les oracles, à ce que nous dit nostre patron (russe)».

обложены рубищами»; передъ ними «особь предъ каждымъ въ сосудехъ берестеныхъ кости положены.»¹²⁷⁾

Остаткіе идолы находились въ кумирняхъ, но у Самоѣдовъ — подобныя же идолы стояли подъ открытымъ небомъ. По словамъ Иславина, кромѣ домашнихъ болавичиковъ, у Самоѣдовъ есть еще одинъ родъ истукановъ, которыхъ они сами отесываютъ изъ какого-нибудь деревяннаго чурбана, на подобіе челоуѣка, и ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ по тундрѣ и въ лѣсахъ и также намазываютъ имъ губы кровью, ихъ они называютъ *сядеи*.... Древнѣйшій и знаменитѣйшій Самоѣдскій идолъ находился на островѣ Вайгачѣ, на большомъ утесѣ, и назывался *Уэсако* (старикъ). Онъ былъ семидлиный (?), деревянный, отесанъ съ трехъ сторонъ, и въ 1827 г. сожженъ миссіонерами и съ нимъ 420 тутъ же находившихся деревянныхъ истукановъ, со множествомъ привѣсокъ, разноцвѣтныхъ сукожныхъ доскутковъ, ушей отъ мѣдныхъ котловъ, пуговицъ и другихъ украшеній. Кромѣ того сокрушено еще было на Вайгачѣ 20 каменныхъ идоловъ.» Верстахъ въ 20 отъ Мезени въ Кузминѣ-передѣлскѣ, миссіонеры сожгли также множество деревянныхъ истукановъ.¹²⁸⁾ У Маньзовъ, по словамъ Гондатти, идолы дѣлаются теперь изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; «идолы общественныя, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихся еще рости.» Нерѣдко идолы эти представляють просто шести, вбитые въ землю и увѣшанные на перху доскутками, шкурками, блестящими бездѣлушками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ; кругомъ валяются кости, остатки трапезы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ и т. д.» «У Самоѣдовъ и Юраковъ, — говоритъ Третьяковъ, — въ прежнія времена дѣлались статуи изъ лиственницы, стоящей на корнѣ; на верхнемъ концѣ вырѣзывалось подобіе челоуѣческаго лица, обращеннаго къ западу. Чаще всего ставили простой коль съ заостреннымъ верхомъ и двумя или тремя зарубками; такія статуи у Юраковъ назывались *сядыи*.»¹²⁹⁾ Можно думать, что такіе и подобныя имъ челоуѣкообразныя идолы, стоявшіе «яко о древоухахъ», или одѣтые

¹²⁷⁾ «Краткое описаніе о народѣ Остякомъ», соч. Гр. Новицкинъ въ 1715 г. изд. Майковъ. Спб. 1884 г. — «Старикъ Обскій, — говоритъ здѣсь, — имѣюще скверное свое храняище на усть Иртыша недалеко Самарова града. Высть же сей по ихъ зловѣрью богъ рыбъ, изображенъ безстуднѣ: дска мѣкая, носъ аки труба жестянны, очеса стеклянны, рога на главѣ малыя, покрыты различными рубищи, свергъ одѣянъ червеною одеждою съ золотомъ грудью. Оружіе — лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная около его бѣху положенна». На Кондѣ, въ Нахречевельхъ юртахъ, быль также кумирь, «исѣченъ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, зоообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на главѣ его лясца черная положена; жилище все, наипаче же сѣдлаище сего украшенно сукномъ червенымъ; поставленъ же высочае прочыныхъ; иные же ниже около предстоятъ меншіи кумиры, ихъ же глаголють быти служителей настоящаго кумира».

¹²⁸⁾ *Иславинъ*, стр. 316 — 319.

¹²⁹⁾ *Третьяковъ*, стр. 225.

въ костюмъ, и могли, особенно зимою, когда они стояли облещенные и покрытые снѣгомъ,—вызвать представленіе, что это замерзшіе люди, чему могли способствовать и невѣрно понятыя рассказы туземцевъ, напримѣръ, что эти идолы—ихъ предки и родичи. Извѣстно, что многія изображенія или даже только грубыя подобія людей, какъ напримѣръ причудливой формы скалы, стоячіе камни или столбы каменной соли (на берегу Мертвого моря), подавали поводъ къ возникновенію разнообразныхъ легендъ, въ которыхъ эти естественные продукты неорганической природы выставались окаменѣлыми людьми. Что же касается до возникновенія извѣстій о дивныхъ народахъ на основаніи слуховъ объ идолахъ, то можно указать на шестирукихъ людей, живущихъ будто бы, въ Индіи, средневѣковое представленіе о которыхъ, очевидно, возникло, на основаніи непонятыхъ разсказовъ объ Индійскихъ многорукихъ и челоуѣкообразныхъ идолахъ.

До сихъ поръ составитель сказанія говорилъ только о странѣ и народахъ въ нижней области Оби, прилегающей къ Ледовитому морю; слѣдующія извѣстія относятся уже къ другимъ областямъ, лежащимъ «верху Оби рѣки великія». Верхъ здѣсь считается, вѣроятно, отъ страны Югровъ, хотя можетъ относиться какъ къ верховьямъ Оби, такъ и Иртыша, о которомъ въ сказаніи не упоминается. Первое извѣстіе объ этихъ областяхъ «въ верху Оби», касается какой-то земли Бандъ (или Байдъ). «Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣки великія, есть земля, Бандъ именуется. Лѣса на ней нѣтъ, а люди какъ и прочіи челоуѣци; живутъ въ земли, а едятъ мясо соболей, а иноу у нихъ никотораго звѣря нѣтъ опрочъ соболю. А носятъ платье все соболей, и рукавицы, и ногавицы, а иноу платья у нихъ нѣтъ, ни товару никотораго. А соболю жъ у нихъ черны вельми и велики; шерсть живаго соболю по земли ся волочить.» Въ спискѣ Синодальной Библиотеки положеніе этой страны поясняется еще такъ: «въ верху Оби рѣки великія, поперекъ ея ѣхати деями лѣтннн, что слѣдуетъ понимать, повидимому, такъ, что попасть туда можно было только лѣтомъ, плывя вверхъ по теченію ¹³⁰⁾. Люди, описываемые въ этомъ извѣстіи, ничѣмъ, повидимому, отъ прочихъ людей не отличаются, кромѣ того, что носятъ платье изъ однихъ соболей, ѣдятъ соболиное мясо и живутъ въ землѣ, т. е. въ землянкахъ. Страна эта, слѣдовательно, богата соболями, которые отличаются здѣсь особенною добротоу мѣха, пушистаго и чернаго. Такому богатству соболями противорѣчить однако извѣстіе, что въ странѣ нѣтъ лѣса: соболю, какъ извѣстно, звѣрь лѣсной и кормится бѣлкой и другими лѣсными животными. Очевидно, отсутствіе лѣса надо понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы тамъ лѣса совсѣмъ не было, а, вѣроятно, такъ, что лѣсъ этотъ отличался отъ сѣверной сплошной тайги, былъ смѣшаннымъ изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ и росъ въ горахъ. (Или составитель статьи смѣшалъ

---

¹³⁰⁾ Рѣка Оби притядалась прежде громадная ширрина. Въ Космографіи («Изборникъ» А. Попова, стр. 528) говорится, что «Обь— великая рѣка, еже шпрота отъ берегу до берегу шездесять версть, а иніе н болши».

извѣстіе о находящихся къ югу отъ Югры степяхъ съ извѣстіемъ о еще болѣе южной странѣ Байдѣ). На горы указываетъ, повидимому, и особенная доброта (чернота) водящихся тамъ соболей, такъ какъ извѣстно, что лучшіе сибирскіе соболи добываются въ горныхъ мѣстахъ, теперь въ Олекмо-Витимскомъ краѣ, а ранѣе—и въ Алтаѣ и Уралѣ¹²¹⁾. Необыкновенная же длина соболинаго мѣха, волочащагося по землѣ, была, вѣроятно, преувеличеніемъ, которое могло явиться изъ стремленія отгнѣнить сильнѣе добротность соболя въ описываемой землѣ. Но гдѣ именно находилась эта земля и къ какой части бассейна р. Оби она должна быть приурочена? Единственной опорой въ данномъ случаѣ можетъ служить названіе страны: Байдѣ. Это названіе (Baïda) встрѣчается на многихъ старинныхъ картахъ XVI и XVII вв., какъ какой-то страны за Обью, на востокѣ. На картѣ Дженкинсона въ атласѣ Ортелиа, 1573 г., именовъ Банда означена страна (народъ), сосѣдняя съ Malgotmsai и лежащая за ними (къ востоку); далѣе за нею показаны Colmask. На картѣ Меркатора 1587 г. Baïda помѣщена за рѣкою Tachnin, на берегу моря, передъ меридіональной цѣпью горъ, за которыми означены «Colmak», то-же у самаго Ледовитаго моря. Въ Geographia Blaviana (1663 г.) Baïda занимаетъ то же положеніе, но нѣсколько южнѣе Molgotmsaia, хотя все-таки выше полярнаго круга; Colmak помѣщены по прежнему, за меридіональною цѣпью горъ, но еще южнѣе и уже ниже полярнаго круга. Наконецъ, въ атласѣ Сансона, 1683 г., названіемъ Baïda отмѣнены горы, идущія въ меридіональномъ направленіи къ востоку отъ страны Malgotmsaia, за Енисеемъ и Пясиной, и именно сѣверная часть этихъ горъ, выше полярнаго круга. Эта меридіональная горная цѣпь соотвѣтствуетъ, очевидно, Имаусу Птолемея, т. е. той меридіональной системѣ горъ, каковая, по представленіямъ Птолемея и другихъ географовъ, до самаго XVIII вѣка, дѣлила азиатскую Скнію (сѣверную Азію) на двѣ части, западную и восточную,—по сѣ и по ю сторону Имауса. Всѣ эти указанія однако, по ихъ разнорѣчію и неопредѣленности, не могутъ уяснить намъ точнѣе мѣстоположеніе описываемой страны. Видно только, что названіе Байдѣ (Банда, Baïda) пользовалось извѣстностью въ XVI—XVII вѣкахъ и что оно помѣщалось гдѣ-то на востокѣ, передъ Калмыками и соединялось съ горами. Замѣтимъ еще, что въ списокѣ собранія Унковскаго вмѣсто «Байдѣ» стоитъ «Бадъ», а въ Строевскомъ—«Саидъ», но это, повидимому, описки, такъ какъ во всѣхъ прочихъ, и особенно въ двухъ древнихъ, Новгородскихъ спискахъ читается явственно: «Байдѣ». Нельзя-ли предположить, что это—названіе Тюркскаго или Монгольскаго племени? *Байдалы*—имя предковъ Киргизъ, *Байдаuletъ*; *Беде*—по Sanang Setsen—древнее названіе Монголовъ; *Баиты*—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные Монголы (Дюрбуты, *Баиты*, Уранга (Урхайяцы) и Торгоуты). Въ настоящее время Баиты (по Потанину) граничатъ съ Соитами (Сойотами)

¹²¹⁾ Герберштейнъ, говоря о «Земномъ поясѣ» (Уралѣ), замѣчаетъ, между прочимъ: «тамъ растутъ также кедры, около которыхъ водятся самыя черныя соболя».

въ Прикобдинскомъ Алтаѣ и по хребту Ханъ-Хухей. Но Потанинъ приводитъ свѣдѣніе, что ранѣе Монголы, двигаясь вдоль южной подошвы монгольскаго Алтая, дошли до р. Урунгу, затѣмъ до озера Балхаша и до рѣки Тагаса, а отсюда стали подвигаться на сѣверъ, въ степную долину Чернаго Иртыша и до озера Зайсана, наконецъ перешли «щекы» (Колбинскій хребетъ) и распространились въ долину нижняго Иртыша, гдѣ въ XVII стол. спустились до озера Ямышъ и даже ниже. Урлпхайцы въ XVII в. также появились въ нашихъ предѣлахъ у Усть-Каменогорска, спускаясь съ лѣтвовокъ въ вершинахъ Бухтармы, а Буряты доходили по Енисею до Красноярска. Всѣ эти движенія относятся, правда, преимущественно къ XVII вѣку, но весьма вѣроятно, что подобныя же движенія тюркскихъ племенъ происходили и ранѣе, подобно тому, какъ это было, въ громаднѣхъ размѣрахъ, въ XIII в.

Фишеръ («Сибирская Исторія», стр. 207—208) приводитъ извѣстіе, что въ началѣ XVII вѣка, между Обью и Иртышемъ жили Теленгиты, часть Киргизъ, орда князя Биняя (часть Калмыковъ) и Чаты. Калмыки показаны уже на картѣ Вида (первой половины XVI в.), гдѣ-то между Обью (которая представлена очень короткою) и Каспійскимъ моремъ. Дженкинсонъ упоминаетъ о Калмыкахъ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Бухару, какъ о живущихъ близъ Каспійскаго моря по р. Уетъ (Эмбѣ). Слѣдуетъ замѣтить еще, что многія родовыя названія Монголовъ встрѣчаются у Тюрковъ и наоборотъ, и что нѣкоторые изъ этихъ разныхъ названій являються въ другихъ случаяхъ — племенными. Такъ въ числѣ родовъ Алтайскихъ Калмыковъ (Монголовъ по типу и называющихъ себя *Kalmak* или *Oigot*, но говорящихъ по тюркски, съ примѣсью многихъ монгольскихъ словъ) встрѣчаются роды: *Sart*, *Kyrgus*, *Mongul*, *Sojong* и др., названія которыхъ мы находимъ и у цѣлыхъ племенъ или народностей, — *Сартовъ*, *Киргизовъ*, *Сойотовъ* и т. д. Возможно поэтому, что и названіе «Банты» принадлежало не однимъ только современнымъ Бантамъ Прикобдинскаго Алтая, но и какому-либо другому тюрко-монгольскому роду или племени, жившему въ XV—XVI вв. въ верхнемъ теченіи Оби ¹²²⁾. Что касается до того, почему страна Бандъ, помѣщаемая разбираемою нами статьею сверху Оби, является на иностранныхъ картахъ XVI—XVII вв., въ формѣ *Baida*, гораздо сѣвернѣе и къ востоку отъ Оби, за Молгонзѣями, — объ этомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать догадку нѣсколько далѣе ¹²³⁾.

¹²²⁾ «Бай» входитъ въ названіе многихъ тюркскихъ родовъ; *Bai-Sojat*, *Baigata*, *Bai-ulu*, *Bai-bakty* и др. См. *Radloff*, *Ethnogr. Uebersicht der Türkstämme Sibiriens*. L. 1883.

¹²³⁾ Въ XVI—XVII вв. между Обью и Иртышемъ жили между прочимъ Теленгиты или Телеуты (Кара-калмыки). Въ XVII в. они были оттѣснены Русскими къ Телецкому озеру. Главное занятіе ихъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ составляетъ охота за пушнымъ звѣремъ, хотя они занимаются и земледѣліемъ; точно также они и теперь еще держатся шаманства. См. «Геогр.-Стат. Словарь Росс. Имперіи», V, стр. 88.

Слѣдующее извѣстіе относится къ людямъ «безъ главъ», живущимъ, очевидно, также въ верхнемъ теченіи Оби. «Въ той же странѣ — היא самоѣдь: по обычаю челоѣвци, но безъ главъ, рты у нихъ межн плечми, а очи въ грудехъ. А ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти и они головы оленіи взметываютъ себѣ въ ротъ на плечи, и на другій день кости измещуть изъ себя тудажъ, а не говорятъ. А стрѣла же ихъ трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладаетъ въ трубку ту, да бьетъ молотомъ въ стрѣлку. А товару у нихъ ни котораго нѣтъ.» Описываются, слѣдовательно, люди, лишенные головы, съ лицомъ на груди, соотвѣтствующіе древнимъ Блемміямъ или Лемніямъ, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ и Плиній, а со словъ ихъ и многіе другіе писатели. Обыкновенно эти безголовые народы помѣщались въ тропической Африкѣ; Страбонъ полагалъ ихъ за Египтомъ, между Ниломъ и Краснымъ моремъ, рядомъ съ Нубійцами; Плиній — въ тѣхъ же областяхъ, причеиъ онъ различалъ собственно Блемміевъ съ ртомъ и глазами на груди (*Blemmyis traduntur capita abesse, ore et oculis pectore affixis*) и другой народъ, позади Троглодитовъ, далѣе къ западу, у котораго нѣтъ шей и глаза находятся на плечахъ (*quosdam sine cervice oculos in humeris habentes*). Тѣ же два баснословныхъ народа упоминаются позже Солиномъ и Исидоромъ Севильскимъ, тогда какъ Авлъ Геллій, Помпоній Мела и св. Августинъ говорятъ только объ одномъ которомъ либо изъ этихъ народовъ ¹²⁴⁾.

О Блемміяхъ, какъ о народѣ, жившемъ по Нилу, упоминаетъ и Аммианъ Марцеллинъ, а также Вопискъ, по словамъ котораго императоръ Пробъ привелъ нѣсколько ихъ плѣнниками въ Римъ, гдѣ ихъ странный видъ возбудилъ большое удивленіе. Очевидно, что это былъ какой-то дикій народъ въ Нубіи, и Катрмеръ (*Quatremère*), собравшій всѣ извѣстія о немъ у европейскихъ и арабскихъ писателей, отождествляетъ его съ предками нынѣшняго нубійскаго кочеваго племени Беджа ¹²⁵⁾. Въ средніе вѣка, однако, область безголовыхъ людей переносится въ Азію (Индію); люди съ глазами и ртомъ на груди упоминаются въ Александріи, въ числѣ чудовищъ, которыхъ побѣдилъ Александръ Македонскій, и въ числѣ дивныхъ людей, подвластныхъ пресвитеру Іоанну. Впрочемъ, африканскіе ихъ родичи тоже не забываются: въ средневѣковомъ трактатѣ «*De Monstris et*

¹²⁴⁾ *Strab. Geogr. L. XVII, c. 1. Plinius. His. Nat. L. V. c. VIII и L. VII, c. II. Aulus-Gellius, Noct. att. L. IX, c. IV: «quosdam etiam esse nullis cervicibus, oculis in humeris habentes; Solinus, Polyhyst. c. LII: «Sunt qui cervicibus carent, et in humeris habent oculos»; Id. c. XXXI; «Blemmyas credunt truncos nasci, parte qua caput est, os tamen et oculos habent in pectore». У Исидора Севильскаго, *Origin. L. XI, c. III, читаемъ: «Lemnias in Lybia credunt truncos sine capite nasci, et os et oculos habere in pectore alios sine cervicibus gigni, oculos habentes in humeris». Сн. Августинъ, *De Civitate Dei; L. XVI, c. VIII: «Quosdam sine cervice, oculos habentes in humeris». Pomponius Mela, De Situ orbis: «Blemmyis capita absunt; vultus in pectore est».***

¹²⁵⁾ См. *Berger de Xivrey, Traditions tératologiques. P. 1836. p. 109; также ч. II, главы XXI и XXX.*

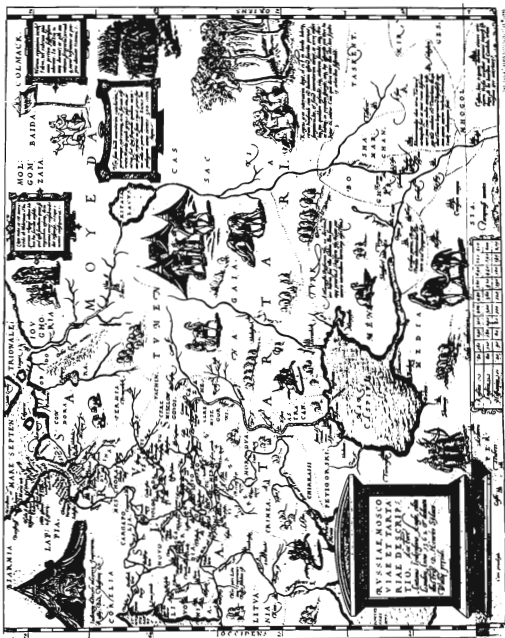
Belluis», Асерһали помѣщаются на островѣ рѣки Бриксона, въ которой Валькенеръ и другіе комментаторы видѣли одну изъ рѣкъ Абиссинія, Маревъ или Такацъ, образующую большую луку (островъ), поросшую тропическимъ лѣсомъ. Въ «Луцидаріѣ» — безголовые снова переводятся въ Индію; въ русскомъ переводѣ Луцидарія читаемъ: «Тамо-же (во Индѣи) есть люди сотворени утворію (?), не имѣють главъ у себе, имъ же стоятъ очи въ плечахъ, и вмѣсто усть и носа имѣють двѣ дыры на персѣхъ»¹²⁶). Подобное же извѣстіе встрѣчается и въ «Buch der Natur» Кнрада фонъ-Мегенберга, XV вѣка, съ тѣмъ только различіемъ, что этимъ безголовымъ приписывается еще густой жесткій мѣхъ, какъ звѣрямъ, а также и въ позднѣйшихъ космографіяхъ, въ путешествіи Мандевилля и др. На миниатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей и на политипажкахъ многихъ печатныхъ книгъ (Луцидаріусовъ, Космографій и др.) можно видѣть изображенія такихъ безголовыхъ людей; въ западныхъ рукописяхъ они представлены, обыкновенно, нагими, безъ головъ и шей, съ носомъ (довольно большимъ), ртомъ и глазами на груди, тогда какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ — они изображаются какъ бы съ отрубленною головою, но съ шейю, со ртомъ на груди и съ глазами на плечахъ или даже на локтяхъ¹²⁷). Всѣ эти извѣстія относятся однако къ безголовымъ людямъ тропическихъ странъ, между тѣмъ наше сказаніе помѣщаетъ ихъ на сѣверѣ, въ верхнемъ теченіи Оби. Здѣсь же, на Оби, хотя повидному выше, къ сѣверу, помѣщались этия люди и тотъ русский дорожникъ, изъ котораго приводитъ нѣкоторыя свѣденія Герберштейнъ, и въ которомъ, рядомъ съ людьми, не имѣющими ногъ, а только длинныя руки, или — съ собачьими головами, упоминаются и такіе, у которыхъ «совершенно нѣтъ шей и на мѣстѣ головы — грудь»

¹²⁶ См. Луцидаріусъ, ч. I изд. Тихонравова, стр. 48, въ «Лѣтописяхъ русской литературы» 1859. I. Въ рукописи Луцидаріуса, имѣющейся у Е. В. Барсова, безголовые упоминаются, какъ шестой родъ дивныхъ людей въ Индіи: «Шестой родъ: Тамо есть люди безгавія, имъ же очи на плечахъ и вместо оустъ и носа имѣють на в(п)ерсѣхъ два дыра».

¹²⁷ «Das Buch der Natur» von K. von Megenberg. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache, (1475 — 1499) her. v. Dr. Pfeiffer. St. 1861. S. 490. «Auch sint laut an haupt, die habent ir augen an den ahseln und habent für munt und für nasen zwai löcher an der prust und sint über al rauch mit hertem hâr, sam diu wilden tier». Безголовые люди изображены въ нѣкоторыхъ лицевыхъ Александріяхъ, въ рукописныхъ Луцидаріяхъ, въ Livre de Merveilles, въ рукописномъ путешествіи Мандевилля и др., а изъ книгъ — въ «Elucidarius, von allerhandt Geschöpfen» etc. Fr. 1602, и въ Космографіи Себ. Мюнстера. Въ XVI — XVII вв. путешественники находили безголовыхъ народовъ въ Южной Америкѣ. У Шекепира, Отелло упоминаетъ о такихъ чудовищахъ, рядомъ съ антропофагами:

The Anthropophagi, and men whose heads
Do grow beneath their shoulders.

Въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности я видѣлъ рукопись (Кн. Вяземскаго, № 188), въ которой описаны, между прочимъ, разные дивные люди, въ томъ числѣ и такіе, которые «безъ главъ а на грудяхъ зубы, а на локтѣхъ очи». При этомъ приложено соответственное изображеніе такихъ людей съ губами на груди и съ глазами на локтяхъ.

Повидимому, эти безголовые не имѣютъ ничего общаго съ древними Блем-
міями и имъ подобными, а представляють самобытнѣй продуктъ фантазіи

рис. XI.

Часть карты Московіи и Тартаріи изъ атласа Самсона 1683 г. При устьѣ Оби, по берегу
Ледовитаго Океана, видно наваніе *Molgotzia*, за Емисемъ и Писидой — горы (страна)
Balda, а за ними, къ юго-востоку — *Colmack*.

русскихъ людей, основанный на преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ
разсказахъ. Замѣтимъ прежде всего, что какъ ранѣе всѣ извѣстія сказанія
относились къ Самоѣдскимъ племенамъ въ нижнемъ теченіи Оби, такъ
теперь они имѣютъ, повидимому, въ виду — племена, жившія къ югу отъ
Югры въ верхнемъ теченіи Оби. Изъ этихъ племенъ, упомянутое выше
племя (страну) Байдъ мы признали тюркскимъ или монгольскимъ; вѣроятно,
что и рассматриваемое теперь слѣдуетъ приурочить къ той же группѣ. Но
какимъ образомъ племя это могло быть охарактеризовано, какъ лишенное

головъ и съ лицомъ на груди? Олеарій думалъ найти объясненіе тому въ костюмѣ и въ способѣ его ношенія; въ описаніи его путешествія прило-

рис. XII.

Копія съ рисунка Олеарія, изображающаго Самоѣдовъ, и, между прочимъ, одного, съ наброшенной на голову одеждою, для объясненія того, какъ могло возникнуть представленіе о людяхъ съ лицомъ на груди.

женъ даже рисунокъ, на которомъ изображена «самоѣдъ» съ наброшенной на голову одеждою, такъ что лицо приходится какъ бы на груди ¹²⁸⁾. Тайлоръ указалъ на другіе поводы, которые могли вызвать появленіе мифа о безголовыхъ; онъ приводитъ, между прочимъ, метафорическое выраженіе одного Туркмена: «мы народъ безъ головы», которое, будучи понято въ прямомъ смыслѣ, могло бы, въ древнее время, переходя изъ устъ въ уста, вызвать представленіе о дѣйствительной безголовости. Возможно однако, что представленіе о людяхъ, имѣющихъ лице на груди, съ дырами вмѣсто рта и носа, въ приложеніи къ народамъ внутренней Азіи, явилось какъ крайнее преувеличеніе особенностей монгольскаго типа. Припомнимъ, въ какихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ былъ охарактеризованъ типъ Тунновъ, напримѣръ — Амміаномъ Марцеллиномъ: «коренастые, безъ шен, съ большой головой, съ плоскимъ, еле обозначеннымъ лицомъ, они напоминали грубыя статуи, поставляемыя на мостахъ». Веніаминъ Тудельскій, въ XII в., называетъ Монголовъ «безносыми»; у нихъ, говоритъ онъ, нѣтъ носовъ, и они дышатъ двумя маленькими отверстіями. Возможно, что отчасти и костюмъ содѣйствовалъ такому представленію. У Туркменовъ или тибетскаго племени Далда—женщины, напримѣръ, носятъ такой коллоссальный, четырехугольный (въ ширину плечъ) головной уборъ, что лицо кажется какъ бы помѣщеннымъ на груди ¹²⁹⁾. Наконецъ, возможно, что указанное представленіе было вызвано еще непонятными разсказами о лицахъ на груди, но не настоящимъ лицѣмъ, а нарисованномъ. На рисункахъ нѣ-

¹²⁸⁾ *Ad. Olearius*, изд. 1647 г., стр. 189. «Samojeden... Bissveilen, wenn es kalt, ziehen sie die rauchen Röcke über den Kopf und lassen die Ärmel leer bey hangen; welches deneu so es nicht gewohnt, sehr seltsam anzusehen ist. Solcher Anblick kan vielleicht Ursache gegeben haben, dass etliche geschrieben. Es wurden Menschen gefunden, welche keine Körper sondern das Angesichte auff der Brust hatten».

¹²⁹⁾ *Пржевальскій*. Третье путешествіе. Рисунокъ подобнаго же головнаго убора Туркменокъ, см. у *Reclus*, *Geographie universelle*. T. VI. Asie russe. P. 437. Ср. еще старинное изображеніе Самоѣдовъ, приведенное у насъ въ копіи на рис. 5.

которыхъ сибирскихъ инородцевъ можно видѣть костюмъ мѣхомъ внутри, на грудной части котораго изображенъ кругъ или колесо, или даже грубое изображеніе человѣческаго лица. Если такой костюмъ былъ характернымъ преимущественно для извѣстнаго племени, то онъ могъ вызвать соотвѣтственное прозвище послѣдняго, въ родѣ «съ лицомъ на груди», а этого было достаточно, чтобы путемъ перевода на русскій языкъ сложилось представленіе о дѣйствительно безголовомъ народѣ.

О мѣстѣ жительства этого народа мы можемъ только дѣлать догадки. Въ описаніи его говорится, что «ядь ихъ головы оленіи», но далѣе замѣчается, что «товару у нихъ некотораго нѣтъ». Такъ какъ оленинъ шкуры и пыжи ранѣе считались товаромъ, то, слѣдовательно, у даннаго народа не было оленей; но этому противорѣчитъ указаніе, что олени доставляли ему пищу. Повидимому, надо понимать такъ, что сѣвернаго домашняго оленя, шкуры котораго составляли предметъ торговли, у нихъ не было, а водился какой-то другой, дикій олень, доставлявшій мясо. Дѣйствительно, въ Южной Сибири, въ Алтаѣ, водится такъ-назыв. маралъ, разновидность благороднаго оленя, мясо котораго идетъ въ пищу, но шкура не имѣетъ цѣнности; повидимому, рѣчь и идетъ именно объ этомъ оленѣ. Любопытно, что упоминается только объ оленьихъ головахъ, а не вообще о мясѣ оленя. У современныхъ мараловъ голова, дѣйствительно, представляетъ самую цѣнную часть тѣла, именно находящіяся на ней рога, которые, въ свѣжемъ состояніи, т. е. покрытые еще кожей, идутъ въ большомъ числѣ и за дорогую цѣну въ Китай, гдѣ употребляются на лѣкарство. Для торговли этимъ продуктомъ русскіе крестьяне въ Алтаѣ занимаются теперь даже искусственнымъ разведеніемъ мараловъ, такъ какъ промыселъ этотъ приноситъ большія выгоды. Въ прежнее же время пользовались исключительно дикими оленями, и, по всей вѣроятности, промыселъ этотъ старинный; извѣстно, что Китайцы весьма консервативны и медицина ихъ руководствуется методами и средствами, бывшими въ ходу еще за много вѣковъ тому назадъ. Но въ приведенномъ извѣстіи едва-ли еще можно видѣть хотя бы смутный намекъ на этотъ промыселъ; скорѣе можно предполагать какой нибудь обычай «взметыванія» на голову оленьей головы или оленьихъ роговъ. У Третьякова приведено одно самоѣдское преданіе, какъ во время празднованія такъ называемаго «чистаго чума» появился злой духъ, въ образѣ человѣка, но съ оленьими рогами на головѣ, результатомъ чего была смерть половины рода отъ какой-то повальной болѣзни. Ношеніе на головѣ оленьихъ роговъ практиковалось тунгузскими шаманами; они надѣвали во время камланья оловянную или желѣзную шапку съ прикрѣпленными къ ней рогами. При лѣченіи больныхъ, шаманы, по описанію Третьякова, обыкновенно убиваютъ оленя, выковыриваютъ и проглатываютъ его глаза, отдаютъ мясо его на съѣденіе, а голову вѣшаютъ около больного, причемъ всовываютъ послѣднему въ ротъ кончикъ отрѣзаннаго оленьяго языка ¹⁴⁰⁾. У Витзена, въ его сочиненіи о Татаріи приведенъ

¹⁴⁰⁾ Третьяковъ, стр. 218 — 219.

рисунок тунгузскаго шамана съ двумя оленьими рогами на головѣ¹⁴¹⁾.

рис. XIII.

Тунгузскій шаманъ, съ оленьими рогами на головѣ.
Копія съ рисунка Витзена, 1705 г.

народъ можетъ быть Алтайскими Калмыками, которые имѣютъ монгольскія черты лица, охотятся за маралами и живутъ крайне нечистоплотно, такъ что, по словамъ Радлова, возбуждаютъ отвращеніе даже въ Киргизахъ, которые и сами далеко не могутъ похвалиться опрятностью.

Что подъ описываемою странною слѣдуетъ разумѣть, по всей вѣроятности, Алтай, явствуетъ и изъ дальнѣйшаго извѣстія, что люди эти имѣютъ для стрѣльбы желѣзныя трубки. Въ настоящее время, и повидимому—уже съ довольно давнихъ поръ, алтайскіе инородцы пользуютя китайскими ружьями, къ которымъ они такъ привыкли, что даже попадающія къ нимъ русскія (кремневыя) ружья передѣлываютъ обыкновенно на китайскій ладъ. Сомнительно однако, чтобы рассказъ о желѣзныхъ трубкахъ относился къ ружьямъ, такъ какъ далѣе говорится о стрѣлкахъ и о выбиваиин ихъ изъ трубки молоткомъ. По всей вѣроятности, это была дѣйствительно трубка, подобная которымъ, только деревянныя, употребляются еще и теперь въ Алтаѣ, даже Русскими, въ качествѣ дѣтской игрушки. Профессоръ А. С. Павловъ, уроженецъ Алтая, говорилъ мнѣ, что онъ самъ въ дѣтствѣ пользовался такою трубкою, изъ которой пускалъ стрѣлы помощью удара молоткомъ. Но то, что нынѣ составляетъ дѣтскую игрушку, могло въ прежнія времена быть оружіемъ взрослыхъ. Извѣстно, что такую же метамор-

¹⁴¹⁾ Witsen, Noord and Oost Tartarye. 1705. Таблица къ стр. 663. Подъ рисункомъ подпись: «Een schaman of te Duyvel-priester in't Tungoesen lant.» Въ текстѣ мы приводимъ копію этого рисунка.

фозу претерпѣлъ лукъ, послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія. Упомянутое, что трубка была желѣзная, доказываетъ, что кузнечное дѣло было въ то время уже развито въ Алтаѣ. Но мы знаемъ, что въ этой области оно, дѣйствительно, развилось рано, и память о томъ сохранилась въ названіяхъ города Кузнецка и Кузнецкихъ Татаръ, названіяхъ, которыя были даны Русскими при первомъ проникновеніи въ страну. Многочисленныя металлическія издѣлія (мѣдныя и желѣзныя), находимыя въ алтайскихъ курганахъ, служатъ тому также подтвержденіемъ, равно какъ и слѣды древней разработки мѣдныхъ копей. Развитие металлическаго дѣла въ Сибири Радловъ приписывалъ ранѣе Уграмъ, а теперь приурочиваетъ къ Енисейскимъ Остякамъ; во всякомъ случаѣ, полагаетъ онъ, это едва ли были Тюрки, которые вообще не отличаются металлическою промышленностью, а если нѣкоторыя племена Татаръ и прославились ею впоследствии, то лишь усвоивъ себѣ нужныя знанія отъ другихъ народовъ.

Если допустить, что люди безъ главъ жили въ Алтаѣ, за стравой Байдъ, и соотвѣтствовали Алтайскимъ Калмыкамъ, то является возможность объяснить, до нѣкоторой степени, подробности разбираемаго нами извѣстія о людяхъ, жившихъ вверху Оби, и согласовать ихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, съ показаніями иностранныхъ картъ XVI — XVII вв. На картѣ Дженкинсона, между «Baida» и «Colmask» изображено развернутое знамя или хоругвь, и передъ нимъ на колѣняхъ два человека. Справа отъ этого знамени, подъ «Colmask» сдѣлана латинская надпись, въ которой сказано, что «этихъ странъ жители поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, что они живутъ въ шалашахъ и питаются мясомъ всякихъ звѣрей и гадовъ ¹⁴⁷⁾». Ниже (южнѣе) Colmask — показана воинственная орда пастушескаго яврода, «вышедшая лѣтъ 300 тому назадъ», т. е. въ половинѣ XIII в., изъ горъ (т. е. Монголы), а еще ниже «Cassacki» и «Kirgessi», яко бы вѣшающіе на деревьяхъ своихъ умершихъ ¹⁴⁸⁾. Всѣ эти народы помѣщены по ту сторону рѣки «Sur», въ которую впадаетъ «Атовъ» и которая, въ свою очередь, вливается въ Китаи Іасус, откуда вытекаетъ Обь. По сю же сторону этой рѣки, между нею и Яикомъ, помѣщены кочевья Ногайцевъ — съ верблюдами. Такимъ образомъ, Дженкинсонъ, не знавшій объ Аральскомъ морѣ и изображившій Каспійское море вытянутымъ, чрезъ посредство длиннаго рукава, далеко на востокъ, гдѣ въ него впадаетъ р. Ougus, смѣшалъ бассейны

¹⁴⁷⁾ Въ *Geographia Blaviana* («Asia, quae est Geographiae Blavianae pars quinta libri duo, volumen decimum» Amst. J. Blaeu. MDCLXII) — въ объясненіи къ картѣ «Tartaria sive Magni Chami Imperium», только что указанная подробность приписывается «Байдамъ» и «Молгомзамъ»: «In Scythia intra Imaum Mcreti ac Samoiedi quod latine dicas semetipsos devorantes, aliique eodem tractu, Molgomsai, Badaique, utriusque Solem, vel rubrum pannum in sublimi elatum, venerantes».

¹⁴⁸⁾ Нѣкоторыя сибирскіе народцы имѣли обычай помѣщать своихъ умершихъ на возвышенный, поставленный на столбахъ, помостъ или клали ихъ въ развѣтки деревьевъ. Слыхъ объ этомъ обычай и былъ вѣроятно поводомъ къ предположенію, что «Kirgessi» вѣшаютъ своихъ умершихъ на деревьяхъ за него.

Каспійскаго моря (съ рѣками Аму-и Сыръ-Дарьєю) съ бассейномъ Ледовитаго Океана (Обью) и пришелъ къ совершенно невѣрному представленію. Тѣмъ не менѣе, его «Colmask» соотвѣтствуютъ, по всей вѣроятности, Алтайскимъ Калмыкамъ. Въ пользу этого говоритъ какъ самое названіе народа, такъ и то, что эти «Colmask» помѣщены надъ мѣстомъ выхода изъ горъ монгольскихъ ордъ XIII в., а равно и та подробность, что они поклоняются какому-то красному знамени. Это знамя невольнo напоминаетъ «обдъ» алтайскихъ инородцевъ, — священныя мѣста на горахъ, гдѣ ставятся на шестахъ развѣвующіеся красныя и другіе лоскутки. Близость (на картахъ) имець «Colmask» и «Baida» — указываетъ, повидимому, что народы эти сосѣднили между собою и что «Baida» жила также въ горахъ или предгорьяхъ; и дѣйствительно, на картѣ Сансона — имя это приурочено къ горамъ. Но какимъ образомъ «Байды», о которыхъ въ Новгородскомъ сказаніи говорится, что они жили вверху Оби, оказываются на картахъ къ востоку отъ Оби, за *Molgotzaia*? Для объясненія этого необходимо принять въ соображеніе, что карта Ортелиа (Дженкинсона) служила точной опоры для многихъ позднѣйшихъ географовъ XVI — XVII вв., а самъ Дженкинсонъ пользовался, повидимому, отчасти, свѣдѣніями разбираемой нами статьи. Возможно, что онъ взялъ отсюда и названіе «Байды» (*Baida*), только поставилъ его невѣрно (не принявъ во вниманіе, что въ русской статьѣ страна Байды — помѣщается *вверху* Оби ¹⁴⁴). Съ другой стороны и самъ Дженкинсонъ и позднѣйшіе географы считали своею обязанностью пользоваться и другими источниками, Герберштейномъ, Видомъ, и древнимъ Птолемеемъ, который сохранялъ свой авторитетъ до конца XVI вѣка и даже позже ¹⁴⁵). Видъ же помѣстилъ «*Kalmusky*» такъ, что они приходятся къ востоку отъ Оби и въ то же время между Обью и р. *Deik* (Якомъ), а Птолемей принималъ въ сѣверной Азій, въ азиатской Скиіи — существованіе меридіональнаго хребта, Имауса, который дѣлилъ всю Скиію на двѣ части и соединялся на югѣ съ другимъ хребтомъ, Паропамизомъ, Имаусомъ, Гемодомъ, шедшимъ съ запада на востокъ и ограничивавшемъ съ сѣвера Индію. Если «*Colmask*» и «*Baida*» жили гдѣ-то за «*Molgotzaia*» и близъ горъ, изъ которыхъ вышли орды XIII в., то весьма естественно было отождествить эти горы съ меридіональнымъ Имаусомъ Птолемея, что и было сдѣлано Меркаторомъ и Сансономъ. Но Калмыки въ XVI — XVII вв. стали извѣстны много южнѣе и по близости Каспійскаго моря, поэтому на позднѣйшихъ картахъ они и переносятся сюда, а «*Baida*» остаются на прежнемъ мѣстѣ.

¹⁴⁴) Впрочемъ, на картѣ Дженкинсона Обь показана текущею съ юго-востока, изъ *Kitaiia lacus* (Телецкаго озера), и *Baida* оказываются ближе къ этому озеру, чѣмъ къ устью Оби.

¹⁴⁵) Вліяніе Герберштейна на картѣ Ортелиа (Дженкинсона) видно изъ того, что на ней помѣщена «*Zlota baba*», что *Ioughoria* поставлена къ востоку отъ Оби и Обь показана вытекающею изъ *Kitaiia lacus*.

При объясненіи ошибокъ старинныхъ картъ необходимо вообще принять во вниманіе, что географы XVI и даже первой половины XVII вѣка имѣли весьма смутное представленіе о Сѣверной и Средней Азій, и были къ тому же связаны прежними авторитетами. На основаніи данныхъ, собранныхъ Итальянцами и Каталонцами въ XIV вѣкѣ, можно было заключить, что Азія омывается съ сѣвера, востока и юга моремъ, что въ средней и сѣверной частяхъ ея господствуютъ Татары и Монголы, и что далеко на востокѣ находится богатое государство Китай съ большимъ городомъ Sambaleth, Sambalech или Sambalu (Пекинъ). На картѣ Фра Мауро, 1459 г., представленной въ формѣ круга, можно видѣть за Перміей къ востоку, — «область мрака» (region de tenebre), въ которой, за морскимъ заливомъ помѣщена страна или народъ Mescon, а далѣе, за другимъ заливомъ (длинной губой) — страна Mongul, образующая выдающійся къ сѣверу полуостровъ. Изъ этой страны Mongul на югъ идутъ горы — Mons Althay, уходящія въ страну Chataj, въ которой, недалеко отъ моря (заворачивающаго здѣсь къ югу, т. е. омывающаго Азію уже съ востока) — показаны города: Sambalech, Quanzu, Хаинци и др. Фра Мауро руководился, при составленіи своей карты, повидимому, какъ данными Птолемея, такъ и свѣдѣніями, добытыми арабскими и европейскими путешественниками, и его карта, при всѣхъ ея несовершенствахъ, все-таки можетъ быть поставлена выше, чѣмъ многія позднѣйшія карты. На нѣкоторыхъ картахъ XVI вѣка, какъ напр. къ новымъ изданіямъ Птолемея, на картѣ Th. D. Auscipatio 1522 г., на картѣ Меркатора 1587 г., на картѣ J. A. Magino Patavini 1597, даже на картахъ Blaeu, Sanson и др. XVII в., мы встрѣчаемъ не менѣе грубыя ошибки. Прежде всего, на картахъ XVI вѣка замѣтно явное стремленіе слѣдовать Птолемею, въ нанесеніи Imaus mons, Скиѳин, Серики, рѣки Ochardes, гавани Катигары и т. д. Но Птолемей не зналъ, какъ оканчивается Азія на сѣверѣ и востокѣ, и потому обрѣзалъ здѣсь свою карту по суши и показалъ море только на югѣ Азій. Между тѣмъ уже въ XIV вѣкѣ стало извѣстно, что море омываетъ Азію также съ сѣвера и востока, вслѣдствіе чего европейскимъ географамъ открылось широкое поле для всевозможныхъ догадокъ въ отношеніи къ очертаніямъ этой части свѣта. На картахъ начала XVI вѣка (напр. Auscipatio, ed. Argentorati, 1522), сѣверный берегъ Азій показанъ идущимъ довольно ровно, безъ выступовъ, съ запада на востокъ, затѣмъ постепенно клонящимся къ югу-востоку и переходящимъ наконецъ въ восточный. Западная часть сѣверной Азій отмѣчена, какъ Tartaria, восточная какъ Cathay, съ провинціями Тангутъ и др. Путешествіе Герберштейна, экспедиціи въ Ледовитое море Голландцевъ и Англичанъ, открытія въ Америкѣ и южной Азій — заставили, однако, скоро значительно измѣнить карту Азіатскаго материка. На картѣ Меркатора, 1587 года, сѣверный берегъ Азій представленъ образующимъ зп Карскимъ моремъ (названіе это, впрочемъ, еще неизвѣстно), большой, выступающій къ сѣверу полуостровъ, на которомъ (какъ и у Фра Мауро) помѣщена область Mongul, также Bargo, Tcnduk, и наконецъ традиціонныя Гогъ и Магогъ.

Тангутъ и Китайъ подвинуты уже къ югу, но Mongul и Bargu приходятся все-таки гораздо сѣвернѣе (сѣверо-восточнѣе), чѣмъ Molgomzaia, Baida и Colmak, слѣдующія за Обью, по берегу моря, одна за другою. Указанный полуостровъ подходит своимъ восточнымъ берегомъ къ Америкѣ, отъ котораго его отдѣляетъ Fretum Anian (гипотетическій проливъ). На позднѣйшихъ картахъ того же вѣка fretum Anian остается, но полуостровъ измѣняетъ свои очертанія и раздѣляется на два: Скиѣскій (Scythicum) и Табинъ (Tabin promontorium, — название, заимствованное у Плинія); изъ нихъ Скиѣскій — соотвѣтствуетъ, приблизительно, полуострову Ямалу, а Табинъ — Таймырскому, но очевидно, это соотвѣтствие чисто случайное, тѣмъ болѣе, что на картахъ XVII в., напр. Blaeu, Сайсона — полуострова эти, въ ихъ прежнемъ значеніи, снова исчезаютъ. Какъ бы то ни было, но начиная съ XIV и до самаго XVII вѣка, европейскіе географы продолжали смѣшивать среднюю часть Азіи съ сѣверною и переносили многія среднеазіатскія области къ Ледовитому морю. Не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ Азіи и какъ бы опасаясь спускаться въ своихъ обозначеніяхъ къ югу, въ область Индіи и Бактріи, они помѣщали разныя азіатскія страны, о которыхъ доходили до нихъ неясныя свѣдѣнія, одна за другою, къ востоку, вслѣдствіе чего страны эти оказывались часто далеко сѣвернѣе ихъ дѣйствительнаго положенія. Выше мы уже упоминали о положеніи Bargu и Mongul у Меркатора; онѣ помѣщены тамъ сѣвернѣе устья Оби, за полярнымъ кругомъ. На позднѣйшихъ картахъ области эти спускаются нѣсколько южнѣе, но все-таки оказываются сѣвернѣе и восточнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Такъ, Kithay lacus, (Телецкое озеро) помѣщенное сперва подъ 60° с. ш., переносится затѣмъ на 55°, а у Штраленберга (1730) уже на 51-ый; Bargu и Mongul — изъ полярной области сперва подъ 65 — 60°, а у Штраленберга уже подъ 55 — 45° и т. д. Преданность прежнимъ авторитетамъ заставляла иногда долго держаться ошибочныхъ, старыхъ представленій и даже, въ случаѣ полученія новыхъ, болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, послѣднія нерѣдко только прибавлялись къ прежнимъ, отчего возникало не мало недоразумѣній. Такъ, Кимбаликъ оказывался и у Kuthai-lacus (по Герберштейну) и далеко на востокѣ, въ собственномъ Китаѣ, (оба они и значатся на картѣ Blaeu); Colmask — и у полярнаго круга и у Каспійскаго моря (Kalmucki) и т. п. Вообще, сравненіе картъ XVI — XVII вѣковъ даетъ намъ не мало доказательствъ тому, что многія области и народы, показанныя тамъ на сѣверѣ и къ востоку отъ Оби, находились въ дѣйствительности много южнѣе, въ верховьяхъ Оби и Енисея ¹⁴⁶⁾.

¹⁴⁶⁾ Многія карты Азіи XIV — XVII вв. приведены у *Витсена* (Noord en Oost Tartarye. 1705 г.), также у *S. Ruge* (карта Fra Mauro и Китайская 1375 г.), и у Норденшиада. Ср. также изображеніе Азіи въ атласахъ Ортелиа, Меркатора и Сайсона, на картахъ Насіи и Штраленберга и др. Исторія fretum Anian разсказана въ статьѣ *S. Ruge* («Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde», 1888 г., S. 53 — 70). — Что касается названія Baida, то оно появляется, повидимому, впервые

Къ Алтаю же, относится, вѣроятно, и приводимое далѣе въ сказаніи извѣстіе о людяхъ, ходящихъ подъ землею и о существованіи «надъ озеромъ» мертваго «града», въ которомъ происходитъ нѣмая торговля. Разсмотримъ сперва, что слѣдуетъ разумѣть надъ людьми, ходящими «по подѣ землею». «Вверхъ тоя жъ рѣкы великія Оби есть люди: ходятъ по подѣ землею иною рѣкою день да ночь съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него». У сибирскихъ инородцевъ, Русскихъ и Китайцевъ, съ древнихъ поръ повидному, сложились преданія о существованіи большаго звѣря, ходящаго подъ землею. Подъ этимъ звѣремъ разумѣлся мамонтъ, остатки котораго (кости и бивни), находимые въ землѣ, и подали поводъ къ возникновенію представленія о большомъ рогатомъ звѣрѣ, пролагающемъ себѣ подземные ходы. Въ китайскихъ и манджурскихъ рукописяхъ встрѣчается свѣдѣніе о большой мышѣ, величиною съ буйвола или слона, боящейся свѣта и выкапывающей себѣ пещеры въ землѣ. Якуты, Тунгузы и Остяки, по стариннымъ извѣстіямъ (начала XVIII в.) полагали, что «мамонтъ постоянно, даже въ самыя лютыя зимы живетъ подъ землею и ходитъ взадъ и впередъ»¹⁴⁷). Эти представленія были усвоены и Русскими въ Сибири. Въ «Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ», сочиненномъ Гр. Новицкимъ въ 1715 г.,

---

на картѣ Дженкинсона, а это даетъ поводъ предполагать, что оно заимствовано изъ разбираемаго нами новгородскаго сказанія. Что касается Калмыковъ, то первое обозначеніе ихъ мѣстожительства на картѣ мы находимъ у А. Вьда, на картѣ, составленной имъ между 1537 — 1544 гг. и изданной недавно съ фототипіи Микховымъ (*Michow, Die ältesten Karten von Russland 1884.*). Здѣсь они показаны къ юго-востоку отъ Оби и къ сѣверо-востоку отъ р. Deick (Daix Птолема, позже Янкъ, теперь р. Урала) къ востоку отъ «Kozary Horda» и отъ Horda Nohay, съ обозначеніемъ: «Kalmucky Horda. Ni longum capillidium gestant», причѣмъ изображена группа палатокъ и два человека — одяны конный, другой пѣшіи (см. карту, рис. 7). О прикаспійскихъ Калмыкахъ упоминаетъ, впрочемъ, еще ранѣе Матвѣй Мѣховскій, говоря, что *juxta illud mare (scil. Caspium) et post ad orientem, ut Ruteni proferunt, quoniam ritum Mahumeticum non colunt, nec crines capitis abradunt, quemadmodum Tartari omnes radunt, praeter adolescentes etc.* Извѣстіе о нихъ находится и у Герберштейна: «alii praeterea Tartari trans Rha fluvium sunt, qui quod soli capillos nutriant, Kalmuchi vocantur». На картѣ Меркатора (1566 г.), на которой означены «Baïda» и «Solmak», южные, прикаспійскіе Калмыки не показаны, но на картѣ Blaeu, 1663 г., указаны какъ сѣверные «Салмакъ», за Imaus mons, къ Ю.-В. отъ Baïda, такъ и «Kalmucki, id est criniti Tartari», вблизи Каспійскаго моря, къ В. отъ Япка. На картѣ Герарда, 1614 г., Kalmucki помѣщены уже только у Каспійскаго моря, между Turkmen и Voschar, къ В. отъ Япка, и сѣверныхъ Solmack — нѣтъ, хотя Baïda еще остались. Впрочемъ эта карта обнимаетъ не всю Сибирь и оканчивается на востокъ тотчасъ же за Байдой. Всѣ эти данныя показываютъ, что, во-первыхъ, Калмыки уже въ началѣ XVI вѣка кочевали близъ Каспійскаго моря, и во-вторыхъ, что кромѣ нихъ были извѣстны еще другіе Solmack, которые помѣщались за страной Baïda. А такъ какъ земля Байда, по разбираемому нами сказанію, находилась сверху Оби, то тамъ же, но еще далѣе вверхъ (т. е. къ Югу), должны были находиться и Solmack, слѣдовательно въ Алтай, что подтверждаютъ и другія подробности новгородскаго разсказа.

¹⁴⁷ См. Усовъ, Единороги, въ «Сочиненіяхъ С. А. Усова». Т. I., и Лучинъ, О реставраціи мамонта въ изд. «Антропологическая выставка». Т. II.

въ § 2, гдѣ говорится о находимыхъ въ землѣ костяхъ «доброты и красоты единыя съ костми слоніиными и влщше», «великостью знаменитыхъ,— бывають бо длиною въ три аршина» и — «подобіемъ аки роги якія», сказано, между прочимъ, что о звѣрѣ семъ, «мамонтѣ», «различно разумѣютъ». «Глаголють же нѣщцы звѣра сего быти земна, иже влагою земною живеть и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается, наипаче въ влажныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло; и глаголють, яко егда кинѣмъ случаемъ пещера его опадеть, и изыйдетъ на воздухъ, въ влажную же не скоро обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости»¹⁴⁸).

Подобное же толкованіе встрѣчается въ одной Космографіи 1696 г., гдѣ говорится, что «обрѣтается же ся въ томъ (Сибирскомъ) царствѣ въ рекахъ звѣръ, его же наречють Мамаятъ, а по ихъ татарскому языку Кытръ зѣло великъ. Сего звѣра не видають, кости же его обрѣтаются на брезехъ рѣчныхъ». Составитель самъ «видѣхъ главу младого того звѣра вѣсомъ десять пудъ; подобіе же главы того звѣра, рыло яко свиньи, верхъ усть его двѣ трубы долги и широки, исподнею губу имѣеть ниско подъ трубами близко къ горлу, зубовъ же имѣеть у себя восемь, единъ же зубъ тое малые главы 12 еунтовъ вѣсомъ; имѣеть же тотъ звѣръ на главѣ два рога подобны воловымъ рогомъ. Видѣхъ же и болшаго звѣра рогъ

---

¹⁴⁸) «Краткое описаніе о народѣ Остякомъ», соч. Гр. Новицкія въ 1715 г. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884., стр. 15—16. Далѣе Новицкія говоритъ: «нѣщцы хотищія повѣстваемая достовѣрїемъ утвердити тако подобіе его изъясняютъ быти: выотою трехъ аршинъ, длиною почти аршинъ, ноги подобны медвѣдя, роги оныя крестообразно сложени на себѣ носяща, и егда ископаваетъ пещеры, тогда согнабается и простирается въ подобіе ползющаго змія. Нѣщцы сему противно разумѣють и глаголють не быти существомъ звѣра сего мамонта, кости же сія мнѣть единогоровъ или иныхъ нѣкихъ звѣрѣвъ морскихъ, во время потопа Ноева водою нанесенная и осохшая на земли, древностю же въ землю вселаяся. Но се тщетное разумѣніе — продолжать Новицкія — зане кости сія нѣкія обрѣтаются зрачныя, свѣтлыя, чистыя, лѣтхостю не истлѣвныя, множество же по всяко время собирается; коея бы ради вини вода толкыя множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣе и самороднѣе отъ себе производитъ кости сія и т. д., короче самъ Новицкія склоненъ видѣть въ этихъ костяхъ *l'usage naturel*, произведенія неорганической природы. Сочиненіемъ Новицкаго, въ извлеченіи, воспользовался неизвѣстный авторъ (можетъ быть Шведъ) въ статьѣ «о нравахъ и обычаяхъ Остяковъ» помѣщенной въ «*Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la grande Russie*» 1725. О мамонтѣ тамъ говорится между прочимъ: «Другіе утверждаютъ, что это рога большаго животнаго, живущаго подъ землею, въ мѣстностяхъ низкихъ и болотистыхъ, что оно питается только грязью и рогами роетъ себѣ дорогу въ землѣ и грязн, когда же оныя попадаетъ въ почву песчаную, то песокъ осыпается и сдавливаетъ его со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего, не имѣя возможности проложить себѣ путь рогами, животное гибнетъ на этомъ мѣстѣ. Многія лица увѣряли меня, что за Вересовымъ они видѣли этихъ животныхъ въ пещерахъ тамошнихъ горъ. По описанію этихъ лицъ, мамонты чудовищныя, имѣють 4—5 арш. въ вышину и около 3 сажень длины. Они сѣраго цвѣта, имѣють длинную голову, широкій лобъ и рога по обѣ стороны, прямо надъ глазами. Они двигаютъ рогами какъ хотять, даже скрециваютъ ихъ».

толщиною у корени поларшина, а въ верхней части нъ три вершка толщиною, а длина двѣ сажени, а сказываютъ, что и болши. А въсомъ тотъ рогъ полтора пуда. А живеть тотъ великій звѣрь въ земли и въ водѣ». Впрочемъ, представленіе о большомъ звѣрѣ, живущемъ подъ землею, существовало у Русскихъ еще за долго до знакомства съ Сибирью. Уже въ Голубиной книгѣ поется объ Индрикѣ-звѣрѣ, что онъ:

Звѣрь всѣмъ звѣримъ мать....
 Онъ копалъ рогомъ мать сыру землю,
 Выкопалъ ключи все глубокіе,
 Доставалъ воды все кипучіи,

Живеть зтотъ звѣрь за Океаномъ-моремъ,

И онъ ходитъ здѣсь по подземелью....
 Происходить всѣ горы бѣлокаменные
 Прочищаетъ ручьи и проточины
 Пропушаетъ рѣки, кладези студеные....

Такимъ образомъ, Индрикъ представляется очень большимъ звѣремъ съ рогомъ или рогами, живущимъ подъ землею, прорывающимъ себѣ рогомъ подземные ходы и тѣмъ самымъ открывающимъ ключи и пропускающимъ рѣки. Такое представленіе, какъ замѣтилъ С. А. Усовъ, вполне подходит къ легендамъ, сложившимся у сѣверныхъ народовъ о мамонтѣ. Усовъ выразилъ также предположеніе, что Индрикъ, Иярогъ, Индрогъ, Единорогъ, составляетъ, можетъ быть, передѣлку самоѣдскаго слова «Иеньгора» или «Яньхора», означающаго «мамонтъ», и составленнаго изъ двухъ: я — земля и хора олень — самецъ¹⁴⁹⁾ передѣлку, которая осмыслила для Русскихъ чужое и непонятное слово¹⁵⁰⁾. Всѣ эти повѣрья относятся, правда, къ звѣрю, къ мамонту, но у Самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ существуютъ преданія и о живущихъ подъ землею людяхъ. Самоѣды называютъ ихъ Сирты и говорятъ, что это народъ, занимавшій страну раньше ихъ и который, послѣ ихъ прихода, ушелъ въ землю и живеть еще тамъ, обладая бобрами, лисницами и стадами мамонтовъ¹⁵¹⁾. Кастренъ сопоставляетъ это преданіе съ русскими разсказами о Чуди на Сѣверѣ, которая также представляется завалившею себя добровольно въ землянкахъ, съ приближеніемъ Русскихъ или ушедшею въ землю. Шренкъ приводитъ слѣдующій разсказъ о сиртяхъ (по Шренку — siirte), слышанный имъ отъ одного Самоѣда Мало-земельской тундры. «Сирты живутъ теперь внутри земли, потому что они не могутъ выносить свѣта солнца. Они имѣютъ свой языкъ, но пони-

¹⁴⁹⁾ А. G. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europ. Russlands. I. Dorpat. 1848. S. 312. Ср. Усовъ, Единороги, въ «Сочиненіяхъ». Т. I, стр. 398 — 399. У Юраковъ, по Кастрену, *janhóra* — мамонтъ, *ja* — земля, *hóra* — олень-самецъ.

¹⁵⁰⁾ Замѣтимъ однако, что *Мочульскій* («Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ» Варн. 1887, стр. 149 слѣд.) сблизаетъ Индрика съ Ендыропомъ славянскихъ «Физиологовъ» и съ Индріей — Азбуковниковъ, — маленькимъ звѣркомъ, похожимъ на пса, который живеть въ р. Нилѣ и убиваетъ крокодила, т. е. съ ихневмономъ.

¹⁵¹⁾ Castren, Ethnol. Vorlesungen. 1857. S. 86.

маютъ и языкъ Неньцовъ (Самоѣдовъ). Одинъ Ненецъ (Самоѣдъ), роясь однажды въ землѣ, напалъ на пещеру, въ которой жили Сирты. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «оставь насъ въ покоѣ, мы боимся свѣта и любимъ мракъ земли; но здѣсь есть ходы, ступай къ нашимъ богачамъ, если ты ищешь богатства, а мы бѣдны». Самоѣдъ побоялся однако идти темными ходами и снова завалилъ открытую имъ пещеру. Извѣстно впрочемъ, — продолжалъ рассказчикъ, — что эти Сирты богатый народъ; у нихъ есть серебро и мѣдъ, желѣзо, свинецъ и олово въ изобиліи, да и какъ имъ не имѣть всего этого, если они живутъ въ землѣ, а вѣдь всѣ эти вещи добываются изъ земли» ¹²³). Египетскіе Самоѣды тоже вѣрятъ въ подземный темный и холодный міръ и въ его обитателей, бывшихъ людей, но они признаютъ, что люди эти, хотя имѣютъ человѣчeskій образъ, однако не вполне: «у одного нѣтъ руки, у другаго ноги, иной же имѣетъ только половину головы, да и та покрыта мохомъ. Всѣ они живутъ въ чумахъ, которые иногда прикрыты только съ одной стороны... Они ѣдятъ мышей, считая ихъ за оленей, грѣются предъ небольшимъ сянимъ огнемъ или просто сидятъ около кучки незажженныхъ дровъ» ¹²⁴).

Такимъ образомъ, вѣрованіе въ существованіе подъ землею людей было съ давнихъ поръ въ ходу у сѣверныхъ инородцевъ ¹²⁵). Новгородское сказаніе помѣщаетъ ихъ однако въ страну у верховьевъ Оби и не говоритъ, чтобы они жили въ землѣ, а только, что они «ходятъ по подъ землею... нною рѣкою день да ночь съ огни», но все-таки «выходитъ на озеро». Какіе же это люди, ходящіе съ огнемъ подъ землею, по особымъ рѣкамъ (или ходамъ), и для чего они могли это дѣлать? По всей вѣроятности, въ этомъ извѣстіи передавъ слухъ о той Чуди, которая пролагала въ Алтаѣ подъ землей свои копи для добыванія изъ нихъ мѣдной руды. Извѣстно, что какъ въ Алтаѣ, такъ и въ Уралѣ, Русскіе открывали рудники, большей частью, по слѣдамъ какого-то древняго народа, который былъ знакомъ съ металлургіей, и открылъ въ этихъ горахъ почти всѣ болѣе замѣчательныя въ нихъ мѣдныя мѣсторожденія. Въ нѣкоторыхъ копахъ находили даже покинутыя или потеряныя прежними рабочими орудія, каменныя, костяныя или мѣдныя кайлы (кирки) и молотки, деревянные ковши, остатки кожаныхъ мѣшковъ, даже огарки грубыхъ салныхъ свѣчей и кости самыхъ погибшихъ рудокоповъ. Въ Сибири найдена

---

¹²³) *Al. Schrenk*, I. с. S. 369. — По словамъ Иславьяна: «Самоѣды твердо увѣрены, что существуютъ подземные жители Парны, и многіе видѣли даже, какъ изъ ихъ подземныхъ чумовъ выходилъ дымъ». *Иславьянъ*, I. с. стр. 139.

¹²⁵) *Третьяковъ*, I. с. стр. 203. *Латкинъ* («Дневникъ во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 гг.», I, стр. 149) записалъ со словъ одного Самоѣды, что къ Востоку отъ Оби — «живутъ чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе — они скроются, а куда — никто не знаетъ, видно въ землю уходятъ».

¹²⁴) Вѣрованіе въ подземныхъ людей раздѣляется кое-гдѣ и Русскими. У Малороссовъ — есть повѣрье, что умерніе живутъ подъ землею. Этихъ подземныхъ людей отождествляютъ также съ блаженными Рахманами, (неисный отголосокъ книжнаго сказанія о рахманахъ, т. е. индійскихъ брахманахъ).

была даже бронзовая статуетка (см. рис. 14), изображающая, повидному, одного такого древняго рудокопа, съ молоткомъ и еще какии-то орудіемъ въ рукахъ, съ башлыкомъ на голоѣ и съ кожаныи мѣшкомъ для руды, у пояса ¹⁵³⁾. Несомнѣнно, что слухъ объ этой древней горной промышленности долженъ былъ распространиться и среди сосѣднихъ народовъ, жившихъ еще въ состояніи дикости и звѣроловства, хотя и не всегда могъ быть правильно понятъ ими. Доходилъ этотъ слухъ, вѣроятно еще въ XV вѣкѣ (можетъ быть и ранѣе; припомнимъ разсказъ Гюраты Роговича о просѣкающихся черезъ горы людяхъ) — и до Русскихъ, но такъ какъ иногородцы не могли разсказать путемъ, для чего люди эти ходятъ «по подземелью съ огнемъ», то и остался только одинъ этотъ фактъ, который самъ по себѣ, долженъ былъ казаться чуднымъ.

рис. XIV.

Но что это за озеро, на которое выходятъ люди изъ подземныхъ ходовъ? На этомъ озерѣ, разсказывается дальше, стоитъ какой-то большой городъ, но безъ посада и людей. «И надъ тѣи озеромъ свѣтъ пречуденъ и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него. И кто поѣдетъ къ граду тому и тогда слышити шумъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ (живущихъ); и какъ придуть въ него, и людей въ немъ нѣтъ, и шуму не слышити никотораго, ни инаго чего животна, но въ всякихъ дворѣхъ ясти и пити всего много и товару всякаго, кому что надобѣ; и онъ положить въ цѣну противу того да возьметъ, что кому надобѣ, и прочь отходить, а кто что бесцѣны возметъ и прочь отидеть, и товаръ у него погибнетъ и обряцется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходить отъ града того, и шумъ паки слышѣти, какъ и въ прочихъ градѣхъ живущихъ». Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что озеро это — Кольванское, находящееся въ рудоносномъ западномъ Алтаѣ, въ 30 вер. къ с. с. в. отъ Змѣиногорска. Озеро это выпускаетъ изъ себя рѣчку Нижнюю Кольванку, впадающую въ Локтевку, которая относится къ системѣ р. Чарыша, притока Оби. . . Близу озера находятся мѣстороженія мѣдныхъ рудъ, разрабатывавшіяся уже Чудью и вызвавшія основаніе здѣсь въ 1727 г. Демидовымъ, перваго мѣдиплавильнаго завода. Озеро, въ окружности около 7 верствъ, имѣетъ значительную глубину, очень прозрачную воду и расположено въ горахъ (на высотѣ около 1200 ф.), въ чрезвычайно живописной мѣстности, у подошвы гранитныхъ скалъ, отличающихся

Бронзовая статуетка, изображающая древняго Чудскаго рудокопа. Найдена въ Сибири, находится въ Император. Эрмитажѣ.

¹⁵³⁾ Эйхвальдъ, «О чудскихъ копяхъ»; также Ууниевъ, «Пермскій географ. словарь, статья «Гумешевскій рудникъ». Въ музей Сысертскаго завода я видѣлъ мѣдныя орудія, деревянные ковши и свѣчи, найденные въ Гумешевскомъ рудникѣ.

необыкновенными, причудливыми формами. Скалы эти имѣютъ видъ башенъ, террасъ, пирамидъ, развалинъ замковъ и поднимаются надъ озеромъ мѣстами до высоты 600 — 700 фут. ¹⁸⁶⁾ Разказы о такомъ озерѣ, съ Чудскими около него копями, легко могли подать поводъ къ возникновенію представленія о выходненіи на озеро людей изъ подземныхъ ходовъ и о существованіи на немъ большого мертвого «града» (кремля, крѣпости) безъ посада (ибо имѣются одни только развалины стѣнъ и башенъ, а жилыхъ домовъ нѣтъ). Возможно, что такое необыкновенное мѣсто было выбрано сосѣдними народами и для взаимнаго обмѣна товаровъ помощью нѣмагаго торга, или же составитель сказанія смѣшалъ здѣсь разказы о двухъ различныхъ фактахъ и мѣстностяхъ.

Обмѣнъ товаровъ безъ переговоровъ и даже безъ того, чтобы торговцы видѣли другъ друга, засвидѣтельствованъ многими древними и позднѣйшими свидѣтельствами. Геродотъ рассказываетъ, со словъ Карфагенянъ, что такъ торговали эти мореплаватели съ народами Африки по ту сторону Геракловыхъ столбовъ (Гибралтара). Они выгружали свои товары на извѣстномъ мѣстѣ берега, потомъ возвращались на суда и разводили на нихъ огонь. Туземцы замѣчали дымъ, выходили на берегъ и клали рядомъ съ товарами — золото. Тогда Карфагеняне снова высаживались на берегъ и смотрѣли, довольно ли золота; если было довольно, они брали его и оставляли товаръ, если нѣтъ, возвращались обратно и ждали. Туземцы снова приходили и добавляли золота, если находили товаръ того стоющій. При этомъ ни съ той ни съ другой стороны не было несправедливости; одни не касались золота, покуда количество его не становилось соотвѣтственнымъ цѣнности товара, а другіе не трогали товара, покуда за него не было взято золота ¹⁸⁷⁾. Помпоній Мела и Плиній ¹⁸⁸⁾ рассказываютъ о подобной же нѣмой торговлѣ, производившейся въ удлиннномъ мѣстѣ, на

¹⁸⁶⁾ Геогр. Стат. Словарь Россійской Имперіи. Т. II, стр. 698. По *Цуровскому* («Геолог. путешествіе по Алтаю» М. 1846, стр. 92), Колюванъ — озеро залегаетъ между Саушкінскими горами... «Отъ первыхъ гранитныхъ обнаженій до Колюванъ озера считается около 10 — 11 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ горы неистощимо разнообразны... Съ одной возвышенности открылось особенно очаровательное зрѣлище. Безъ всякаго преувеличенія, найдете тутъ всѣ возможные сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колюванъ озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе». — Ренованцъ («*Mineralogisch-geogr. Nachrichten von den Alt. Gebirgen*» Berl. 1788. S. 226), говоритъ, что нгдѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, ни на какомъ озерѣ онъ не видалъ передъ собою такой восхитительной картины, какъ на озерѣ Колюванскомъ. — По Ледебуру («*Reise durch das Altaigebe.*» I В. 1829. S. 332) съ сѣверной и сѣверо-западной стороны — озеро представляетъ «въ высшей степени романтическій пейзажъ».

¹⁸⁷⁾ Herodot. IV. 196.

¹⁸⁸⁾ Pomponius Mela, III, 7; Seres, genus plenum justitiae, ex commercio, quod rebus in solitudine relictis absens peragit, notissimum, Плиніій говоритъ о той же торговлѣ: Fluminis ulteriore ripa merces positae juxta venalia tolli ab his, si placeat permutatio.

берегу одной рѣки, — между Сингалезцами (жителями о—ва Тапробаны) и римскими торговцами съ одной стороны и народомъ Серами (подъ именемъ которыхъ были извѣстны Грекамъ и Римлянамъ Китайцы) съ другой. Эти древнія извѣстія могли казаться баснословными, покуда не были получены подтвержденія тому въ новѣйшее время, какъ изъ Африки, такъ и изъ Азій. Хѣстъ, Винтерботтомъ, Грабергъ фонъ Хэмзо и другіе путешественники конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія констатировали подобный же торгъ между Маврами Марокко и Неграми, живущими по р. Нигеру, между Португальцами и Неграми на берегу Сиера Леоне въ западной Африкѣ и на границахъ Мозамбика въ восточной, наконецъ между самыми негрятянскими племенами, напримѣръ между береговыми Неграми и живущимъ ввнутри Лоанго малорослымъ племенемъ Бабонго¹⁸⁹⁾. Относительно Азій извѣстно, что подобный торгъ существовалъ еще недавно на Суматрѣ между Малайцами и дикимъ лѣснымъ племенемъ Орангъ Кубу; въ южной части острова Тимора — между прѣзжающими на лодкахъ Малайцами и туземцами; между Айнами о—ва Сахалина и Курильцами, между Чукчами и жителями о—ва св. Лаврентія. Особенно обыкновененъ былъ, повидимому, этотъ способъ торговли въ Америкѣ, индѣйскія племена, которой распались, въ отношеніи языка, на множество различныхъ вѣрѣчій. Марціусъ собралъ свѣдѣнія о подобномъ торгѣ между нѣкоторыми племенами Бразиліи; Картрайтъ, между европейскими колонистами и первобытнымъ населеніемъ Нью-Фаундланда. Извѣстны также свѣдѣтельства прежняго времени относительно Мексиканцевъ, и новѣйшаго — относительно Индѣйцевъ Новой-Гренады. Въ предѣлахъ нынѣшней Россіи такой способъ торговли описанъ многими средневѣковыми арабскими путешественниками, какъ происходившій въ «странѣ мрака». По словамъ Ибнъ-Батуты, «страна мрака («юра» — арабскихъ писателей X вѣка) лежатъ въ 40 дняхъ пути отъ Булгара и путешествія совершаютъ туда въ небольшихъ повозкахъ на собакахъ... Послѣ 40 дней пути мералою степью путешественники останавливаются въ Странѣ Мрака, выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горноставей. Если торговецъ доволенъ мѣной, то беретъ еѣ тотчасъ съ собою, въ противномъ случаѣ оставляетъ еѣ на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ихъ, оставляя въ замѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бывають, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо»¹⁹⁰⁾. Подобныя же извѣстія мы встрѣчаемъ у Абульфеды, Бакуи и другихъ арабскихъ писа-

¹⁸⁹⁾ *K. Andree, Geographie des Welthandels. 1 Bd. 2 Auflage von B. Andree. S. 1877, глава: Der stumme Handel bei wilden Völkern. Ср. также Кулишевъ, Очерки сравнит. этнографіи. Сиб. 1887, стр. 196 и Bastian Der Mensch in der Geschichte III, 366 — 368.*

¹⁹⁰⁾ *Saveljev, Мухаметанская Нумизматика. 1847, стр. СХХХІ, слѣд.*

телей, причѣмъ Абульфеда приписываетъ нѣмой торгъ народамъ, живущимъ къ сѣверу отъ Русскихъ, а Бакуи говорить, что такой торгъ ведется Болгарами въ странѣ Uaisua или Ualsa, находящейся въ трехъ мѣсяцахъ пути на сѣверъ¹⁶¹). Павелъ Іовій (1537) со словъ русскаго посла, Дмитрія Герасимова, сообщаетъ о такомъ же торгѣ у Лопарей съ своими сосѣдями. «Лопари, говоритъ онъ, народъ дикій, подозрительный, избѣгающій слѣдovъ чужаго человѣка, разбѣгающійся даже при видѣ кораблей; они мѣняютъ мѣха, отличающіеся своею бѣлизной, которые мы называемъ горнистаевыми, на различные предметы, однако такъ, что избѣгаютъ всякаго разговора съ купцомъ и даже его вида. Сложивъ въ одно мѣсто предметы, которые хотятъ обмѣнять, и оставивъ по срединѣ мѣха, они совершаютъ обмѣнъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ съ отсутствующими и неизвѣстными имъ лицами»¹⁶²). Нѣсколько позже, у Циглера мы находимъ извѣстіе, что «Лопари ведутъ торговлю при помощи обмѣна, а не деньгами, и лишь киваньемъ головы, а отнюдь не рѣчью высказываютъ свое согласіе, и это не оттого, что у нихъ недостатокъ ума или дикіе нравы, но оттого, что они имѣютъ особый языкъ, непонятный сосѣдямъ». Во второй половинѣ XVII вѣка такой нѣмой торговли уже не существовало: Шефферъ (1657) замѣчаетъ, что «они (Лопари) ведутъ торговлю не знаками, какъ прежде, а при помощи словъ, такъ какъ между ними встрѣчаются многіе, которые говорятъ на языкѣ сосѣдей, либо объясняются съ сосѣдями при помощи переводчиковъ, которыхъ между ними много»¹⁶³).

Свидѣтельство о нѣмомъ торгѣ мы имѣемъ также въ разсказѣ лѣтописца со словъ Гюраты Роговича (въ XI в.) и въ описаніи Герберштейна, заимствованномъ изъ русскаго дорожника. Герберштейнъ приурочиваетъ извѣстіе о нѣмомъ торгѣ къ людямъ Лукоморья (Lucomorua), умирающимъ на зиму. «Жители городовъ Грустины (Grustina) и Серпонова (Serponovu) ведутъ съ ними (людьми Лукоморья) торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ, ибо, когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары въ извѣстномъ мѣстѣ, а Грустины и Серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣнъ. Возвратясь къ жизни (Лукоморцы) требуютъ назадъ свои товары, если находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка; отъ того возникаютъ между ними весьма часто

¹⁶¹) Извлеченія изъ этихъ писателей приведены у *Sommier*, «Sirieni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob», Fir. 1887, p. 44—45.

¹⁶²) *P. Iovius*, «In extremo vero eius oceani litore... Lapones existunt, gens supraquam credibile sit, agrestis, suspiciosa, et ad omne externi hominis vestigiumque conspectum, maxime fugax... II candidissimas pelles quas Armelinas vocamus, cum varii generis marcioniis permutant, sic tamen, ut omne mercatorum colloquium conspectumque defugiant, adeo ut mutua rerum venalium collatione facta, et relictis medio in loco pellibus cum absentibus et ignotis syncerissima fide permutatones transigantur.

¹⁶³) *Scheffer*, Lapland, 1657. Ср. *H. Н. Харузия*. Лопари, стр. 121—123. О нѣмомъ торгѣ у Тунгузовъ, см. еще въ концѣ статьи.

споры и войны». Лукоморье Герберштейнъ помѣщалъ въ горахъ, по ту сторону Оби, повиданному, до моря, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «приморскія мѣста Лукоморья лѣсисты». Но на картахъ XVII в. положеніе Лукоморія опредѣляется южнѣе, въ средней части Оби, между нею и Енисеемъ.

Какъ бы то ни было, въ существованіи нѣкогда нѣмалого торга въ Сибири нельзя сомнѣваться. Гондатти слышалъ въ Обдорскѣ отъ стариковъ, что такой торгъ существовалъ еще сравнительно недавно съ Самоѣдами, а г. Турбинъ передавалъ мнѣ, что онъ практиковался еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Амурской области съ тамошними инородцами.

Герберштейнъ прибавляетъ еще, что отъ устья р. Иртыша до крѣпости Грустины два мѣсяца пути, а отъ нея до озера Китая (Kitai) рѣкою Обью (которая вытекаетъ изъ этого озера) болѣе чѣмъ три мѣсяца пути. «Отъ этого озера приходятъ въ большомъ числѣ черные люди, лишенные дара слова (т. е. имѣющіе «языкъ нѣмъ»); они приносятъ съ собою много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоценные камни (uniones, lapides preciosos; sonderlichen Perl und Edlgestain), которые покупаются Грустинцами и Серпоповцами. Озеро Kitai, Kitaisko — встрѣчается почти на всѣхъ картахъ XVII в., какъ мѣсто начала Оби. Очевидно, оно соотвѣтствуетъ Телецкому озеру, изъ котораго вытекаетъ р. Бія (по соединеніи съ Катунью составляющая Обь)¹⁴⁴. Но какіе такіе «черные люди» могли приходить оттуда и приносить жемчугъ (или раковины) и драгоценные камни? Витзенъ видѣлъ въ нихъ Индусовъ, Лербергъ — Бухарцевъ; послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ позже, съ проникновеніемъ въ Сибирь Русскихъ, торговцами съ юга оказались тамъ именно Бухарцы. По всей вѣроятности — они заходили для торговли и въ болѣе раннюю эпоху, а вмѣстѣ съ ними иногда и Индусы, которые и теперь являются нрѣдко для торговыхъ цѣлей въ Туркестанъ и Кульджу.

Въ сказаніи говорится, что нѣмой торгъ на озерѣ долженъ былъ происходить честно; въ противномъ случаѣ, если кто «бесцѣненъ» что бралъ, товаръ исчезалъ у него и оказывался снова на прежнемъ мѣстѣ. На сѣверѣ съ давнихъ поръ практикуется обычай, что если кто (охотникъ, странникъ, торговецъ) найдетъ гдѣ въ лѣсу пустую избушку и въ ней какія-либо вещи, которыя могутъ ему понадобиться, то онъ беретъ, что ему нужно, но оставляетъ взаимно взятаго предметы соотвѣтствующей годности и цѣнности, или деньги. Обычай этотъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, соблюдался свято, къ общей для всѣхъ пользѣ, такъ какъ нарушеніе довѣрія кѣмъ-либо однимъ могло отозваться весьма невыгодно на

---

¹⁴⁴ Телецкое озеро (Алтынъ-норъ) находится въ поперечной долинѣ Алтая, между Телецкими и Абаканскими горами и занимаетъ пространство въ 250 кв. в. Мѣстами оно обставлено отвѣсными, поросшими лѣсомъ скалами, съ которыхъ шумятъ нѣжныяся потоки.

всѣхъ другихъ, которые бы оказались въ томъ же положеніи. Эта общая для всѣхъ выгода заставляла несомнѣнно придерживаться справедливости и при нѣмомъ обмѣнѣ товаровъ съ сибирскими дикарями, который иначе былъ бы невозможенъ, а равно повела, вѣроятно, и къ возникновенію повѣрья, что неправильно произведенный обмѣнъ не способенъ идти на пользу торговца ¹⁶⁵⁾.

Послѣднее извѣстіе сказанія касается «каменской самоѣды», которая «облежитъ около югорскіе земли». «А живутъ по горамъ высокимъ, а ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ, а платье носятъ соболіе и оленіе». «Каменскими» называются и теперь еще тѣ изъ Обдорскихъ Самоѣдовъ, которые «своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ямалѣ» въ отличіе отъ «низовскихъ», кочующихъ между Обскою и Енисейскою губами ¹⁶⁶⁾. Что касается до названія Уральскихъ горъ «высокими», то слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнія времена имѣлось вообще преувеличенное о нихъ представленіе или — что сѣверный Уралъ производилъ на жителей равнинъ впечатлѣніе гораздо большей вышины, чѣмъ онъ имѣетъ еѣ въ дѣйствительности. Князь Курбскій, ходившій походомъ въ Югру, говорилъ Герберштейну, что онъ 17 дней взбирался на

---

¹⁶⁵⁾ Весьма трудно объяснить, какъ понимать въ разбираемомъ нами извѣстіи «свѣтъ пречюдены» и «шумъ великъ». Нѣчто подобное встрѣчается въ посланіи XIV вѣка Новгородскаго архіепископа Василія къ Тверскому епископу Феодрѣ — о раѣ ущѣльишемъ на землѣ. Здѣсь разсказывается, что одинъ Новгородецъ съ сыномъ нашши нѣчто рая гдѣ-то на высокихъ горахъ, у отдаленныхъ береговъ моря, хотя взойти туда оказалось невозможнымъ. На тѣхъ горахъ написанъ Деисусъ «лазоремъ чуднымъ» пъ вокругъ всего мѣста «свѣтъ самосіяненъ». Хотя солнца и не было, но «свѣтъ бысть многочастный, свѣтаѣся паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованіе много слышахуть и веселія гласы ѣвщающе». Отъ Новгородцевъ же дошло извѣстіе и объ адѣ: «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная Моргъ; вода входить въ преисподнія и лаки исходитъ трижды днемъ». Здѣсь «свѣтъ самосіяненъ» можетъ быть надо понимать, какъ сѣверное сіяніе, а адъ — какъ какой нибудь водоворотъ изъ морѣ. Герберштейнъ, со словъ Григорія Истома, говоритъ, что въ сѣверномъ морѣ есть мысъ, называемый Святимъ Носомъ (Sanctus Nasus). «Это — огромная скала, вдающаяся въ море, на подобіе носа; подъ нею видна водоворотная пещера, которая каждыя шесть часовъ поглощаетъ морскую воду и съ большимъ шумомъ изрыгаетъ ее обратно. Одинъ говорилъ, что это середина моря, другіе, что это Харибда. Сказывалъ онъ (Истома), что сила этой лучины такъ велика, что она притягиваетъ корабли и другіе предметы, крутитъ ихъ и поглощаетъ». . . Объясненіе этого «водоворота» заключается въ томъ, что у Святаго Носа, дѣйствительно, сталкиваются два теченія, отъ чего образуется такъ называемый сулой или толчекъ. Классическая Харибда находилась, какъ извѣстно, въ Мессинскомъ проливѣ, гдѣ также существуетъ сильное теченіе. Тотъ же Герберштейнъ, со словъ Норвежцевъ и русскихъ пословъ, сообщаетъ о высокихъ горахъ на сѣверѣ, подобно Этиѣ постоянно извергающихъ пламя и заключающихъ въ себѣ, по утвержденію нѣкоторыхъ, чистилище. Но, какъ извѣстно, никакихъ огнедышущихъ горъ ни въ Норвегіи, ни на Сѣверѣ Россіи нѣтъ. Вулкановъ нѣтъ также ни въ Атаѣ, ни во всемъ Туркестанѣ, и хотя про Туркестанскія горы и ходила прежде молва, что тамъ есть вулканы, но слухи эти, какъ дознано потомъ, вызваны были, вѣроятно, самовозгараніемъ залежей каменнаго угля.

¹⁶⁶⁾ *Кухелевскій*, I. стр. с. 112.

какую-то гору «Столпъ», «которая вдается въ океанъ» и простирается до самыхъ устьевъ Двнны и Печоры». Впрочемъ Курбскій разумѣлъ, по-видимому, не одну какую-нибудь вершину, а говорилъ, вѣроятно, о переходѣ поперекъ всей горной системы. Раяѣе, въ XI вѣкѣ (въ разсказѣ Гюраты Роговича), объ Уралѣ имѣлось понятіе, какъ о горахъ «ниже высота аки до небесе»¹⁶⁷.

Далѣе о Каменской Самоѣди говорится: «А ядятъ мясо оленіе, да и собачину, и бобровину сыру ядятъ, а кровь пьютъ человѣчю и всякую. Да есть у нихъ лѣкари: у котораго человѣка внутри не здорово, и они брюхо рѣжутъ, да нутрь вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ». Употребленіе Самоѣдами сыраго мяса извѣстно всѣмъ; даже Архангельскіе Самоѣды «всему предпочитаютъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Иславинъ говоритъ также, что Самоѣды не гнушаются вѣст и падалъ, особенно бѣдняки¹⁶⁸». Не удивительно, что въ прежнее время они ѣли и собачину, и бобровину, тѣмъ болѣе, что ранѣе бобръ былъ навѣрное болѣе обыкновененъ въ Приуральскомъ краѣ, чѣмъ теперь. Относительно употребленія человѣческой крови, напомнимъ снова вогульскія и самоѣдскія преданія объ ихъ древнихъ богатыряхъ. Что касается «лѣкарей», то подъ ними, очевидно, разумѣются шаманы. По словамъ Кушелевскаго, шаманы Каменскихъ Самоѣдовъ выдѣлываютъ «разныя штуки, въ родѣ чудесь, напримѣръ прокалываютъ себя ножемъ или саблею; кровь не идетъ и живъ остается... Сидя на землѣ, шаманъ беретъ бубенъ, начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себя ножемъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю... По Иславину, самоѣдскій «шаманъ», во время вдохновенія, дѣлаетъ, будто вонзаетъ себѣ шомполъ или ножъ въ одиакъ бока, а изъ другого вынимаетъ». Подобныя штуки они продѣлываютъ и надъ больными. «Наружныя болѣзни или наросты, — говоритъ Иславинъ, — они или срѣзываютъ ножемъ или скусываютъ зубами, а о внутреннихъ говорятъ, что это завелся червь въ животѣ, и чтобы найти мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, водятъ по животу божкомъ съ острымъ носикомъ... и когда найдутъ большое мѣсто, то или *вскрываютъ живота*, или просто, прикладывая къ нему зубами, дѣлаютъ видъ, будто призываютъ червя и всасываютъ его въ себя и, вынувъ изо рта, показываютъ излѣченному».

¹⁶⁷ Въ Сибирской лѣтописи И. Черепанова — объ Алтайскихъ горахъ тоже говорится, что они достигаютъ «главою до небесе». Въ Разрядной книгѣ, о походѣ 1492—1500 гг. Ки. Петра (Ушатата) и ки. Семсна (Курбскаго), сказано, что они шли отъ Печоры до Камени двѣ недѣли, и тутъ развелися... черезъ Камень шелью, а Камень въ облакахъ не видно. А коли вѣтрено, ино облака раздраетъ. А даяна его отъ моря до моря. Названіе «Камень» происходитъ, можетъ быть, отъ остяцкаго и самоѣдскаго названія Урала — «Кѣу» и «Пай», что означаетъ камень или скалу. См. *Записки*, стр. 137.

¹⁶⁸ По словамъ Кушелевскаго, «видѣтъ какъ Самоѣды жрутъ оленье мясо, маква его въ кровь, и пачкаютъ кровью и безъ того противныя свои фізіономіи — переходить за предѣлы самосильнѣйшаго отвращенія».

По словам Третьякова, самоѣдскій шаманъ, «чтобы исторгнуть изъ тѣла злаго духа... хватаетъ зубами за больное мѣсто и черезъ нѣсколько минутъ вытаскиваетъ изъ своего рта кишку какого нибудь звѣря, червяка или просто волосокъ. Понятно, что такое «вскрытіе живота» и выниманіе кишки могло вызвать представленіе, что самоѣдскіе лѣквари рѣжутъ большому брюху, нутро вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ»¹⁶⁹⁾.

Въ заключеніе о той же самоѣди сказано: «Да въ той же Самоѣди видалн, скажутъ самоѣдъ же, старые люди, зъ горы подлѣ море, мертвыхъ своихъ: идутъ плачущи множество ихъ, а за ними идетъ великъ человекъ, погоняя ихъ палицею желѣзною»¹⁷⁰⁾. Здѣсь передается, очевидно, разсказъ стариковъ-Самоѣдовъ, видавшихъ будто бы своихъ мертвыхъ. Для объясненія этого разсказа слѣдуетъ принять во вниманіе повѣрье Самоѣдовъ и Остяковъ, что загробный міръ находится на сѣверѣ, у Ледовитаго моря. (По словамъ Н. Л. Гондатти, Маньзы (Вогулы) вѣрятъ, что тѣнь человекъ отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ, за устьемъ Оби, и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога Куль-одырѣ (куль—дьяволъ), который получаетъ записи отъ Нуми-торума (старшаго сына Корсь-торума, главнаго бога), кому слѣдуетъ умереть. Куль-одырѣ, отличающійся большимъ ростомъ, беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство. Каменскіе самоѣды, по словамъ Куселевскаго, «находившись съ давнихъ поръ подѣ вліяніемъ Остяковъ, усвоили себѣ многія религіозныя ихъ понятія о нумѣ (богѣ), о загробной жизни человекъ и о сотвореніи міра». Если это такъ, то они могли усвоить и вѣрованіе въ Куль-одыра, большого роста («великъ человекъ»), который гонитъ тѣни умершихъ дубиною чрезъ тундры, и разсказы о которомъ могли дойти и до составителя Новгородскаго сказанія.

Любопытно, что въ сказаніи не говорится ни объ одномъ сибирскомъ народѣ, который бы употреблялъ исключительно каменные и костяныя орудія, т. е. находился бы въ стадіи каменнаго вѣка. Если упоминается оружіе: трубка для стрѣльбы, стрѣлы, палица, — то только желѣзныя¹⁷¹⁾.

¹⁶⁹⁾ Повидимому, первое извѣстіе о самоѣдскихъ шаманахъ и ихъ камланіи встрѣчается у Джонсона, въ его письмѣ къ Ченслеру, 1556 г. Джонсонъ описываетъ гаданіе и жертвоприношеніе Самоѣдовъ, видѣнныхъ имъ близъ устья Печоры. При этомъ онъ говоритъ, что шаманъ (жрецъ — priest) былъ одѣтъ въ странный костюмъ, бияхъ палкой въ бубенъ, испускалъ дикіе звуки, принявъ наконецъ въ наступленіе и упалъ на землю, какъ мертвый. Затѣмъ онъ очнулся, взявъ мечъ и воткнувъ его на похвину въ свой животъ, но такъ, что раны не было. «Then hee tooke a sworde of a cubite und a spaine long (I did met it my selfe) and put it into his bellie halfe way and sometime lesse, but no wounde was to bee seene».

¹⁷⁰⁾ Въ спискѣ Уиковскаго послѣ словъ «мертвыхъ своихъ» вставлено «несутъ»; очевидно, переписчикъ не могъ понять, какъ это мертвые могутъ идти, и предположилъ, что тутъ пропушено слово «несутъ» и что слово «идутъ» относится къ провожатымъ.

¹⁷¹⁾ Судя по разсказу Гюраты Роговича (въ концѣ XI в.) — Зауральскіе народы еще находились тогда въ переходной стадіи отъ камня къ желѣзу. О нихъ говорится: «какъютъ на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ

Очевидно, Русскіе еще не знали тогда Тунгузовъ и другихъ инородцевъ Восточной Сибири, съ которыми встрѣтились позже, и у которыхъ оказалось оружіе изъ камня и кости, какъ-то и было отмѣчено въ «сказкахъ» служивыхъ людей XVII в. Такъ, въ сказкѣ служиваго человѣка Нехрошка Иванова Колобова, отъ 7154 (1645 г.), воевавшего съ Тунгузами на р. Ульѣ, объ оружіи и орудіяхъ этого народа горорится такъ: «а бой у нихъ лучной, копейца и рогаины все костяныя, а желѣзныхъ мало, и лѣсъ и дрова сѣкутъ и юрты рублятъ каменными и костяными топорки»¹⁷⁹). У Чукчей, Юкагировъ, Камчадаловъ, Курильцевъ, Алеутовъ — каменныя орудія и оружія употреблялись, какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ и встрѣчались даже, мѣстами, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Заканчивая разсмотрѣніе сказаній, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью, другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ и только нѣкоторыя — представляются явно мифическими, но и то одна ли придуманными нарочно, и скорѣе передающими ходившія между Югрой и посѣщавшими ихъ Русскими — повѣрья и рассказы. Если бы составитель сказаній выдумывалъ явныя небылицы, онъ могъ бы припомнить и Гога и Магога, и какихъ-нибудь свирѣпыхъ исголовцевъ, помѣстить въ неизвѣстной странѣ разныхъ чудныхъ звѣрей, людей съ хвостами, страшныхъ великановъ и т. под., чего однако онъ не сдѣлалъ. Какъ ни мнѣютъ, наприимѣръ, рассказы объ умирающихъ на зиму людяхъ, однако его далеко перешеголяли нѣкоторыя легенды о вліяніи мороза, составившіяся въ средне-вѣковой литературѣ Запада, наприимѣръ о звукахъ голоса и трубъ, застывающихъ на морозѣ и звучащихъ снова послѣ оттаниванія, о вслдинкахъ примерзающихъ къ сѣдлу лошади, объ отрѣзанной на морозѣ головѣ, проростающей потомъ снова къ тѣлу и т. п.¹⁷⁹). У многихъ старинныхъ путешественниковъ, не только средне-вѣковыхъ, но и XVI — XVIII вѣковъ, можно встрѣтить большее число баснословныхъ извѣстій, чѣмъ въ этомъ простомъ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ Новгородскаго торговаго человѣка.

Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ Юракахъ, Каменскихъ Самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ Тюрко-монгольскихъ,

---

ножь ли, ли секиру, и они даютъ скорою (въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго: «собоя, кунцу, бяку») противу». Но къ XV в. народы эти, повидимому, уже хорошо ознакомились съ желѣзомъ. — Сообщеніемъ указаннымъ «сказокъ» (изъ дѣлъ Якутскаго Обл. Правленія, въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) и обязанъ А. А. Гозлаво-Голомбловскому.

¹⁷⁹) S. Ruge. Frostgeschichten, въ «Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde». Dr. 1888. S. 21 — 31.

ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о лудоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ *Molgotzaia*, *Baida* и о Каменскихъ Самоѣдахъ.

Что касается до того, какимъ образомъ невѣрно поняты и преувеличенные рассказы могли давать поводъ къ возникновенію среди Русскихъ въ Сибири даже въ концѣ XVII вѣка, баснословныхъ слуховъ, — любопытный примѣръ представляетъ отписка Енисейскаго воеводы князя К. О. Щербатого въ Сибирскій приказъ — о дикихъ людяхъ Чюлюгдяхъ, 1685 г., найденная въ выпискахъ изъ столбцевъ Сибирскаго приказа, сдѣланныхъ въ 1776 г. въ Сенатскомъ Разрядномъ Архивѣ (нынѣ находящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи) и опубликованная недавно А. А. Гоздаво - Голомбѣвскимъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» за 1888 г. Въ отпискѣ говорится, что въ февралѣ 193 г. (1685) «почала бытъ словесная речъ межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рекѣ, явились дикіе люди ободной рукѣ и ободной ногѣ». Узнавъ объ этомъ и воспользо-вавшись прибытіемъ въ Енисейскъ «сверхъ Тунгуской реки... Чодобскихъ розныхъ волостей ясачныхъ тунгусовъ», воевода велѣлъ «про тѣхъ выше-писанныхъ дикихъ людей тѣхъ тунгусовъ распросить, гдѣ тѣ дикіе люди и какіихъ местехъ живутъ и каковы они въ роки, те люди, и какое на себѣ платье носятъ». На допросѣ тунгусъ съ Каты рѣки Богдашка Чеко-тѣвѣвъ сказалъ: «вверхъ де по Тунгуске рѣкѣ идучи, на левое стѣоронѣ противъ деревни Кужемской, гдѣ живеть енисейской пашенной крестьянинъ Васка Пановъ стоварищи, на высокои горѣ, вкामси отъ Тунгуски реки версты стри видѣлъ онъ, Богдашко, яму, а та де яма вовсе стѣоронѣ кругла шириною аршина пополтора и нсѣ тойде ямы исходить духъ смрадной, человеку невозможно духа терпети, и у туй де ямы состоятъ онъ, Богдашко, долго не могъ оттого смраднаго духа и одшедь де отъ ямы лежалъ отъ того духу головою болѣзною день, а какова де та яма пошла вземлю шириною и въ глубину того де онъ, Богдашко, неведаетъ, потому что де онъ вту яму незаглядывалъ, а около де тѣе ямы мелкои и болшой стѣоронѣ лѣсъ на кореню, по местамъ знаки строганы ножемъ или инымъ чѣмъ во многихъ местехъ, а у своей братьи у тунгусовъ онъ Богдашко слыхалъ, что живутъ де въ тои яме люди, а имяна тѣмъ людемъ чюлюгден, а ростомъ де тѣ люди среднему чѣловѣку вгрудѣ, ободномъ глазе и ободной рукѣ и ободной ногѣ, а глазе у него чюлюгдѣя и рука слѣвую стѣоронѣ, а нога съ правую стѣоронѣ, а зверя де всякого и птицу они чюлюгдѣи стрѣляютъ излуковъ, а рѣжутъ де зверя и дерево стружутъ пилою, а какимъ де образцомъ лукъ и стрѣла и пила того де онъ Богдашко несдыхалъ и не видалъ, а торгъ де у нихъ чюлюгдѣвѣвъ съ ними тунгу-

сами такои: приюсятъ де тунгусы на ихъ дороги, по которымъ дорогамъ они чюлюгдѣи ходятъ, дятлевое птичье перье и тоде перье втыкаютъ они около стоячаго лиственничнаго дерева влиственничную кожу а тѣде чюлюгдѣи, пришедъ, то перье емлютъ безъ нихъ тунгусовъ, а тѣмде тунгусомъ вмѣсто того перья кладутъ на тожъ место стрельные всякіе птѣицы и посуду своего дѣла, а какую де посуду кладутъ мѣдиую или желѣзную или иную какую и для чего де дятлевое перье себе емлютъ, того де онъ Богдашко не слыхалъ, да онже де Богдашко слыхалъ отъ брацѣихъ ясашныхъ тунгусовъ, которые живутъ по Ангартъ реке въ Брацкомъ уезде, ставилъ де тунгусы на зверей самострѣлы и исъ техъ де тунгусовъ тунгусъ въ самостреле своемъ вынялъ застрельнаго того дикого человѣка, а платье де на томъ дикомъ человеке тулупецъ кожиной опушенъ бѣлою козлиною, а въ рукахъ де у него пила железная, а какой де кожиной тулупъ теплой или холодной и какимъ образцомъ пила зделана про то де онъ, Богдашко, неслыхалъ, а на которой де стороне глаза нетъ и та де сторона лицо и бокъ весь чернъ что уголь, а родимая ль де та черность или череная про то де онъ не слыхалъ, а другая де сторона лицо и бокъ какъ у человека, и того де мертваго дикого человека тотъ тунгусъ кинулъ у того самострела, и после де тѣ дикіе люди того застреленаго взяли ксебе, а иного де ничего онъ, Богдашко, про техъ дикихъ людей неслыхалъ, а подлинно де про то ведаютъ братскіе ясашные тунгусы а онде, Богдашко, противъ той вышеписанной Кежемской деревни, что живетъ пашенной Васка Пановъ, видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму и оттонъ де ямы видѣлъ же слѣдъ техъ дикихъ людей на снегу хожено одною босою ногою, а тотъ де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка». Другой тунгусъ, Имарги, показалъ по тому же вопросу слѣдующее: «въ прошлыхъ де годехъ шель де онъ, Имарги, ссоболиного промыслу изъ лѣсу весною по малому снегу и противъ деревни де Кежемскон, гдѣ живетъ пашенной крестьянннъ Васка Пановъ стоварици въ камени втомже месте, гдѣ видалъ яму вышеписанной Кацкой же тунгусъ Богдашко Чѣкотеевъ, нанесло де на него духъ смрадной стога места съ камени, невозможно человеку терпети, а тотъ де духъ таковъ, какъ желѣзо горитъ, и мимо де то мѣсто, онъ, Имарги, прошелъ скоро, а около де того места на такомъ лесу, отъ деревья кожа кругомъ рукою обтерта до дерева по одному месту, отъ земли человѣку впосяъ, и пришедъ де онъ ксвоеи братье къ тунгусамъ и про тотъ духъ смрадной и про обтертое деревье сказывалъ, и тунгусы де про яму говорили, чаятъ де, что тутъ живутъ дикіе люди чюлюгден, да онъ же де слыхалъ у своей же братьи у тунгусовъ, что въ прошлыхъ недавныхъ годехъ ставливали де тунгусы на козъ самострелы а такого дикого человека одинъ тунгусъ вынялъ всамостреле своемъ застреленаго, а каковъ тотъ дикой человекъ ростомъ и врожей и вприметы и какое на немъ платье, протоде онъ ни откого не слыхалъ». Послѣ того воевода вызвалъ къ допросу «Кужемской деревни пашеннаго крестьяннина Васку Панова», который на тотъ же вопросъ, показалъ: «по. Тунгуске де реке вверхъ идучи на левой стороне протпнъ ево Васкины деревни въ горѣ пѣ камени, где бутто видѣлъ онъ,

Богдашко, яму и такой де ямы онъ Васка не видалъ и духу смраднago втѣхъ местѣхъ никакихъ никакова неслыхалъ, а Кѣжейскіе де тунгусы сказываютъ, слышали у дедовъ и у прадедовъ своихъ, что близъ де той ево нынешней Васкины Кужемской деревни жили дикіе люди во Каменю и въ землѣ, а называли де ихъ чюлюгдями, а теде дикіе люди ростомъ среднему человеку вгрудѣ, поперекъ толсты, ободной рукѣ, ободной ногѣ, ободномъ глазе, а платье де они носятъ будто де тунгусово переводу, а шапки на нихъ маленькіе круглые, а теплое-ль-де то платье носятъ или холодное того неслыхалъ, а следъ де деды и прадеды ихъ тунгускіе видали гораздо малъ, а тотде ихъ следъ видали лѣтомъ на песку около ихъ, гдѣ они живутъ, хожею босою ногою, а оттеде ямъ смраднoй духъ великон, невозможно человеку терпеть, и ввидѣ де ихъ видали, а холять де тѣ дикіе люди гораздо скоро, буде отъ нихъ бѣжать противъ солнца и они де по-стичъ человека не могутъ, а буде де въ которон день сонца нетъ и въ тѣ де дни носятъ они, тунгусы, ссобою дерево, которое бьетъ громовою стрелою и темде деревомъ отнихъ отбиваютца, а какъ де техъ деревъ сними не живетъ и они де чюлюгден ихъ тунгусовъ давять, а торгуютъ де они дикіе люди съ тунгусами, приносятъ де на ихъ ямы птичье перье дятлевое и сойное и делаютъ исъ прутья деревянныя колца и теде колца кладуть у ямъ ихъ сперьемъ вместе для того, какъ де они зделаютъ колцо малое и тѣ де дикіе люди за то перье протнвъ того колца малово положить на тожъ мѣсто своего дѣла котель болшон, а какъ де положить колцо болшое и то де противъ того положить котель малой, а говорятъ де тѣ люди по тунгуски, да тѣжде дикіе люди бутто вымали у дѣдовъ и у прадедовъ ихъ изъ ловушикъ ихъ зайцы и козы, а какое де у нихъ ружье естыли и для чего дятлевое и сойное перье они емлютъ и какіе у нихъ котлы медные или желѣзные, тогоде онъ Васка отъ нихъ тунгусовъ неслыхалъ, да видали де ево Васкины внучаты противъ своен деревни въ ближнихъ местахъ знать стоячее дерево человеку впоясъ обтерто неведома чемъ кругомъ дерева мало не до самого дерева, а тунгусы де имъ сказываютъ, что будто то деревье оптерли те дикіе люди, а онъ де Васка самъ того деревья не видилъ, да онже де Васка слышалъ оттежъ же тунгусовъ, что въ Илимскомъ де уезде, вверхъ идучи по Илимѣ реке на посторонной реке на Тубѣ ставили де въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ тунгусы на зверен самострелы и одному де тунгусу попалъ на самострель такой же дикон человекъ, а каковъ де онъ возрастомъ и вприметы и какое на немъ было платье, того де онъ Васка ничего не ведаеть и отъ ихъ тунгусовъ неслыхалъ».

Въ результатѣ допроса оказалось, слѣдовательно, что у Тунгузовъ есть старинное преданіе, будто въ горахъ, въ землѣ живутъ дикіе люди Чюлюгден, небольшого роста, объ одной рукѣ, объ одной ногѣ и объ одномъ глазѣ; что они имѣютъ пребываніе въ ямахъ, изъ которыхъ исходитъ смрадный духъ («какъ желѣзо горитъ»), что Тунгузамъ случалось прежде съ ними воевать, но что они вели также съ ними нѣмой торгъ и обмѣнивали птичьи перья на котлы (неизвѣстно — медные или желѣзные), и что

есть слухъ, будто однажды такой дикій человѣкъ попался въ звѣриную ловушку. Въ этихъ смутныхъ разсказахъ смѣшались, повидямому, два преданія или повѣрья; во-первыхъ, что Тунгузы вели прежде нѣмой торгъ съ какимъ-то народомъ, который занимался желѣзною промышленностью, обжигалъ желѣзную руду и обмѣнивалъ металлическіе котлы на перья (нужныя, можетъ быть, для стрѣльныхъ древковъ), а во-вторыхъ, что по разсказамъ стариковъ Тунгузовъ въ землѣ живутъ «чюлюгденъ», полу-люди имѣющіе только одну руку, одну ногу и одинъ глазъ. Послѣдніе, очевидно, соотвѣтствуютъ тѣмъ умершихъ Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые представляются имѣющими человѣческой образъ, но не вполнѣ, безъ руки, безъ ноги или безъ половины головы, или злымъ духамъ (въ первоначальной основѣ тоже, повидямому, душамъ покойниковъ), которые также походятъ на человѣка, но не совсѣмъ, имѣютъ, напримѣръ, одинъ глазъ или два рта и т. п. Возможно, что у самихъ Тунгузовъ преданія о нѣмомъ торгѣ съ какимъ-то народомъ, жившимъ въ землянкахъ и занимавшимся обжиганіемъ руды, смѣшались въ послѣдствіи съ повѣрьемъ о подземныхъ обитателяхъ холоднаго, загробнаго міра, и въ такомъ видѣ дошла до Русскихъ, у которыхъ я сталъ распространяться мнѣ о дикихъ людяхъ чюлюгденъ, живущихъ въ ямахъ.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на языкъ разсмотрѣнной нами статьи, представляющей несомнѣнные слѣды арханзма и придающей произведенію Новгородскаго писателя-торговца своеобразный отпечатокъ отдаленной старины.